

▪ ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ЦИМПЕРАТОРОВ ▪

Алексей Величко

**«13-й АПОСТОЛ»
ВИЗАНТИИ
И КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ**

16+

История Византийской империи

Алексей Величко

**«13-й апостол» Византии
и Крестовые походы**

«Автор»

2021

Величко А. М.

«13-й апостол» Византии и Крестовые походы / А. М. Величко —
«Автор», 2021 — (История Византийской империи)

Настоящая книга охватывает обширный период истории Византийской империи от воцарения династии Комниных до падения Константинополя в 1204 г. В центре повествования находится фигура императора Алексея I, которого современники называли «13-м апостолом», а также его деятельность по восстановлению целостности Византии и ликвидации смертельной угрозы со стороны турок и печенегов в конце XI века. Кроме этого, в книге раскрываются обстоятельства и ход первых Крестовых походов.

© Величко А. М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Династия Комнинов	5
I. Император Исаак I Комнин (1057—1059)	6
Глава 1. Конец Керуллария. Тихий дворцовый переворот	6
Династия Дук	14
II. Император Константин X Дука (1059—1067)	14
Глава 1. Слабость царской власти и торжество «византийского папизма»	14
Глава 2. Турки и норманны	18
III. Царица Евдокия (1067) и император Роман IV Диоген (1068—1071)	25
Глава 1. Тайный план императрицы. Битва при Манцикерте и трагедия царской четы	25
IV. Императоры Михаил VII Дука Паррапинак (1071—1078) и Никифор III Вотаниат (1078—1081)	34
Глава 1. «Смутное время» и бессильный царь	34
Глава 2. Новое «Смутное время» и завершение династии Дук	41
Глава 3. Борьба за инвеституру на Западе. Каносса и Вормс	48
Династия Комнинов	70
V. Император Алексей I Комнин (1081—1118)	70
Глава 1. Надежда Римского государства	70
Глава 2. Надежды почти не осталось. Страшный 1091 г.	78
Глава 3. Византия возрождается. «Тринадцатый апостол»	87
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Алексей Величко "13-й апостол" Византии и Крестовые походы

Династия Комнинов

Памяти выдающихся византинистов и историков
Джона Норвича, Стивена Рансимена, В.Г. Васильевского,
В.В. Болотова, А.И. Покровского посвящается эта книга

I. Император Исаак I Комнин (1057—1059)

Глава 1. Конец Керуллария. Тихий дворцовый переворот

Род Комнинов, пришедший на смену Македонской династии, был знаменитым, но не древним. Только при императоре Василии II Болгаробойце некий Мануил Комнин по прозвищу «Эротик» выбился в политическую элиту Византии, получив назначение на должность правителя Васпуракана. Позже, в благодарность своему полководцу за помощь в подавлении мятежа Варды Склира, этот же император направил двух сыновей Мануила – Исаака и Иоанна на воспитание в Студийский монастырь, а затем приблизил к себе, дав им пусть и незначительные должности, зато при дворце.

Вскоре Исаак женился на Болгарской принцессе Екатерине, а Иоанн – на Анне Даласине, дочери катепана (наместника) Италии Алексея Харона (1006—1008)¹. У Исаака вскоре родились сын Мануил, умерший в детстве, и дочь Мария. Иоанн имел 3 сыновей, один из которых, Алексей Комнин, станет героем нашего будущего повествования, и 5 дочерей.

После мятежных предыдущих лет, омрачивших царствование последних василевсов из Македонской династии, у Византии наконецто появился настоящий император. Расскажем кратко о нем. Это был выдающийся человек, глубоко понимавший проблемы государства и обладавший замечательными личностными характеристиками².

Все солидарны в том, что Исаак I Комнин являл собой образ подлинного солдата: он никогда не отличался любовью к роскоши, был умерен в еде и питье, отдыхе и сне. Мягкий и приятный в домашней обстановке, новый царь на службе был суровым, резким и решительным. Комнин любил во всем порядок и прекрасно знал военное дело. Правда, в гражданских науках он был несилен, предпочитая окружать себя знающими людьми.

Тем не менее Исаак I не был «солдафоном» и много сделал для развития науки и просвещения в Византии. Крайне скупой на слова, очень осторожный на совещаниях синклита, он всегда тщательно выбирал выражения и довольно долго думал, прежде чем принимать какое-то решение. Однако действовал затем очень быстро³.

Когда императорская диадема почил на его челе, он предпринял первые меры для обеспечения безопасности населения и восстановления мира. Наградив свое войско, Исаак распустил его по домам, а сторонников бывшего василевса Михаила VI Стратиотика сохранил на прежних должностях, проявляя к ним уважение за верность присяге. Хотя все его симпатии лежали на стороне военного сословия, Комнин тем не менее понимал значение гражданских чиновников и попытался найти «золотую середину»⁴.

Найдя казну пустой, Комнин не испугался наложить государственную длань на земли аристократов, наглядно продемонстрировав, что царь должен заботиться обо всех, а не только о них. Он безапелляционно взыскивал все недоимки в бюджет с их владений, не делая никаких исключений. Кроме того, Исаак Комнин без страха начал отменять распоряжения предыдущих императоров о дарении казенных земель, отзывая эти имения обратно в государственную казну. Попутно василевс урезал жалованье государственным чиновникам.

Как можно легко догадаться, вскоре он восстановил против себя могущественные силы, которые возглавил Константинопольский патриарх Михаил Керулларий (1043—1058). Но если возбужденный народ вскоре притих, наглядно убедившись, что царем руководит «общее благо» Римской империи, а возвращенные средства он не употребляет на личное обогащение, то столичный архиерей был поражен «неблагодарностью» своего, как ему казалось, ставленника⁵.

Увы, патриарху пришлось пережить очередное разочарование. Нет, как и обещал, император первоначально сдержал свое слово. Помимо записного пройдохи и интригана, любимца Керуллара Пселла, назначенного проэдром синклита (член сената), значительное повышение получил Константин Лихуд, ставший первым министром. Василевс также назначил кесарем мужа патриаршей племянницы военачальника Константина Дуку, как того требовал Керулларий. Теперь, случись что с Исааком, Константин имел все права на царство. И самое главное – Комнин публично отказался от прав императора в сфере церковного управления.

Отныне все чиновники по церковной части назначались исключительно патриархом, и василевс решительно отстранялся от управления церковной казной и имуществом. Такие важнейшие должности в Восточной церкви, как «великий эконом» (распоряжавшийся церковным имуществом) и «скевофилакс» (ризничий, ведавший драгоценными предметами и церковной утварью), теперь замещались кандидатами Константинопольского патриарха, чьими актами лица и назначались на данные посты. Естественно, ни о каком былом праве царя определять кандидатуру Константинопольского и других восточных патриархов, а также епископов и митрополитов Восточной церкви не могло быть и речи.

Это имело далеко идущие последствия. Константинопольской церкви принадлежало множество земельных владений и монастырей. И отказ императора от вмешательства в церковноимущественное управление приводил к неограниченной власти патриарха по распоряжению ими в виде пожалований своим чиновникам и выдвиженцам. В результате он, как западноевропейский сеньор, раздавал лены своим вассалам. Как следствие, царь и патриарх уравнились в правах и статусах, и, даже более того, положение последнего стало несопоставимо выше на практике, чем императора. По существу, в Византийской империи возникло два центра власти, далеко не равнозначные между собой.

Официально объявленная «дружба» царя с архиереем завершилась быстро. Начав финансовую политику крайней бережливости, Комнин обратил свой взор и на монастырские владения. Оставив то, что нужно было, по его мнению, для обеспечения обителей, царь отписал излишки в казну. Конечно, это была вынужденная мера – многие монастыри, желая приумножить свои богатства, нередко заставляли соседних владельцев оставлять владения, а затем через суд закрепляли свои права собственности. Благодаря отсутствию всякой отчетности и освобождению от налогов монастырские земли становились настоящим бедствием для Византии, и император решил с ним бороться⁷.

Следует обязательно сказать, что в глазах современников монастырские обители тех лет превратились в рассадник едва ли не всего самого негативного, что есть в мире. Приобретение монастырями соседних земель сделалось какойто повсеместной страстью, и иноки нередко шли на многие злоупотребления, чтобы только добиться поставленной цели. В судах они бесстыдно подкупали судей, пользуясь тем, что имели большие финансовые средства. В иных случаях действовали хитростью.

Известный историк и писатель св. Евстафий, митрополит Фессалоникийский (1115—1195), один из самых образованных людей своего времени, так описывал один из способов приобретения земель игуменами. «Когда монастырь узнает, что в окрестностях живет человек, который разбогател и у которого есть поля, дома, скот, монахи быстро пытаются завлечь его при помощи даров. Они приглашают его, устраивают баню, когда он приходит, угощают его изысканными блюдами, лакомствами, приятными напитками, стараются угодить ему всеми возможными способами. Потом монахи расхваливают перед ним преимущества монастырской жизни, славят благотворное действие воздержания на здоровье – это онито, которые никогда не постыятся! Они добиваются, чтобы у жертвы заблестели глаза от духовных преимуществ их жизни; они дают ему понять, что только при монашеском образе жизни можно обрести спасение. Они говорят о сверхъестественных видениях, и едва бедняга поверит их словам и отдаст монастырю, вступив в него, все свои владения и деньги, им начинают пренебрегать, говоря, что

никаких склонностей к добродетели у него нет». Сам митрополит видел единственный способ избежать этих безобразий в том, чтобы монастырским имуществом управляли миряне, далекие от обители⁸.

Стоит ли говорить, что мероприятия царя больно ударили по самолюбию патриарха? И поведение Керуллария становилось все более заносчивым и дерзким. Полагая, будто Комнин должен во всем слушаться его, он попытался злоупотребить своим неписанным правом прошения по государственным делам и получил несколько твердых отказов. Взбешенный, Михаил Керулларий начал в оскорбительных тонах выговаривать Исааку I упреки, а потом както безапелляционно заявил: «Я дал тебе царство, я и отниму его у тебя». Архиерей считал, что священство ничуть не уступает по чести императорскому достоинству, и полагал, будто в наиболее важных вопросах патриарх, несомненно, имеет преимущественный голос по сравнению с василевсом.

В довершение всего он надел красные туфли – признак царской власти, вопиющий факт узурпации верховной власти в глазах современников, равнозначный тому, как если бы стольный архиерей украсил себя скипетром и императорской диадемой. Таким способом «Константинопольский папа» демонстрировал византийцам царственное достоинство «Вселенского патриарха». Желая окончательно унижить статус царской власти в глазах византийцев, Керулларий заявил, что монархия – далеко не лучшая форма правления и в Римской империи должна восторжествовать демократия (!)⁹.

Такое поведение шокировало даже самых близких сторонников патриарха. Один из них писал ему в послании: «Не повелевай, не царствуй над нами! Ты пренебрежительно обращаешься с царями и восстаешь против всякой власти. Таков у нас архиерей, показывающий, насколько риза сильнее порфиры и митра царского венца. Ты – как бы отличное от нас естество, считаешь чуждым себе род человеческий, на всех насупливаешь брови, так что я сомневаюсь, называть мне тебя богом или человеком. Будучи демократом, ты не одобряешь монархии»¹⁰.

Скорое разочарование в Исааке Комнине пробудило в Керулларии давнюю мысль заменить царя, тем более что кандидатура имелась – любимый племянник, если считать по его жене, Константин Дука. Впоследствии факт того, что патриарх замыслил очередной заговор против императора, был подтвержден его давним помощником и преемником Константином Лихудом, а также продававшим всех по очереди Михаилом Пселлом¹¹.

Видимо, Керулларий действовал чересчур прямолинейно и открыто, хотя не исключено, что о его планах донесли сами бывшие сторонники. Пселл в своем сочинении немного проговаривается, что накануне описываемых ниже событий патриарх побывал у императора и весьма дерзко с ним разговаривал. Исаак промолчал, сдержав свой гнев, но внутри себя уже принял решение¹².

Так это было или иначе – достоверно неизвестно, однако император первым делом отослал в провинцию Константина Дуку, а также сослал племянников патриарха – Никифора и Константина Керуллариев. Нужно было изолировать и Михаила Керуллария, но царь не решился арестовать патриарха в столице, опасаясь народных волнений. Чуть обождав, Исаак воспользовался отъездом Керуллария за город и приказал задержать его. 8 ноября 1058 г. варяги, составляющие царскую гвардию, вошли в патриаршие покои, стащили архиерея с трона и препроводили на остров Проконес.

Но это было только половиной дела – Комнин понимал, насколько велика опасность волнений в столице со стороны населения, до сих пор считавшего Керуллария законным патриархом. Поэтому император созвал совет, куда были приглашены высшие сановники Византии и некоторые архиереи. На совете ему напомнили, что согласно установленным традициям отсутствие патриарха на престоле не может длиться более двух дней. Затем он должен быть или предан суду, или добровольно отречься от кафедры. Понятно, что второй вариант казался гораздо симпатичнее, но все понимали – Керулларий по доброй воле не оставит патриарше-

ства. В конце концов решили организовать над Керулларием открытый суд, и Пселл, в очередной раз предавший своего благодетеля, даже взялся составить обвинительное заключение¹³.

Коснемся попутно личности этого исторического персонажа. Родившись в 1018 г. в семье довольно бедного константинопольца, он в 5 лет начал учиться грамоте и, несмотря на нужду, получил блестящее образование – изучил риторику, право, философию и даже сделался начальником высшей философской школы. Однако 19-летнего юношу прельщала карьера чиновника, и он поступил на службу, сделав не менее головокружительную карьеру. Пребывая в должности младшего чиновника царской канцелярии, Пселл написал панегирик императору Константину IX Мономаху, в котором расхваливал до небес его щедрость и широкую душу. Заканчивал свое повествование молодой льстец жалобами на свое бедственное положение.

Конечно же, Мономаху очень понравилось это послание, и вскоре Пселл стал уже обычным собеседником вельмож, демонстрируя перед ними свои таланты, которых, надо отдать должное, у него было много. Не жалея лестии и в последующие годы, Михаил Пселл близко сошелся с царицей Феодорой и Склиреной и продолжал источать реки красноречия, хотя в душе презирал царя и стыдился его. Что не мешало ему, однако, принять в дар от этого василевса дом, подати с города Мадита, а также часть доходов с трех монастырей за покровительство им и защиту от местной администрации. Таков был бывший любимец патриарха, решивший стереть в порошок своего бывшего благодетеля¹⁴.

Но и после этого Исаак I Комнин попытался уладить дело миром, не желая ронять честь патриарха. По его приказу к месту пребывания архиерея были отправлены митрополиты, пытавшиеся уговорить Керуллария, дабы тот добровольно сложил с себя сан, но Михаил, конечно, отказался. Пришлось готовить полномасштабный судебный процесс, и даже определили место для суда в одном из городов Фракии. Патриарху предъявлялось 5 обвинений, среди которых помимо других значились ересь или нечестие, тирания и святотатство. Но тут неожиданно пришло известие о смерти Михаила Керуллария¹⁵.

Его кончина развязала царю руки и освободила от необходимости выносить сор из избы. Были организованы роскошные похороны, а Константин Дука, как мы вскоре убедимся, человек безвольный и нерешительный, как не представлявший непосредственной опасности для императорской власти, был возвращен в Константинополь; обвинения в государственной измене с него сняли.

Очевидно, Комнин очень не хотел, чтобы конфликт с патриархом стал предметом народных сплетен. Он крайне дорожил статусом царя и боялся, как бы эта история не ударила по авторитету верховной власти. Поэтому Исаак I сделал все, чтобы только устранить любые возможные причины для будущего недовольства со стороны партии Керуллария. Он вернул в Константинополь племянников покойного патриарха, предоставил им «право свободной речи» и пожаловал высокими должностями. Наконец, выполнил и последнюю просьбу (требование?) товарищей Михаила Керуллария, назначив новым Константинопольским патриархом его давнего ученика и помощника Константина III Лихуда (1059—1063).

Очевидность того факта, что Лихуд был назначен помимо желания Исаака Комнина, несомненна. Лихуд принадлежал к древней аристократической семье, был очень образован и с младых лет приобщился к высшим государственным должностям, не проявив, правда, на них большого таланта. Как и Михаил Керулларий, Константин Лихуд отличался трезвым умом, гибкостью мышления, твердостью характера и был глубоким почитателем идеи о превосходстве священства над царством. Правда, в отличие от покойного Михаила, Константин отличался большей сдержанностью, внешней мягкостью и безграничным терпением¹⁶.

Еще в качестве первого министра при императоре Константине IX Мономахе он позволял себе довольно резкие выступления в адрес василевса, за что был лишен своего места. Правда, затем царь, остро чувствующий недостаток в толковых управленцах и, возможно, желая проложить мостики между собой и Михаилом Керулларием, предложил Лихуду вер-

нуться на службу, но тот отказался. Такой же отказ позднее получила и императрица Феодора, из чего можно сделать вывод, согласно которому Лихуд формировал общественное мнение о невозможности служить при таких самодержцах, поскольку их действия ему кажутся во многом предосудительными. Желал ли иметь Комнин такого человека близ себя, да еще и облаченного в патриарший саккос – ответ очевиден.

Назначение Лихуда патриархом являлось весьма непростым и с канонической точки зрения – Константин был мирянином, хотя и неженатым. Хотя на Востоке никогда не существовало категоричных запретов на посвящение мирянина в патриархи, после громких Соборов IX века византийцы старались не злоупотреблять этим обыкновением. Теперь же на патриарший престол был вновь возведен мирянин, причем в ситуации, когда в этом не было никакой объективной необходимости.

Наконец, один эпизод наглядно демонстрирует, насколько «мил» был Комнину Лихуд. Еще при Константине IX Мономахе Лихуд получил земельное владение Манганы в качестве награды за свою службу – дворец арсенала с монастырем Святого Георгия, к которому были приписаны населенные пункты. Приняв кандидатуру Лихуда, Исаак Комнин, однако, пожелал вернуть Манганы в казну, но не встретил согласия у будущего архиеерея.

Тогда император сделал неожиданный ход – дождавшись, когда Константин Лихуд снял с себя сенаторское достоинство и принял посвящение в пресвитеры, он публично объявил о наличии препятствий для епископской хиротонии Лихуда. Как пояснил тут же император, речь шла о Манганах, которые сохранялись в собственности кандидата, что противоречило канонической традиции. Лихуд попал в безвыходное положение: светских званий и чинов он уже лишился, но патриархом еще не стал; оставаться рядовым пресвитером ему очень не хотелось. Пришлось возвращать имение в казну¹⁷.

Согласимся – если бы император желал поставить Лихуда патриархом, зачем ему было обижать своего ставленника, да еще затевать для этого столь сложную комбинацию? Ответ, конечно, очевиден.

Но, сам того не зная, Комнин разбудил силы, превышающие его возможности, и шел прямым путем к собственной гибели, не подозревая о грядущих опасностях. Партия «византийских папистов», потеряв своего многолетнего главу, невозмутимо сомкнула ряды. Во главе с Лихудом она подготовила новую, на этот раз успешную интригу против императора – тихую и бескровную.

Удивительно, но внешне это практически ни в чем не проявлялось. Как рассказывают, патриарх и василевс особой любви друг к другу не питали, но и не враждовали открыто. Вне всякого сомнения, патриарху не нравилась церковная политика василевса, но он благоразумно молчал, нигде не проявляя своего недовольства. Конечно, это не означало, что Константин Лихуд не имел мыслей о будущем царского рода. Однако, поверив внешнему смирению патриарха, император занялся другими делами, требовавшими его личного участия.

В первую очередь следовало озаботиться безопасностью государства, тем паче что опасность никуда и не уходила. Так, осенью 1057 г. турки напали на приграничные к Византии области Армении, а оттуда вторглись в ромейские земли. Одна турецкая армия напала на фему Колонии, вторая пошла к Мелитине, уничтожая все на своем пути. Гарнизон Мелитины, пусть и небольшой, смело напал на неприятеля, нанеся туркам серьезные потери; правда и византийцы потеряли многих товарищей. Но подкреплений не было, и, как следствие, через 12 дней город пал, и все его защитники погибли.

Правда, потом туркам пришлось всю снежную зиму стоять перед горными перевалами, которые охраняли армянские отряды лучников, не позволявшим врагу пройти через горные проходы. Но в марте 1058 г. снега сошли и турки смогли вернуть долг сполна, потопив в крови встречающиеся им на пути армянские селения. Затем, испытывая недостаток в фураже и еде, турки прошли к городу Мормреан, где встретили отчаянное сопротивление. На свое несчастье,

предводитель турок решил пообедать на фоне крепости и, сидя на коврах перед ее стенами, кичливо хулил ее защитников. Внезапно пущенная кемто из армян стрела пробила его горло, и он умер на глазах своих товарищей.

Воспользовавшись заминкой врага, византийцы и армяне дружно напали на турок и многих убили, отобрав добычу и освободив пленных христиан. Правда, буквально на следующий день турки смогли взять реванш. Но успех недолго сопутствовал им: когда сарацины оказались в пределах Тарона, на них напали воины из племени санасунов, по преданию, потомков легендарного Ассирийского царя Синнахериба (705—680 до Р.Х.), которых возглавил некий Торник Мамиконеан. Поражение турок было полным, лишь немногие из них вернулись в свой дом после этого сражения¹⁸.

А весной 1059 г. царь уже сам отправился на войну с печенегами во главе византийской армии. Кочевники в минувшие годы многократно нарушали мирные соглашения, разоряя приграничные земли Византийской империи. Узнав о продвижении сильного римского войска, печенеги бросили свои пастбища и попытались ретироваться. Лишь одно их племя во главе с ханом Сельте дало сражение византийцам, но потерпело сокрушительное поражение. Варвары срочно запросили мира, а попутно император принял заверения в дружбе от угров (венгров), явившихся к нему близ Триадицы (нынешней Софии). К сожалению, триумф был несколько омрачен неожиданными потерями – 24 сентября 1059 г. близ Ловеча византийская армия попала в страшную бурю, унесшую многие жизни. Впрочем, это не помешало Исааку Комнину торжественно вступить победителем на улицы Константинополя¹⁹.

Примечательно, но, находясь в походе, император эпизодически получал какие-то смутные сообщения из столицы о готовящемся заговоре против его власти, и после первой победы срочно повернул войска обратно, хотя, без сомнения, имел более широкие планы на эту кампанию. Однако заговорщики во главе с новым патриархом действовали очень скрытно, и по возвращении в Константинополь Комнину не удалось узнать истину. Но все чувствовали, что в воздухе носится что-то недоброе, трагичное²⁰.

Первым признаком надвигавшейся беды стала крайне негативная оценка столичной знати результатов похода царя – как будто он потерпел поражение, а не одержал блистательную победу! «Народный глас» озвучил, как всегда, Михаил Пселл – человек без совести и чести. В своем послании императору, тут же почему-то ставшем общеизвестным, он писал: «Сколько головами варваров ты уравнишь гибель одного ромея (римлянина), пусть даже это копейщик, или пращник, или вестник, или трубач? Куда лучше было бы, если бы никто из наших не пал на поле брани, а варвары подчинились в результате мирных переговоров».

Разумеется, никак иначе, кроме сумасбродной, эту идею не назовешь. Но если бы Пселл был один – это было бы полбеде. Куда хуже, что он в действительности выражал мнение целой группы столичной аристократии и чиновничества. Сложился своеобразный исторический парадокс – объективно император действовал в интересах централизации Византийской державы и государственного аппарата, и этот же аппарат, который должен был быть заинтересован в такой политике, стал в ряды оппозиции василевсу²¹.

Исаак не знал, что в действительности дни его уже сочтены. В декабре 1059 г. император отправился на охоту, простудился и заболел. По возвращении царя в Константинополь в его покои прибыл Михаил Пселл. Сославшись на свои познания в медицине, он осмотрел императора и поставил «диагноз» – василевс смертельно болен. Находившийся здесь же другой лекарь удивленно возразил: «Это кратковременное недомогание, которое пройдет за 2—3 дня». Так на самом деле и было, хотя в течение нескольких дней Исааку I лучше не становилось – простудная горячка оказалась более опасной, хотя, конечно, не смертельной. Пришедший вторично во дворец Пселл с присущей ему хитростью и цинизмом опять подтвердил свой диагноз, после чего начался настоящий переполох²².

Срочно направили посольных за императрицей Екатериной, дочь Марию, братом Иоанном и его детьми. Полагая, со слов Пселла, будто жить Исааку оставалось считанные часы или даже минуты, они просили его распорядиться царским престолом. В это время в покои царя вошел патриарх Константин Лихуд. Он попросил выйти всех, кроме Пселла, чтобы исповедовать «умирающего», а попутно начал горячо уговаривать императора постричься перед смертью в монахи. Благочестивый царь, воспитанник Студийского монастыря, конечно, согласился. А затем между ними состоялся еще один разговор, последствия которого мы вскоре увидим.

Затем патриарх и Пселл вышли к родственникам и объявили волю императора. Для всех присутствующих она была совершенно неожиданной – Исаак I Комнин назначил императором не брата Иоанна, а совершенно постороннего ему, более того – тайного и опасного конкурента Константина Дуку. Все были ошеломлены, но противиться последней воле «умирающего» не осмелились.

Только царица, интуитивно поняв, что здесь все нечисто, с яростью набросилась на Пселла с криком: «Много обязаны мы тебе за совет! Хорошо же ты оплатил нам, убедив императора перейти к монашеской жизни и отдать власть чужому человеку!» Царица умоляла своего супруга пожалеть ее и детей, которым отныне придется оставить царский дворец и вести жизнь сирот, но император был непреклонен. На ее упреки в адрес Пселла он спокойно объявил придворным, что жена по обычной для женщин привычке не дает ему выполнить благое намерение, и слово его непреложно²³.

Почему был сделан такой неожиданный и несуразный выбор – остается только гадать. Нет сомнения, что имя Константина Дуки нашептали царю в минуту, за которой, как ему казалось, он должен предстать пред Богом. И просто невероятно, что Лихуд и Пселл обошлись одними уговорами – очевидно, они ссылались на опасности, грозящие при другом кандидате на царство императрице и родственникам Исаака I; возможно, и даже почти наверняка, угрожали. Трудно представить, что «птенцов гнезда Керуллария» пугали такие «мелочи», как физическая расправа над несколькими людьми, пусть и царскими родственниками. И совершенно невероятно, что Исаак Комнин мог игнорировать права на императорский титул своего брата, доброго, умного и порядочного человека, без веских причин, самой ходовой из которых могла быть только смерть Иоанна и всех остальных родственников.

Правда, по другой версии, Исаак I первоначально позвал к себе брата, куропалата (попечителя дворца) Иоанна и предложил тому царский венец, на что получил категоричный отказ. И только после этого Комнин якобы распорядился передать власть Константину Дуке²⁴. В принципе такое событие также могло иметь место, и оба сообщения утрачивают противоречие друг по отношению к другу, если мы допустим, что со стороны партии Лихуда—Пселла могла быть проведена предварительная беседа, обильно насыщенная угрозами, не только с царем, но и с Иоанном Комнином.

Едва все вышли из покоев, чтобы дать Исааку спокойно отойти в лучший мир, как ему неожиданно стало... легче. На следующий день царь почувствовал, что болезнь уходит. Он встал, прошелся по комнате и, вообще, понял, что выздоравливает. В его уме возникли сомнения в правильности ранее принятого решения, и он уже начал передумывать принимать постриг. Но все изменил интриган Пселл.

Предвидя опасность, он немедленно появился близ императора и начал уговаривать того не изменять ничего из объявленного ранее. Пселл заявил Исааку I, будто на основании его слов о назначении Дуки своим преемником тот уже надел пурпурные туфли, а собранные сановники уже провозгласили Константина Римским императором – отступить некуда. Наверняка он добавил еще что-то, сыграв на благородстве и любви императора к своим близким. А рядом с Комнином сидел патриарх Константин Лихуд, мягко, но настойчиво убеждая царя в том, что человек, принявший решение посвятить себя Богу, не может ничего внезапно изменить, если,

конечно, сохранил в своей душе страх Божий²⁵. Оба они отлично знали, что прямой и честный Исаак Комнин никогда не откажется от своих слов и ни за что не признается супруге, будто поступил так под влиянием чужих речей. Для них это была беспрюирышная игра...

Призвали Константина X Дуку, которого публично, под слезы и плач родственников император объявил новым Римским царем. Затем Исаак I Комнин принял постриг и отправился в монастырь. Еще более года прожил Комнин в качестве монаха Студийской обители и лишь потом отдал Богу душу, терзаемый в конце дней тем, что был так легко обманут. А его супруга Екатерина и дочь Мария приняли монашеский постриг и прожили еще долгую жизнь в монастырской обители. Так свершился тихий дворцовый переворот, гибельный для Византии.

По счастью, род Комнинов не угас и через 20 лет даст великолепный плод в лице спасителя Римской империи, одного из самых выдающихся императоров Византии, Алексея Комнина. А пока царская власть рассыпалась в неумелых руках слабых представителей новой династии Дук.

Династия Дук

II. Император Константин X Дука (1059—1067)

Глава 1. Слабость царской власти и торжество «византийского папизма»

52-летний Константин X Дука, взошедший на царский престол, ранее украшенный блистательными фигурами настоящих императоров, являл собой образ жалкого подобия великих предшественников. Тонкий эстет, обаятельный в общении, он слыл слабовольным человеком и не блистал самостоятельностью мышления.

Несколько слов о его семье: род Дук отличался знатностью, хотя предположения о его происхождении от св. Константина Великого лишены всякой исторической основы. Тем не менее многие знатные военачальники, прославившие византийское оружие, носили фамилию «Дук» и имели, повидимому, прямое отношение к новой царственной династии. Но это – лишь предположения, а достоверно известно только, что сам Константин X родился в Пафлагонии, в первый раз был женат на дочери Константина Далассина, несостоявшегося избранника императрицы Зои. А после смерти жены, уже в зрелом возрасте, сочетался браком с Евдокией Макремволитессой (1021—1096), племянницей патриарха Михаила Керуллара²⁶.

Лишенный какихлибо замечательных свойств характера, он никогда не смог бы взойти на императорский престол без упорной поддержки клерикальной партии во главе с Керулларием, Лихудом и Пселлом; и их энергия в итоге была вознаграждена сполна. Дука легко расстался со всеми приобретениями Исаака I Комнина и быстро отказался от какоголибо участия василевса в управлении Церковью. Первый же хрисовул царя, изданный тотчас после воцарения, означал резкое умаление царского сана.

Император рассмотрел в своем документе рядовой, казалось бы, вопрос о церковной иерархии. Но попутно затронул очень важную тему – о традиционном полномочии царя менять границы епархий и даровать епископам высшие церковные титулы. До сих пор никто из византийских императоров, памятуя о древних прерогативах царей, даже не озадачивался таким вопросом. Теперь же Константин X Дука признал такую практику неблагочестивой и неканоничной.

«Какую имеет власть царь или даруемое им звание политического характера переименовывать архиерейские кафедры, которые установил Бог через святых и всехвальных Апостолов и богоносных Отцов? – писал он. – Ибо если царь стоит со страхом и трепетом – ведь и царь человек – в то время, когда иерей сидит, то каким образом стоящий сидящему может даровать высший трон? И это можно сказать не только о митрополитах и архиепископах, но и бедном священнике, запрягающем волов и пасущем стадо. Наконец, в Церкви, где есть святейший и Вселенский патриарх, на Соборах, на заседаниях, на судах, на кафедрах и прочее каждый будет иметь тот трон, который дала ему Святая Премудрость, которая есть Слово Бога и Господа. И кому Она дала трон, у того, кто может отнять, или кто может лишить его? А в царском дворце каждый будет иметь честь, определенную ему синклитом»²⁷.

Благодаря политике отказа от всех полномочий императора в церковной сфере и приданию статусу Константинопольского архиерея высшего значения царь и патриарх совершенно сравнялись между собой – даже во внешних формах деятельности. Сохранился любопытный документ, свидетельствующий о появлении при Константине Дуке практики раздачи Кон-

стантинопольским патриархом фимиама. Столичный архиерей и император садились рядом в Храме Святой Софии и раздавали – царь чиновникам ругу, а патриарх священникам – вайи. Не только патриарх, но и его хартофилакс отныне носили золотую триару, а конная процессия архиерея отличалась поистине царской пышностью²⁸.

Если мы учтем, что завоевания Михаила Керуллария в виде права патриарха самостоятельно управлять церковным имуществом и раздавать церковным чиновникам пронии (владения) вновь были восстановлены, то, очевидно, во время такой раздачи царь и патриарх являли современникам образ двух равноправных как минимум монархов, каждого в своей области. Казалось бы, теперь Церковь должна вздохнуть свободно.

Но стремление к «равноправию» и «свободе» Церкви от светской власти на самом деле привело к самым неприятным последствиям: отождествлению Кафолической Церкви с клиром и полному подчинению государственных, имперских задач интересам клерикальной партии. В полном соответствии с теократическими идеалами Римского епископа Константинопольские архиереи начали проводить политику поглощения государства Церковью на папский манер.

Началось резкое расширение полномочий Синода, возглавляемого Константинопольским патриархом. Теперь этот орган отвечал практически за все церковные дела в Восточной церкви, включая канонические, догматические, литургические и прочие. Возникли сугубо синодальные чиновники, подчиненные непосредственно патриарху, хотя и являющиеся всего лишь диаконами Храма Святой Софии. В их число вошли: великий эконоом или финансовый администратор, великий скевофилакс, надзиравший за соблюдением богослужебного устава, великий сакелларий, заведующий монастырями, великий хартофилакс, руководивший патриаршей канцелярией, великий сакеллий, следивший за приходскими храмами. Позднее появится шестой чиновник – протэкидик, занимавшийся вопросами защиты тех, кто искал ее у алтаря Храма Святой Софии.

Это было настоящее церковное министерство, взявшее всю полноту власти в свои руки. Лица, занимавшие указанные должности, неизменно выдвигались на высшие посты. Особенно значима была должность хартофилакса, в отсутствие патриарха председательствующего на заседаниях Синода. В скором времени эта группа приняла к своему ведению вопросы взаимодействия с сенатом, и сам император часто поддерживал патриарших чиновников, видя в них серьезную силу. Так, по одному справедливому замечанию, впервые восточное духовенство выступило в качестве единой и организованной силы на политической арене²⁹.

Власть Константинопольского патриарха, не стесняемая более ничем и никем, теперь стала поистине безграничной. И, конечно, не ограничивалась церковной сферой – столичные архиереи активно вторгались в дела Византийского государства. В условиях естественно отсутствующего жесткого и законодательного разграничения Византийской империи и Восточной церкви это означало только одно – патриарх стал почти полновластным правителем обоих союзов, далеко оставив в практической плоскости за собой василевса. Михаил Керулларий, которого вскоре по инициативе царицы Евдокии, его племянницы, канонизировали, мог быть счастлив; его идеалы получили практическое воплощение³⁰.

Словно специально Дука начал проводить политику, кардинально противоположную той, какую вел Комнин. Принадлежа к военному сословию, он тем не менее совершенно оставил в стороне проблемы армии, увлекшись вопросами правосудия и усовершенствования фискальной системы. Как следствие, стратиоты, которых лишили средств существования, имели только один выход – превратиться в сборщиков налогов. Но, несмотря на все ухищрения василевса, денег в государстве больше не стало, а авторитет власти падал в глазах граждан все ниже и ниже.

Объяснялось это на самом деле очень просто: вернув монастырям и Константинопольской церкви все то имущество, которое ранее было отобрано в государственную казну императором Исааком I Комнином, Дука резко подорвал финансовую основу Византийской импе-

рии. И, чтобы наверстать упущенное, принялся с азартом выколачивать налоги с других, менее защищенных слоев населения. Вот для выполнения этой, мягко говоря, не совсем военной задачи и привлекались стратиоты, со временем совершенно позабывшие военные упражнения и воинскую дисциплину.

Вместо них царь, опасавшийся собственной национальной армии, начал широкую вербовку сомнительных по боеготовности и моральным устоям наемников из числа германских племен, печенегов, узов, болгар и славян. Более того, совершенно не обладая даром стратегического военного планирования, император сосредоточил основную массу войск в Анатолийской феме, чем фактически открыл для грабежа границы государства³¹.

Особой страстью императора стал суд, где он любил заседать и решать спорные вопросы, особенно если они касались финансов. Судебные учреждения заполнились жалобами и доносами на плательщиков налогов, а судебные процессы превратились в софистические споры, в которых неизменно побеждал василевс³². Однако в результате этих мероприятий он так и не смог компенсировать всех потерь казны от чрезмерных расходов на нужды клира. А поэтому император все больше и больше экономил на армии – пагубная и опасная затея.

Конечно, клирики его очень любили и называли «монахолобцем». Он был на редкость благочестивым человеком, а при восшествии на престол даже пообещал никогда не отнимать ничьей жизни – и, надо сказать, клятву свою сдержал. Все свободное время царь проводил за чтением книг, особенно Священного Писания. Желая прослыть мудрым, он старательно уходил от советов своих приближенных, делая вид, будто сам знает, как следует поступать в каждом случае³³. Но и собственные замыслы Дуки не приносили успехов Византийскому государству.

При нем особенно возвысился старый интриган Михаил Пселл, получивший многие блага и почести. Его влияние было чрезвычайно сильно, и именно по совету Пселла новым Константинопольским патриархом, когда умер Константин Лихуд, стал Иоанн VIII Ксифилин (1064—1075). Правда, судя по поведению, император не особенно доверял своему придворному плуту, опасаясь очередной политической комбинации, на которые Пселл был мастер. Пожалуй, единственное исключение среди всех придворных составлял брат царя кесарь Иоанн. Именно ему император поручил заботу о своих детях, когда однажды тяжело заболел³⁴.

Впрочем, едва ли справедливым будет говорить, что, заменяя национальную фемную армию наемной, император готовит какуюто военную реформу. Совсем нет! Миролюбивый, хотя и профессиональный военный, немного сибарит, тем не менее не любящий военные походы и сражения, Константин X Дука вообще полагал, что самым действенным способом обеспечивать безопасность границ является не война (хоть силами национальной армии, хоть наемников), а покупка мира у варваров. Разумеется, это была ошибочная стратегия.

Как известно, такие способы удержания мира не всегда приводят к успеху. По крайней мере, они действительны лишь в тех случаях, когда подкрепляются наглядной военной силой, могущей быть использованной в случаях излишней взыскательности второй стороны по переговорам. Теперь такой силы у Византии уже не существовало, и мирный настрой Константина X Дуки не находил соответствующего отзвука в сердцах новых захватчиков.

А они стоили того, чтобы присмотреться к ним повнимательнее – народы, служащие орудием Провидения, заслуживают этого. На Кавказе, и особенно в Армении, местные жители жестоко страдали от набегов туроксельджуков – в скором времени мы коснемся истории этого народа. Дошло до того, что Грузинский царь Баграт IV (1027—1072), не получивший желанной помощи, разорвал отношения с Византией и заключил союз с турками. Благодаря этому туркам открылась дорога на армянские княжества Карса и Лорхи. А в 1060 г. они напали на Эдессу и разграбили многие месопотамские владения Римской империи.

Правда, и у этой «бледной луны» иногда проблескивали отблески старой византийской имперской мысли. Так, используя нашествие турок, совершенно губительное для Армении, Кон-

стантин X попытался решить сразу две задачи: подчинить Империи армянские княжества и воссоединить Армянскую церковь с Кафолической церковью. Но, надо сказать, реализация этого перспективного плана отличалась какойто безумной отчаянностью, как будто стесненный временем царь решил напоследок показать всем и самому себе свою былую силу. По свидетельствам современников, в считанные месяцы византийцы сделались полными владыками Армении. Они безжалостно разогнали армянские вооруженные формирования и жестоко расправлялись с теми, кто пытался сопротивляться. Множество знатных армянских семей было уничтожено, многие армяне оказались в рабстве. Особенно страдали молодые красивые мальчики, которых оскотпляли и делали евнухами.

Попытки соединения двух Церквей также сопровождалась такими явлениями, при наличии которых было бы нелепо ожидать положительного исхода. Так, в первую очередь император потребовал от католикоса Армении Хачика II (1058—1064) отчет о сокровищах Армянских царей – Константин X почемуто полагал, что именно католикосы являлись хранителями этих богатств. А когда Хачик II ответил отказом, Дука потребовал от него уплатить Византийскому правительству крупную сумму денег за право сохранить свою кафедру – разумеется, католикос отказался. Тогда его арестовали и доставили в Константинополь, где католикос провел 3 года в заточении, деля тюремную жизнь вместе со своими ближайшими клириками.

Было бы странным после всего этого предполагать, будто созданный в 1060 г. распоряжением Константина X объединительный Собор в Константинополе при участии Севастийских князей Ашота и Абусахла добился искомого результата. Да, монах Иаков Санагинский составил записку, из которой следовало, что армяне признают старую унию с византийцами. Однако, когда Константин X прочитал этот трактат царю Гагику, тот сразу заявил, что это – мнение одного частного лица, а не всей Армянской церкви. Вновь созвали Собор – уже только из армянских епископов и монахов, но тот ограничился лишь изложением Символа Веры, как его исповедовала испокон веков Армянская церковь. Таким образом, и эта затея сорвалась³⁵. А между тем императору следовало бы подумать о безопасности собственных границ, поскольку враг уже стоял у ворот.

В сентябре 1064 г. узы в количестве 600 тысяч человек переправились через Дунай и напали на византийские земли. Все попытки помешать их переправе были тщетны: болгары и византийцы, занявшие оборону на противоположном берегу, были разбиты, а два знатных сановника попали в плен. Одна часть кочевников после этого направилась на Югозапад, и вскоре Солунская область и вся Эллада запылали в огне пожарищ. Константин X совершенно растерялся. Ему казалось немыслимым бороться с мириадами варваров, выросших с оружием в руках. Казалось, можно было применить обычный прием – купить мир, но средств государственной казны явно было недостаточно для этого.

Неизвестно, как развернулись бы события дальше, но, напуганный народным гневом, василевс направил посольство к узам для переговоров, надеясь привлечь кочевников на свою сторону щедрыми дарами. Действительно, несколько вождей «клюнуло» на императорское предложение, но основная масса попрежнему грабила Болгарию, Фракию и Македонию, доходя до стен Константинополя. Деморализованное столичное население начало всерьез поговаривать об эмиграции в Европу, но для начала объявило всеобщий пост и покаяние.

Перспективы у Константина X были весьма плачевные, но тут вмешался Божий Промысел. Когда император во главе своего отряда в 150 всадников выехал навстречу врагам, к нему явились освободившиеся из плена военачальники Никифор Вотаниат и Василий Апокапа с сообщением о гибели страшной орды. В силу неведомых причин повальная болезнь напала на кочевников и произвела страшные опустошения в их рядах. Оставшиеся в живых варвары приняли византийские предложения о мире и ушли прочь. Константин X с триумфом вернулся в столицу³⁶.

Но внешняя торжественность никого не могла обмануть – в Римской империи наступила настоящая разруха, ознаменованная резким падением престижа царской власти. Конечно, патриоты отечества, недовольные таким положением дел, попытались предпринять контрмеры.

Уже 23 апреля 1060 г., в праздник святого великомученика Георгия, был случайно раскрыт заговор против царя. Аристократы и представители военного сословия попытались захватить василевса вместе с семейством, погрузить на судно и по дороге в столицу умертвить, подняв в Константинополе бунт. Но план не удался, и брат императора Иоанн Дука вместе с дворцовой стражей разогнал мятежников. Провели следствие, нашли виновных, которых ждали обычные наказания – пострижение в монахи, ссылка, бичевание и конфискация имущества в казну; но никто казнен не был³⁷.

Военной партии был нанесен тяжелый удар, но она не сдала свои позиции, хотя более не выступала открыто против Константина X вплоть до его смерти.

В октябре 1066 г. Дука вновь серьезно заболел. Опасаясь скорой смерти, он поручил своего сына Михаила заботам брата, кесаря Иоанна, и патриарха Иоанна VIII Ксифилина. Надеясь обеспечить права своего семейства на царство, по традиционному обычаю приказал патриарху венчать сразу всех сыновей – Михаила, Константина и Андроника на царство как соимператоров.

Не желая оставлять престол никому, кроме них, Дука объявил императрицу Евдокию регентшей при условии, что она больше никогда не выйдет замуж. Помимо этого, все члены синклита дали письменные расписки, что никого не выберут царем, кроме сыновей Константина X. Этот план, без сомнения, был предложен царю клерикальной партией, сплотившейся вокруг Константина X Дуки и очень заинтересованной в том, чтобы сохранить свое влияние на государственные дела при малолетних императорах и слабой царице³⁸.

В мае 1067 г. император Константин X Дука скончался в возрасте 60 лет, завершив свое бесславное царствование, принесшее столько бед Римской империи³⁹.

Глава 2. Турки и норманны

Между тем василевсу следовало помимо чтения богословских книг обратить внимание на двух новых и очень могущественных врагов, возникших на Востоке и Западе, турок и норманнов.

Перемолов за 400 лет арабскую силу, Византия уничтожила старый исламский мир. Бедуины, «враги культуры», вернулись в свои пустыни и занялись старым ремеслом – грабежом. Однако они обеспечили долгую жизнь религии Мухаммеда, которая широко распространилась в Африке и Испании, найдя себе новых почитателей. Исламский мир стал космополитичным, и политическое влияние арабского элемента в нем практически сошло на нет⁴⁰. Однако, сама не желая того, Византия открыла двери новым и очень опасным завоевателям, с которыми, как ни странно, эпизодически встречалась уже издавна.

Туркисельджуки, одна из ветвей турецкого племени гузы, являлись потомками хана Сельджука (985—1009), состоявшего в вассальной зависимости у Туркменского хана. Некогда из киргизских степей они спустились в область Бухары, где приняли Ислам. Их отдельные отряды уже несколько столетий охотно служили наемниками в византийской армии и боролись с арабами. Но с середины XI века ситуация существенно изменилась – турки проявили склонность к объединению и начали решительное наступление на арабские земли.

Решающие события произошли в 1034 и 1035 г., когда внуки Сельджука – Чагрыбек (989—1060) и Тогрулбек (1038—1063) продвинулись к Хорасану. Арабы никак не могли помешать их стремительному продвижению: в 1037 г. пала Мерва, а в 1038 г. под Серахсом они потерпели тяжелейшее поражение от новых завоевателей. В 1040 г. турки вновь одержали победу и направились затем в Персию. В 1051 г. пали Исфахан и Хамадан. После этого тюркские

отряды направились на Юг – в Керман, и на Север – в Азербайджан, дойдя до границ Византийской империи. В 1052 г. они захватили область Карса, в 1053—1054 гг. – окрестности озера Ван, откуда направились на Кавказ, захватив в поле своего зрения Эрзерум и Грузию.

Тем временем мятежник альБессарири, о котором говорилось в предыдущей книге, при помощи Фатимидов, приславших ему войска, захватил Багдад и бросил халифа альКаима Биамриллаха (1031—1075) в темницу. Оттуда несчастный правитель сумел какимто образом направить несколько писем своим верным подданным с просьбой о помощи, и одно из них попало к Тогрулбеку. Тот без особого труда разгромил армию мятежников и 25 декабря 1055 г. вступил в Багдад, где принял титул «султан», а в начале 1058 г. – еще более амбициозный титул «царя Востока и Запада»⁴¹.

При этом он облобызал, соблюдая этикет, землю перед стопами халифа альКаима Биамриллаха и сел рядом с ним только после особого приглашения. Впрочем, с позиции реальной силы этот эпизод ни на что не влиял – так, восточная вежливость, никого ни к чему не обязывающая.

С 1059 г. сельджуки начали систематический грабеж византийских территорий, достигнув в этом же году Сиваса. В 1064 г. турки захватили столицу Багратидов город Ани, и его взятие повлекло за собой страшные разрушения и массовую гибель армян. Было разрушено более 1000 храмов, а воды реки Ахуриана покраснели от крови брошенных в нее трупов; и это была далеко не метафора. Остальные города, видя участь Ани, сами сдавались туркам в надежде на их милость. Византийские военные соединения, малочисленные и слабые, ничего не могли противопоставить новому завоевателю и отступали. В скором времени вся Великая Армения оказалась в их руках⁴².

В 1065—1067 гг. турки достигли Антиохии и Эдессы. В 1067 г. была почти полностью опустошена Кесария Каппадокийская, в 1068 г. такая же участь выпала Неокесарии, а в 1069 г. завоеватели достигли Иконии. Через год турки находились всего в 200 км от Эгейского моря⁴³.

Как говорили современники, «весь мир, земной и морской, был захвачен нечестивыми варварами, разрешен и лишен населения. Все христиане убиты, все дома и деревни Востока разрушены, церкви разорены и превращены в ничто»⁴⁴.

Вслед за тем Тогрулбек завоевал Месопотамию и подчинил себе Мосул, а затем двинулся на Иран. И хотя его брат Чагырбек уже лежал на смертном одре, наследник АлпАрслан (1060—1072) не оставил дядю в одиночестве. Их объединенные усилия казались настолько мощными, что в 1063 г. Тогрулбек въехал в Багдад в качестве жениха дочери халифа. Этот вариант соединения усилий казался весьма перспективным для суннитов, но вскоре зять халифа скончался, не оставив потомства от высокого брака⁴⁵. Разложение арабских земель было столь велико, что никто и не думал объединить усилия, дабы противостоять натиску туроксельджуков. Сам халиф проводил остаток жизни в молитвах и благочестивых размышлениях.

Вскоре АлпАрслан распространил свою власть на всю Палестину. Весной 1064 г. турок начал новый масштабный поход. Его вооруженные силы были разделены на несколько частей. Одной из них командовал сын султана Меликпаша и визирь Низам альМулька. Без труда эта армия заняла Нахичевань, Сурмари и Мармашен. Сам же АлпАрслан через Албанию Кавказскую дошел до Грузии и спустился к Ани, где все три части турецкого войска соединились воедино. Крепость Ани казалась неприступной, руководил ее обороной Баграт Вхкаци и магистр Григор Бакуриан – оба этнические армяне. Это были высокопоставленные сановники и опытные офицеры. В частности, Вхкаци в 1059 г. был назначен правителем Васпуракана и катепаном Востока. Затем император поставил его дукой Ани, соблазнившись обещанием армянского аристократа нести свои служебные обязанности бесплатно, «ради чести».

К сожалению, мира между обоими военачальниками не было и в помине. А потому город был обречен, хотя все штурмы турок заканчивались для них тяжелыми потерями. Не найдя согласия между собой, Григор и Баграт решили оставить город на произвол судьбы и с

основной массой армии покинули его. Разумеется, турки тотчас совершили очередной штурм и 6 июня 1064 г. захватили стены. Затем началась страшная резня, и улицы города окрасились кровью невинных детей, женщин и стариков⁴⁶.

В скором времени турецкие орды заполонили собой Персию, Месопотамию, Сирию, Армению и Малую Азию. Правда, как и ранее, междоусобица не оставляла гордых сынов Ислама, пусть даже если теперь речь шла о турках. В 1064 г. АлпАрслану пришлось принять вызов одного из двоюродных братьев Тогрулбека Кетельмуша, а в 1067 г. он уже сражался против своего родного брата Кавурда, наместника Кирмана. Но это было только началом новых проблем.

Постоянные притоки все новых и новых отрядов сельджуков через реку Оксус, желающих поменять пустынные земли своих степей на богатые территории Византии и Халифата, лишь до определенного времени приветствовались АлпАрсланом. Он быстро понял, что если не сможет предоставить соотечественникам новых земель, их грозный вал сомнет его новое государство. А потому начал срочно укреплять Хорасан, желая уберечь Бухару, где сосредоточился цвет Ислама, от грабителей. Попутно он собирался расширить свои владения в Трансоксании, а потому уже в 1065 г. с 200тысячной армией двинулся к Хорезму, где 4 декабря 1072 г. погиб в результате несчастного случая – один пленник сумел поразить султана в бок спрятанным в одежде кинжалом.

Сын и наследник АлпАрслана 18летний Меликшах (1072—1092) продолжил дело своего отца за счет земель Фатимидов и Византии. Первым делом он погасил очаги прежних восстаний, ослепил неудачников-претендентов, а затем двинулся в Армению, дошел до Понта и Каппадокии и даже до Фригии⁴⁷.

В битве у Хамадана в 1073 г. он разбил войско Кавурда, пленил дядю и без долгих размышлений казнил его. Новый правитель Керманского султаната, выросшего из Кермана, Султаншах все же сохранил большую самостоятельность, хотя и считался вассалом Меликшаха. В 1074 г. он вступил в схватку с Самаркандским султаном Алтегином, отважившимся овладеть городом Тирмизом, разбил врага и так близко подошел к Самарканду, что тот униженно просил мира. Тем не менее эта победа самым положительным образом сказалась на укреплении власти юного наследника АлпАрслана⁴⁸.

Так в Малой Азии возник Сельджукский султанат, ставший одним из самых опасных врагов Византии на Востоке. После злосчастной для Византии битвы у Манцикерта, о которой вскоре у нас пойдет речь, помимо Керманского султаната образовался еще и Иконийский султанат, где начнут править потомки Кетельмуша⁴⁹.

Это была феодальная монархия, где постепенно складывалась военная система землевладения – наподобие той, что уже существовала в Западной Европе. Кочевникитурки первоначально разорили многие цветущие торговые города, но постепенно торговля и ремесло в таких городах Султаната, как Конья, Сивас, Кайсери и Эрзерум вновь получили развитие. Туркам хватало сообразительности привлечь на свои земли греков, персов и армян, отдав им в руки под строгим контролем самые доходные области хозяйства⁵⁰.

Надо сказать, и сам Меликшах, и его ближайшее окружение, где довлел визирь НизамальМульк (1018—1092), являли собой пример прекрасных правителей. Меликшах оказался не только талантливым полководцем, но и замечательным организатором и государственным деятелем. Именно под его руководством быстро строились научные заведения, большие здания и развивалось искусство, которому султан оказывал высокое покровительство.

Поставив перед собой главной целью обеспечение справедливости, Меликшах делал все, чтобы люди благоденствовали: строил дороги, мосты и каналы, а также каравансарай, дабы стимулировать торговлю. Товары стали дешевыми, налоги – щадящими. Если какойлибо караван подвергался грабежу, материальную ответственность несли жители ближайших деревень, ставшие отныне своеобразными «народными дружинами» сельджука.

Под стать ему был и визирь, как говорят, уже в 12-летнем возрасте знавший Коран наизусть. Любитель искусств и наук, НизамальМульк покровительствовал Омар Хайяму, основателю медресе Низамия и исламский университет в Багдаде. Как настоящий правоверный, он убеждал своего владыку и остальных правителей, что должно смирять гордыню, жадность, грубость, вспыльчивость и эгоизм и, напротив, воспитывать в себе скромность, смирение, щедрость, сдержанность и мягкость характера.

Визирь был в буквальном смысле слова беспощадным врагом казнокрадов и взяточников, предпринимая титанические усилия, чтобы искоренить это зло в Сельджукском государстве. Под его влиянием султан дважды в неделю давал аудиенции своим подданным, и каждый проситель мог найти у него справедливость. Под стать Меликшаху были и остальные сельджукские принцы, для которых открыть медресе считалось делом более благочестивым, чем построить еще одну мечеть. Именно из этих центров исламской науки научные знания и высокая культура распространились по Персии, Египту и Сирии. Мудрецов и ученых людей собирали со всего света, и самый могущественный владыка не чурался провести с ними вечер другой в расуждениях о тайнах мироздания или при обсуждении стихотворных трудов⁵¹.

Не удивительно, что сельджуки быстро набирали силу и начали представлять значительную стратегическую угрозу и для Византии, и для Халифата. Вместе с тем они вовсе не претендовали на власть в исламской державе, и поэтому суннитские халифы, играя роль марионеток рядом с могущественными султанами, в то же время чувствовали себя в куда большей безопасности, чем при шиитах Буидах. Все шло своим размеренным шагом, и один правитель правоверных сменял другого. После смерти альКаима новым халифом стал его внук, 19-летний альМуктади Биамриллах (1075—1094). Женившись на дочери Сельджукского султана, он играл такую же второстепенную роль при них, как и его дед⁵².

Чтобы представить картину мусульманского мира, окружающего Византию, более полно, кратко бросим свой взгляд на Испанию, где с VIII века правила династия Омейядов. В течение многих столетий они мечтали о восстановлении своих прав, нарушенных Аббасидами, и, наконец, в 929 г. это почти случилось. Абдурахман III ибн Мухаммад ибн Абдулла (912—961) почти 20 лет собирал отколовшиеся куски бывших владений предков и имел успех. В 931 г. он взял штурмом город Сеуту, а в 932м – Толедо, принудив королей Леона и Наварры платить ему дань. Правда, этот правитель был лишь на четверть арабом – его мать и бабка принадлежали к племени басков.

Узнав об убийстве альМуктандира и давлении, которое турки оказывают на халифов, он сам объявил себя халифом мусульманского мира и повелел называть свое государство Кордовским халифатом. По его указу во всех публичных молитвах и документах он должен был именоваться «предводителем правоверных» и «защитником веры». Поскольку на Юге ему угрожали Фатимидыизмаилиты, этот суннит организовал войско, в котором значительную долю составляли мамлюки – рабыславяне, выкупленные у германцев и обращенные в Ислам. Затем он вступил в переговоры с вождем местного берберского племени Мухаммедом ибнХазером, а также привлек на свою сторону талантливого полководца Фатимидов ИбнАбилАфия. Его войны были весьма успешны: он отвоевал у Фатимидов Магриб, и многие европейские государи поспешили направить к халифу Кордовы посольства с предложением о дружбе.

Однако вскоре ему пришлось вновь вступить в борьбу с королевством Леон, правитель которого воинственный и смелый Рамиро II (931—951) испытывал жгучую ненависть к мусульманам и в 933 г. нанес им серьезное поражение. В ответ халиф пошел походом на Кастилию, разрушил столицу королевства Бургос и казнил всех монахов, которые попадались ему на пути. Правда, вскоре Рамиро II сумел объединиться с правителем одной из местных общин, Мухаммедом ибн Хашимом, который имел какие-то личные причины ненавидеть халифа. В 934 г. тот признал Рамиро II своим сюзереном, и под их управлением вскоре весь север Испании объединился против Кардобского халифа. Впрочем, благодаря своей храбрости и напору халиф

сумел разгромить войска оппозиции, заставив капитулировать Мухаммеда ибн Хашима, после чего бывший враг присоединился к нему. По сути, теперь халиф правил всей Испанией, кроме Леона и небольшой части Каталонии⁵³.

В 961 г. ему наследовал сын альХакам II (961—976), продолживший серию побед отца. Молодому вождю правоверных без особых усилий удалось обеспечить гегемонию Кордовского халифата над христианскими государствами Испании. Помимо этого, он удачно воевал с Фатимидами в Северном Марокко и дважды победил норманнов, попытавшихся овладеть Лиссабоном и Атлантическим побережьем Испании.

Увы, его преемники были не столь удачны. В скором времени и надолго возникли самые головоломные комбинации в борьбе за Халифат, где мамлюки начали играть далеко не последнюю роль. Уже при Мухаммаде II (1009) возникли трения с гвардией, которая не признавала его халифом, а короновала внука Абдурахмана III Хишама II (1009—1013). При Сулеймане (1013—1016) начальники провинций начали открыто объявлять себя самостоятельными правителями. Наконец, при Хишаме III (1027—1031), погибшем в результате дворцового заговора, Кордовский халифат распался на множество мелких арабских государств, независимых друг от друга⁵⁴.

В течение нескольких лет все провинции Испании осмысливали свалившуюся на них независимость. Простые обыватели с тревогой смотрели в будущее, зато военачальники много выиграли от этой политической мозаики. Берберские командиры поделили между собой Юг полуострова, славянские – Восток. Два главных города – Кордова и Севилья приняли республиканскую форму правления. Самыми могущественными правителями стали Зави – принцы Гранады, принцы Альмерии Хайран и Моджехид, правителями Балеарских островов – этнические славяне. В Толедо власть захватила старая берберская семья Бени ДхунНун, а в Кордове – ибнДжавар⁵⁵.

В это же время на Западе возникла иная сила, с не меньшим успехом, чем турки, воспользовавшаяся практически состоявшимся разгромом арабов в Италии и на островах Средиземного моря. Это были дети Севера – норманны, во множестве прибывавшие в Италию с различными целями. Некоторые из них служили наемниками у Римского папы, другие – у Западного императора, а третьи, самые дерзкие, как Роберт Гвискар (1059—1085), первый норманнский герцог Апулии, решили основать в Италии собственные владения.

Как уже отмечалось в предыдущей книге, в 1053 г. норманны нанесли тяжелое поражение армии папы Льва IX и добились от того признания завоеванных ими областей в Южной Италии в качестве своих владений. Постепенно их аппетит разгорался, и с подачи Римского епископа норманны стали вынашивать более смелые планы. Роберт Гвискар поставил перед собой цель захватить все византийские владения в Южной Италии, а затем овладеть Сицилией, за несколько лет до этого едва не возвращенной Византии победами ее доблестных полководцев. Уже к концу 1055 г. Гвискар захватил города Ория, Нардо и Лечче, прошел победным маршем по Югу Италии и завладел Минервино, Отранто и Галлиполи. Оставленные Римским епископом и Константинополем, итальянские греки не могли долго сопротивляться норманнам⁵⁶.

Вскоре Гвискару выпал удачный шанс – король Генрих III (1039—1056) скончался в возрасте 39 лет, а его малолетний сын Генрих IV (1056—1106) лишь номинально исполнял обязанности Германского короля. В самом же Риме разыгрались страсти по очередному понтификату. Как и ранее, схлестнулись две партии, одна из которых по настоянию Гильдебранда поставила своим кандидатом в понтифики Николая II (1059—1061), а вторая – Бенедикта X (1058—1059), впоследствии названного антипапой. Николай II заключил союз с норманнами, и те в считанные дни подвергли владения Бенедикта X страшному опустошению, а его самого захватили в плен, лишили духовного звания и заточили в церковь Святой Агнессы в Риме.

При их непосредственной помощи новый папа созвал в апреле 1059 г. Собор в Латеране, где принял новые правила об избрании Римского епископа, действующие, кстати сказать, еще и сегодня. Смысл нововведений заключался в том, что отныне Римская церковь будет сама выбирать своего предстоятеля, не прибегая к услугам императорской власти. Нет сомнений, что за спиной этого декрета стоял Григорий Гильдебранд и... норманны, без силовой поддержки которых никто бы в Риме не решился на такой смелый шаг.

Взамен папа Николай II признал за Гвискаром титул герцога Апулии и Калабрии, нисколько не позаботившись спросить об этом поступке Константинополь, где попрежнему с полным правом считали эти области своими старинными владениями. Наконец, взамен на обещание норманнов служить Римскому престолу и передать все епископии Сицилии под власть Апостольского престола, понтифик даровал Гвискару этот остров, как своему вассалу⁵⁷.

Как писал один историк, «права ограбленных Византийских государей были так же мало приняты папой во внимание, как и власть Германского императора. На глазах у людей одна легитимная власть устранилась, и ей на смену ставилась другая, основанная на грабеже. Может показаться изумительной та уверенность, с которой папа отдавал чужеземцам, как свою собственную, не принадлежащие ему провинции и даже вперед утверждал за этими чужеземцами те земли, которые еще надо было покорить»⁵⁸. Активную помощь в овладении островом Гвискару оказал его младший брат Рожер Отвиль (1061—1101).

...История тех седых времен, быть может, не всегда выглядит в розовом свете, зато изобилует сильными, харктерными личностями, которым в одинаковой мере были присущи высокая религиозность, жесткость на поле боя и милосердие после него. Не стал исключением и герой нашего повествования, резко изменивший ход событий тех веков и ставший первопричиной создания норманнами собственного королевства в Сицилии. Как свидетельствует хроника тех лет, уже будучи герцогом Апулии, Роберт Гвискар поехал на охоту и, преследуя какого-то зверя, отстал от своих спутников и оказался в глухой чаще. Выбираясь оттуда, он неожиданно встретил прокаженного, воззавшего к нему о помощи. Гвискар внял его мольбам и усадил на своего коня сзади себя. В дороге тот, ссылаясь на то, что его руки окоченели, просил герцога согреть их под его одеждой, и Гвискар безбоязненно позволил прокаженному прикасаться к своему телу, нисколько не опасаясь заразиться.

Прибыв домой, в замок, он отнес прокаженного в спальную комнату, чтобы тот отдохнул, а сам предупредил жену, что гость будет ужинать вместе с ними. Но когда герцогиня пошла позвать несчастного больного, то никого в комнате не оказалось, зато вся она была наполнена невероятным благоуханием. На следующий день Роберту явился в видении Христос и открыл ему, что это Он предстал перед ним в лике прокаженного, чтобы испытать его милосердие. Господь же предупредил Гвискара, что у него с женой будет несколько сыновей, один из которых станет императором, второй королем, а третий – герцогом. Разумеется, это пророчество сильно окрылило герцога, которому с тех пор удавалось побеждать всех своих врагов⁵⁹.

Вернемся, однако, к основному повествованию. Едва ли маневры папы могли вызвать одобрение в Германии, но малолетний император Генрих IV и его мать не имели никакой возможности воспрепятствовать папе и норманнам делить имперские земли. Этот конфликт, пока еще приглушенный вследствие указанной причины, вскоре породит многолетнее и тяжелейшее противостояние папы и императора, приведшее Запад к острейшему политическому и религиозному кризису. Правда, это все еще впереди...

Прежде чем начать наступление на остров, Гвискар в 1060 г. захватил оставшиеся византийские города в Калабрии – Россано, Джераче, Таранто и Бриндизи. Оставался только город Бари, но и его судьба будет скоро решена. В октябре 1060 г. Константин X Дука направил, наконец, в Италию свой флот с войском, и угроза византийцев была настолько реальна, что Роберт Гвискар был вынужден срочно собирать все наличные силы, чтобы отразить ее. Однако

до серьезных сражений дело не дошло, и византийцы спокойно отправились в Бари. Конечно, без таких опытных полководцев, как Георгий Маниак, Катакалон Кевкамен или Лев Торник, разбить норманнов, не проигравших ни одного сражения в Италии за последние 30 лет (!), было невозможно. Тем не менее в течение ближайшего времени Византийское правительство пыталось помочь своим соотечественникам в Южной Италии, поднимавшим восстания против норманнов в 1064 и 1066 гг.

Впрочем, всем было ясно, что со столь могучим соперником малыми силами не справиться, но Константин X Дука и не пытался начать настоящую войну – ему было жаль для этого денег, да и армия почти прекратила свое существование. И в скором времени Гвискар со своими товарищами, завладев Сицилией и сломив остатки последнего византийского сопротивления в Италии, станет претендовать на большее – об этом речь пойдет дальше.

III. Царица Евдокия (1067) и император Роман IV Диоген (1068—1071)

Глава 1. Тайный план императрицы. Битва при Манцикерте и трагедия царской четы

Смерть императора Константина X Дуки первоначально мало что изменила во внутреннем порядке Византийского государства. По крайней мере, дела в нем не стали лучше. Царица Евдокия, получившая права регентши, вынужденно занималась всеми государственными вопросами – назначала на должности и освобождала от них, принимала посольства и взыскивала подати. Во время приемов Евдокия восседала на царском троне, прекрасно понимая, что за этой театральной пышностью нет ничего, кроме пустоты. Да, она явно превосходила покойного супруга в силе характера и старательно пыталась приобщить сына Михаила, юного представителя семейства Дук, к государственным делам. Но этого было явно недостаточно для того, чтобы нормально управлять государством.

Царице было очень тяжело: ее постоянно преследовал страх за собственную жизнь, судьбу сына и державы. Одинокая фигура между двух борющихся партий – «патриотов» и «клерикалов», Евдокия на людях всегда выдержанная и спокойная, както раз «в сердцах» проговорила о тяжести своей ноши. На одном из богослужений Пселл, сохранивший статус первого советника и «серого кардинала», пожелал императрице, чтобы Бог хранил ее царство до конца дней. На это царица горячо возразила: «Не нужно мне такого долгого царствования, я не хочу умереть на троне!»⁶⁰

Евдокию можно было понять – государство разваливалось буквально на глазах: турки-сельджуки победоносно шествовали по восточным провинциям, армия практически прекратила свое существование, казна была пуста, чрезмерные налоги съедали последние средства населения, коррупция чиновников достигла своего апогея.

Казалось, внешне все было, как и прежде, но нарушилась какая-то внутренняя гармония Византийской империи. Вместо традиционных приоритетов появились новые, а понятия «государство», «общее благо» растворились в «Церкви», в том значении, как ее понимали идеологи «папизма». Император, живой символ богоизбранности вечной Римской империи, теперь стал играть второстепенную роль на фоне «настоящего» главы – Константинопольского патриарха, чем, кстати говоря, были недовольны сами столичные архиереи; те, у кого хватало здравого смысла. Армейская героиня подменилась фальшивым благочестием группы клерикалов. И этого всего оказалось вполне достаточно, чтобы Империя едва не прекратила свое существование.

Но, по счастью, в Византии еще сохранились люди, для которых интересы отечества всегда стояли на первом месте. Постепенно и очень осторожно, чтобы не вспугнуть представителей семейства Дук, византийские патриоты начали переговоры с Евдокией и патриархом Иоанном Ксифилином о возможном отступлении от завещания покойного Константина X. К чести императрицы и архиерея, они горячо поддержали идею найти нового василевса – естественно, путем нового замужества Евдокии, и попытаться спасти государство пусть даже за счет некоторого нарушения прав наследных принцев. Случай сам привел к престолу Романа Диогена.

Это был яркий представитель древнего и славного рода, родившийся в Каппадокии, владеlec громадных имений в Харсианской феме. Долгое время Роман управлял придунайскими городами, а затем в виде награды за победу над печенегами император Константин X назначил его правителем Сердики и возвел в чин вестарха. Как патриот и государственный чело-

век, Диоген видел слабость Византии, но до смерти царя ничего не предпринимал. Однако затем и он вошел в число заговорщиков, попытавшихся отстранить слабую Евдокию от власти и поставить на царский престол сильного императора.

Как это часто бывает, какойто армянин из числа близких слуг выдал Диогена, тот был арестован и предстал перед судом. Вина полководца была доказана полностью – впрочем, он и не скрывал на следствии своих замыслов, и его приговорили к смертной казни. Для формального оглашения приговора Диоген был препровожден к императрице в царский дворец, и здесь начались настоящие приключения.

Увидев молодого, красивого, широкогрудого и плечистого мужчину с благородной осанкой и мужественным лицом, Евдокия невольно пожалела, что такой замечательный человек должен вскоре погибнуть. На глазах ее заблестели слезы, и сенаторы, чуткие к реакции царицы, тут же предложили заменить Роману смертную казнь ссылкой в Каппадокию. Естественно, императрица утвердила новый приговор.

Диогена отправили на его родину, но данный факт не забылся ни представителями патриотической партии, ни самой Евдокией. Хотя милость царицы к Роману была вызвана не телесными страстями, а обычной симпатией к здоровому, красивому и сильному мужчине, все решили, что более удачной кандидатуры на роль ее мужа не сыскать. С царицей срочно начались тайные переговоры, и уже к Рождеству 1067 г. Диоген был отозван в Константинополь под какимто благовидным предлогом. Буквально в деньдва все было решено, и Евдокия дала свое согласие нарушить волю покойного мужа и выйти замуж за Романа Диогена.

Теперь очень много значила позиция патриарха, но царица сумела перехитрить архиерея. Она както «по секрету» сообщила патриарху, будто влюблена в его брата, но не может венчаться с ним, поскольку существует подписанная ею и всеми сановниками грамота покойному императору, хранимая ныне в Храме Святой Софии. «Вот если бы такие клятвы можно было признать отозванными, тогда все могло сладиться», – вскользь обмолвилась она.

Разумеется, Иоанн Ксифилин не стал упускать счастливой возможности породниться с царской семьей и вскоре уведомил императрицу, что никаких преград для ее нового замужества уже нет. И тогда Евдокия открыто объявила ему, что ее избранник, увы, не кто иной, как Роман Диоген. Делать нечего – патриарху пришлось обвенчать ее с Романом, а затем возложить на его главу императорскую диадему. Все происходило настолько тайно, что даже Пселл и кесарь Иоанн ни о чем не узнали до последнего дня⁶¹.

Лишь 31 декабря 1067 г., накануне венчания, Евдокия пригласила к себе Михаила Пселла и осторожно обмолвилась с ним о тяготах царского служения и тяжелом положении Римского государства. Почувствовав неладное, сановник решил выиграть время и предложил в другие дни обсудить все вопросы. На что царица с улыбкой заметила: «Ни о чем больше не надо думать, все решено и обдумано. Царского венца удостоен и всем предпочтен Роман, сын Диогена».

Ошеломленный сановник, моментально понявший, что дни их партии сочтены, лихорадочно пытался спасти положение. Он спросил, согласовано ли данное решение с царем Михаилом, сыном Евдокии. «Хорошо, что ты напомнил мне о сыне», – произнесла царица, и они поднялись в покои Михаила. К разочарованию Пселла, юный царь Михаил, точная копия своего слабовольного и миролюбивого отца, нисколько не смутился словами матери о том, что у него вскоре появится отчим, который и возьмет бразды правления государством в свои руки. Срочно приказали доставить в покои Михаила Романа Диогена, которого юный император обнял и поцеловал. Затем позвали кесаря Иоанна, брата покойного Константина X Дуки – тому оставалось только смириться перед фактом и... напиться. 1 января 1068 г. у Византии появился новый император Роман IV Диоген⁶².

Это был очень удачный выбор – искусный полководец, могучий и поразительно храбрый, благородный и мужественный, он представлял собой настоящий образец римского героя⁶³.

Помимо этого, император был весьма решительным человеком. А потому не стал откладывать на будущее время устранение тех проблем, которыми было полно Византийское государство⁶⁴.

Правда, царствование Романа IV было далеко не свободным – клерикальная партия во главе с кесарем Иоанном и Пселлом потребовала письменно закрепить права на трон сына Константина X Дуки; естественно, Евдокия, как мать, также была заинтересована в этом. Составили договор, согласно которому Диоген был обязан царствовать только с участием юных императоров Михаила, Андроника и Константина; и их имена писались в официальных документах рядом с именем Романа IV. Но неофициально над императором довлела клерикальная партия, искусно плетущая свои интриги. Пселл и кесарь Иоанн быстро привлекли на свою сторону царевичей Андроника и Константина, а также некоторых знаменитых военачальников, недовольных тем, что императрица Евдокия предпочла им Романа Диогена.

Как человек слова и твердых нравственных убеждений, Роман IV никоим образом не собирался посягать на права царевичей. Однако Пселл и кесарь Иоанн постоянно убеждали царицу, будто Диоген только и думает о том, как бы самостоятельно править Римским государством. Внутренняя борьба в царском дворце дошла до того, что император, не выдержав, отправил кесаря Иоанна в отставку в Вифинию. Разумеется, это событие тут же интерпретировали в глазах царицы как очередное и явное подтверждение обоснованности всех возводимых на Романа IV обвинений⁶⁵.

Оговариваемый и уничижаемый придворной камарильей, император прекрасно понимал, что поднять престиж царской власти может только удачная война, о существовании которых византийцы уже позабыли. Тем более что туркисельджуки опять всерьез угрожали восточным землям Римского государства. Их великолепная конница систематически опустошала земли Месопотамии, Мелитины, Сирии, Киликии, Каппадокии и даже захватила крепость Кесарию, вчистую вырезав все население города.

К сожалению, при всех полководческих талантах императора Романа IV отличала некоторая излишняя импульсивность – ему явно не хватало опыта и терпения Ираклия Великого или Василия Македонянина⁶⁶. Уже в марте 1068 г. василевс во главе византийского войска направился против сельджуков. Увы, это была только тень старой доблестной ромейской армии времен императоров Македонской династии. Достаточно сказать, что в массе своей ее составляли наемные отряды – национальный элемент почти улетучился из армии в годы правления клерикалов. Разноплеменное войско, собранное из македонских славян, болгар, печенегов, узов, франков и норманнов, было не готово противостоять быстрым и стремительным атакам турецкой конницы⁶⁷.

Как писал современник тех событий, «эти воины, удрученные нуждой и нищетой, не имели доспехов. Вместо мечей и другого оружия они носили охотничьи копья и щиты, не имели коней и иного снаряжения. Они были трусливы и даже на вид непригодны для серьезных военных действий. Военачальники, возглавившие эту толпу полувооруженных людей, пребывали в унынии, так как видели, как низко пало оружие ромеев и сколько средств, усилий и времени понадобится, чтобы вернуть его на прежнюю высоту. Ибо более старые и опытные не имели коней и доспехов, а подразделения, набранные из новобранцев, не имели военного опыта и не привыкли переносить тяготы, тогда как враг обладал храбростью в военном деле, выносливостью, опытом и умением воевать»⁶⁸.

Однако и с такой слабобоеспособной армией Роман IV сумел провести удачную кампанию, хотя и очень не простую в военном отношении. Начав с наступления на Алеппо, василевс затем повернул к Черному морю и разбил несколько турецких отрядов у Неокесарии. Затем он завоевал город Иераполь и укрепил власть Византии в Сирии. В январе 1069 г. царь с войском триумфально прибыл в Константинополь⁶⁹.

Клерикалы были недовольны и всячески преуменьшали успехи императора – в ответ тот начал открыто игнорировать их советы. Более того, в следующую военную кампанию, начав-

шуюся буквально уже весной 1069 г., царь взял с собой Пселла, опасаясь оставлять в столице этого «могильщика императоров». Как и прошлый раз, василевс не достиг решающего перелома в противостоянии с турками, но тем не менее дошел до Месопотамии, основательно потревожив врага⁷⁰.

Не все, однако, складывалось для Диогена гладко, и отдельные успехи чередовались с откровенными неудачами. Племянник бывшего императора Исаака Комнина Мануил Комнин, командующий ромейскими войсками в Азии, был разбит турками при Севесте (Сиваше) и даже попал в плен. А затем турецкая конница дошла до фригийского города Хон (Колоссы), оквернив главную святыню города храм Св. Михаила.

Более того, и поход императора к городу Хлиат, расположенному на берегу озера Ван, не был доведен до конца по объективным причинам: туркам удалось разгромить арьергард византийской армии, которым командовал армянский военачальник Филарет Брахамия. Затем турецкая армия, которой командовал сам АлпАрслан, совершила глубокий рейд на византийскую территорию и захватила город Манцикерт. Отсюда турки могли контролировать стратегически важные области, и в первую очередь озеро Ван. Поняв, что реванш взять сразу не удастся, царь спешно возвратился в столицу, дабы пополнить свое войско и начать новую военную кампанию⁷¹.

А в Италии тем временем норманны продолжали осаждать Бари, взятый в кольцо блокады еще в 1068 г. Вначале горожане считали свой город неприступной крепостью. Они ходили по стене, бросали вверх золотые украшения и, насмехаясь над жадностью норманнов, предлагали Гвискару самому подняться и забрать остальные драгоценности. В ответ Роберт Гвискар благодарил византийцев за то, что они сохранили для него свою казну, и заявил, что вскоре он избавит их от забот по ее сохранности. Конечно, можно было сколько угодно демонстрировать свою храбрость, но городу требовались подкрепления; без внешней помощи Бари было не сохранить. И хотя войск было немного, василевс выделил весной 1071 г. катепану Стефану Патерану (1071 г.) флот и поставил перед ним задачу деблокировать Бари.

К сожалению, в тяжелом морском сражении, стоившем норманнам многих жертв, византийцы потерпели поражение. И уже через пару недель, в апреле 1071 г., Бари капитулировал. Роберт Гвискар торжественно проехал по улицам города, но оказался довольно милостивым по отношению к грекам, не допустив грабежей и убийств. Византийские флаги, в последний раз взвившиеся в воздух 16 апреля 1071 г., были спущены; теперь этот город стал владением герцога Апулии⁷².

Впрочем, с той армией, которая досталась Роману IV, ни на что большее рассчитывать было невозможно. Поэтому выпавшее ему время перемирия император использовал чрезвычайно плодотворно. Он погасил перед солдатами все прежние долги, закупил необходимое снаряжение и нанял новых наемников из числа армян, грузин, болгар, русов, арабов, печенегов, хазар и норманнов⁷³. Как следствие, византийцам удалось вытеснить турок из Каппадокии и Мелитены, и император, перейдя Евфрат, нанес сельджукам чувствительный удар, взяв город Ахлат на озере Ван⁷⁴.

Едва ли походы императора можно отнести к категории наступательных войн – турки настолько осмелели, что зимой 1070/71 г. углубились в Кесарию и начали опустошать ее. Получив об этом известия, василевс попытался мирно урегулировать конфликт, предложив АлпАрслану обменять взятый византийцами в последнюю кампанию Иераполь на осаждаемую турками Эдессу, которая вотвот должна была пасть.

Нет никаких сомнений в том, что это предложение было бы принято, поскольку АлпАрслан и не намеревался вести летом 1071 г. военные действия против Византии. Его целью была война с ненавистными Фатимидами, и осенью 1070 г. турецкая армия уже штурмовала стены Алеппо, эмир которого, неглупый и прагматичный правитель, принес вассальную присягу Баг-

дадскому халифу, но категорически отказался повиноваться сельджукскому султану. Однако в силу неизвестных причин султан так и не получил предложение о мире от Диогена.

А Роман IV, посчитав его отвергнутым, проявил излишнюю горячность и тут же направил второе послание АлпАрслану, из которого несколько неожиданно для себя султан узнал, что ему объявлена война. Было ли это роковой случайностью или явилось следствием хорошо разыгранной комбинации – мы за прошествием многих веков не узнаем. Но коль война была начата, царю нужно было собирать армию и начинать новый поход. Он и начался в конце февраля 1071 г.⁷⁵

В этом трагичном для него походе Роман IV сам, по обыкновению, встал во главе армии. Правда, желая устранить все причины для дворцовых сплетен и недоверия царицы, он взял с собой Андроника Дуку, которому даже передал в управление часть армии. В свою очередь АлпАрслан также принял командование над турецкими войсками; два государя шли навстречу друг другу, чтобы выявить сильнейшего на поле боя.

Однако все у византийцев не сложилось с самого начала. Зная об интригах части полководцев, император не вызвал на войну популярного военачальника Никифора Вотаниата, который считался неформальным лидером недовольных офицеров. Затем, не доверяя своему окружению, он сделал ставку на германских наемников, довольно дерзко и грубо общавшихся с остальными солдатами и местным населением. Конфликты между германцами и другими воинами стали столь болезненными и очевидными, что император в конце концов приказал расформировать немецкий корпус и отправить наемников на Балканы. Порядок и спокойствие, хотя бы и относительные, были восстановлены, но, разумеется, армия от этого не стала сильнее.

Жизнь самого царя также подвергалась постоянной угрозе: то внезапно сгорела палатка, где он должен был отдыхать, то обрушился дом, предназначенный ему для поста. Никакого единства духа и мнения среди военачальников не было и в помине – кто-то предлагал наступать на сельджуков, другие советовали занять активную оборону⁷⁶.

Надо сказать, первоначальное соотношение сил было не в пользу АлпАрслана: 48 тысячам византийцев и наемников он мог противопоставить не более 30 тысяч турецких всадников и легковооруженной пехоты. Но, очевидно, общая организация ведения войны и разведка были поставлены у сельджуков на голову выше, чем у византийцев. Те совершенно не знали, где находится их враг, самоуверенно и ошибочно полагая, будто турки испугались и бежали. Это «знание» предопределило стратегию, приведшую к скорой катастрофе. На самом деле враг был рядом и горел желанием разгромить самоуверенных христиан.

Тем временем Диоген продвигался по направлению к Феодосиополю, где хранились двухмесячные запасы продовольствия для его армии – ведь ей надлежало передвигаться по вражеской территории. Само собой, перемещение такого количества фуража потребовало немалое число вьючных животных и телег, что резко замедлило скорость перемещения войска. Как следствие, пришлось перестраивать колонну, впереди которой теперь двигались 500 норманнских наемников во главе с Русселем де Байолем. Помимо прочих задач, ему надлежало найти возможные запасы продовольствия и фуража на этой разоренной войной земле и обеспечить их сохранность до подхода основных сил⁷⁷.

Достигнув Эрзерума, император направил наемников франков в район Хлиата с приказом взять город, который он намеревался захватить еще 2 года назад. Но, видимо, ему показалось, что их сил для этого недостаточно. И василевс решил укрепить франков, отправив к ним тяжеловооруженную армянскую пехоту – элиту своей армии, чем серьезно ослабил силу главного корпуса. Теперь у него оставалось под рукой не более 20 тысяч солдат, и численное превосходство византийцев над турками улетучилось⁷⁸.

В принципе это были еще поправимые ошибки, но, как обычно, вмешались субъективные причины. Франки и армяне, направлявшиеся к Хлиату, совершенно неожиданно для себя столкнулись с главными силами АлпАрслана, который, по их мнению, должен был находиться

далеко от них. Запаниковав, не имея сведений о том, каким количеством воинов располагает султан, Тарханиот, командовавший армянским корпусом, и норманнский военачальник Руссель де Байоль отступили до самого Евфрата, тем самым самоустранившись от дальнейшего участия в боевых действиях. В результате накануне решающей битвы император лишился лучших частей⁷⁹.

Ничего не зная о происшедших событиях, Диоген продолжал наступление и вскоре без боя овладел городом Манцикертом, где его армия и стала лагерем. А утром 24 августа 1071 г. василевсу доложили о нападении турок на византийских фуражиров. Полагая, что это не более чем легкие конные отряды турецких стрелков, Роман IV отдал приказ полководцу Никифору Вриеннию прогнать дерзких налетчиков. Однако тот встретился не с разрозненным отрядом разведчиков, а с превосходящими силами сельджуков. Полководец немедленно запросил помощь, и василевс тут же отправил к нему тяжелую кавалерию во главе с Никифором Васибеки. К несчастью, он все еще не догадывался, что перед ним находится султан со всей своей армией. А потому ни сам император, ни его военачальники не проявили необходимой осторожности. Как следствие, ничего не подозревавший Никифор Васибеки увлекся погоней за турками, рассыпавшимися перед его тяжеловооруженными всадниками, и попал в засаду. Его кавалерия, которой должно было найтись в предстоящей битве лучшее применение, поголовно была уничтожена; самого же Васибеки сельджуки захватили в плен.

Теперь уже АлпАрслан решил перехватить инициативу и дал приказ о начале наступления на византийскую армию. Вриеннию едва-едва удалось организовать отход остатков своего отряда, огрызаясь редкими контратаками. Многие военачальники оказались ранеными, в их числе сам Никифор Вриенний, чье тело поразили копье и две стрелы. Узнав о происшедшем и поняв, что перед ним сам АлпАрслан, император дал приказ строиться для сражения. Но день уже близился к концу, вечерело, и турки благополучно скрылись за холмами; византийцы не решились их преследовать⁸⁰.

Вечер этого и весь следующий день прошел в чередовании турецких конных атак на римский лагерь с попытками договориться о мире. К огорчению императора, 1 тысяча узов во главе со своим предводителем Тамисом перебежала на сторону турок, что еще больше ослабило силы византийцев. Более того, после этого у императора невольно зародились сомнения в верности остальных тюркских наемников. Понятно, что с такими настроениями грядущую битву выиграть невозможно.

Желая собрать все силы в единый кулак, василевс направил посольных к франкскому и армянскому корпусам, надеясь на их скорый подход. Византийские военачальники, до сих пор не имевшие достоверных сведений о силах турок, нисколько не сомневались, что с помощью норманнов и армян без труда разгромят сельджуков в открытом сражении. Их оптимизм, очевидно, быстро бы улетучился, если бы они знали, что эти два мощных корпуса находятся далеко от армии⁸¹.

Среда прошла в приготовлениях к битве, а в четверг, 25 августа 1071 г., к императору прибыло посольство от Багдадского халифа с предложением мира, причем к мирным инициативам присоединился и АлпАрслан. Для него это был совсем неплохой выход из создавшейся ситуации: мирное урегулирование положения на армянской границе позволяло султану спокойно продолжать войну против Фатимидов. А кроме того, он знал Романа Диогена как прекрасного и опытного военачальника, а потому не желал класть своих солдат в атаках. Однако император, ничего не ведавший о бегстве норманнов и армян, отклонил мирные предложения – видимо, не без горячей поддержки ближнего окружения, среди которого трудно было отыскать настоящих друзей и сторонников⁸².

Утром 26 августа 1071 г. византийская армия выступила из лагеря и выстроилась в боевые порядки, навстречу им устремились сельджуки. Как осторожный и опытный полководец, император расположил свои войска очень удачно. Он обоснованно полагал, что лучший шанс

для него – заставить турок принять фронтальный бой, поскольку при маневренном бое его армия неминуемо должна была погибнуть от стрел юрких и быстрых турецких всадников.

Поэтому почти сразу же по его приказу византийцы стремительно бросились вперед. Сам василевс находился во главе войска в центре боевых построений. К полудню они прорвали центр турецких войск, но не смогли полностью опрокинуть врага: вражеские фланги держались, постоянно контратакуя ромеев. Ближе к вечеру стало ясно, что, несмотря на некоторые успехи, Роману IV так и не удалось победить, и он дал приказ своим войскам отступать в лагерь.

Отход отрядов из центра боевых порядков происходил организованно, но по законам военной тактики полагалось, чтобы его отступление прикрывалось арьергардом и резервом, стоящими позади под командованием Андроника Дуки. И здесь случилось предательство, стоившее жизни многим византийским воинам. Прекрасно зная, как разворачивались события перед центром войска, Андроник тем не менее громко вскричал, что император погиб, и дал приказ своим отрядам срочно отступать (!). В результате соединения центральной группы оказались открытыми для врага; организованное отступление захлебнулось.

Было уже темно, и слух быстро распространялся по всей армии, сея страшную панику. Вслед за этим отступление превратилось в беспорядочное бегство, что позволило туркам отрезать и окружить центр византийского войска во главе с царем. Нет сомнения в том, что это была заранее обдуманная измена – Андроник искренне надеялся на гибель Романа IV, которая восстанавливала бы права семейства Дук на царство⁸³.

Паника стояла невообразимая. «Все бессвязно кричали и носились верхом туда и сюда, – писал современник, – никто не мог сказать, что происходит. Это было похоже на землетрясение: вопли, ругань, приступы безумного страха, тучи пыли, наконец, полчища турок, которые кружили вокруг нас. Каждый человек искал спасения в бегстве, полагаясь на быстроту своих ног. Неприятель преследовал бегущих, одних убивали, других брали в плен и топтали третиных копытами лошадей. Это было трагическое зрелище...»

Надо сказать, далеко не все солдаты отступающей армии поддались страху. Так, около 2 тысяч тюркских наемников окружили императора, защищая его, и погибли все до одного (вот вам и наемники!). Не струсил и Никифор Вриенний: когда он увидел, что царь в беде, то тут же приказал своим солдатам идти на прорыв. К несчастью, эти воины сами были атакованы с тыла турецкими всадниками, смявшими их ряды⁸⁴.

Прирожденный воин, император Роман IV сражался, как герой, заняв место среди своих товарищей солдат и собственноручно поразив множество врагов. Но ему не суждено было умереть в тот день – узнав по внешнему виду, что перед ними Римский царь, турки постепенно выбили вокруг императора всех телохранителей, ранили Диогена и, бесчувственного, отнесли в свой лагерь. Таким образом, впервые (!) за всю историю Римской империи ее василевс оказался в плену. Поражение было полным: почти 20 % византийской армии попало в плен, кроме того, 3 тысячи солдат и командиров осталось на поле боя.

Битва под Манцикертом имела решающее значение для всех последующих событий. Византийцы окончательно потеряли господство в Малой Азии, Армении и Каппадокии, игравших ключевую роль в истории Римского государства в течение многих столетий⁸⁵. Такие великолепные города, как Эдесса, Антиохия, Манцикерт, Манбидж, попали под власть турок, начавших на этих землях новую летопись своей государственности⁸⁶.

Известие о несчастье, постигшем императора и армию, хотя и очень неопределенное по содержанию, достигло наконец и столицы. Прибывавшие в Константинополь солдаты противоречили друг другу: одни утверждали, будто Роман IV погиб в сражении, другие уверяли, что он жив и находится в плену. Но для клерикальной партии это не имело существенного значения, важно было одно – у них возник неплохой шанс решить вопрос о преемнике царской власти.

Созвали совет, и мнения вновь разделились. Ктото полагал, что наилучшее – объявить совместное правление царицы Евдокии и императора Михаила. В частности, за это высказался

Пселл и кесарь Иоанн, срочно вернувшийся из ссылки в Константинополь. Но другие старались рассорить мать и сына, настаивая непременно на единодержавном правлении «своей» кандидатуры: либо Евдокии, либо Михаила⁸⁷.

Однако тут с Востока поступили очень неприятные для Дуков вести. Оказалось, что АлпАрслан, пленивший Романа IV, вовсе не возгордился этим, но, напротив, воздав василевсу подобающие почести, заключил с ним мирный договор и предоставил полную свободу, попутно отпустив без оплаты всех римских пленных. «Пусть отныне кончится между нами вражда, – сказал на прощание султан императору. – Владей в мире своим царством, а мы – своим»⁸⁸.

По условиям заключенного договора, Византия обязывалась уплачивать туркам ежегодную дань и вернуть всех пленных турецких воинов. В принципе это были довольно мягкие требования со стороны победителя. Но, как тонко заметил один автор, «императору Роману предстояла печальная участь убедиться, насколько был великодушен турок победитель по сравнению с низостью собственных подданных»⁸⁹.

Ни о чем не подозревая, счастливый Диоген возвращался на родину, когда ему сообщили о событиях в столице. Роман IV тут же написал письмо царице Евдокии, в котором рассказал обо всем случившемся с ним и пообещал вскоре прибыть в Константинополь. Едва это послание оказалось прочитанным, как буря волнения охватила царский дворец. Императрица считала само собой разумеющимся признать Романа IV в своем статусе, но партия Дук была настроена категорично против этого. Итог быстрых дебатов подвел Михаил Пселл, посоветовавший юному императору Михаилу Дуке не пускать Диогена в столицу и разослать повсюду указ о его отстранении от власти. Понимая, что мать никогда не согласится с ним, Михаил отказал ей в праве управлять государством и окружил себя наемниками телохранителями⁹⁰.

При их помощи царицу арестовали, 24 сентября 1071 г. переправили в Пиперудский монастырь на берегу Босфора и заставили принять постриг. После некоторых приготовлений, 24 октября 1071 г., сын Евдокии и Константина X Дуки Михаил VII Дука был объявлен единодержавным императором Римской империи.

Между тем Роман IV Диоген приближался к Константинополю, не встречая никаких препятствий на своем пути. Но навстречу ему уже продвигалось войско под командованием сына кесаря Иоанна Константина Дуки; возле города Тиропей, что к югозападу от Кесарии, противники встретились. В короткой схватке небольшой отряд василевса был рассеян, хотя сам Диоген спасся бегством⁹¹.

Но, как выяснилось, далеко не все византийские полководцы были готовы смириться с бесцеремонным отрешением Романа IV от власти. Катепан Антиохии армянин Хачатур сумел прорваться к василевсу и отвел того в Киликию, где к императору начали стекаться добровольцы. Прибыло много стратиотов из Каппадокии, и шансы василевса вернуть власть резко возросли. Дело в том, что войско Константина Дуки по возвращении в столицу было распущено – настолько Пселл и кесарь Иоанн были уверены в полной победе над законным царем. И теперь Диогену открывались пути на Константинополь, чем, к несчастью, он не воспользовался. В преддверии осени и зимы император организовал свой штаб в Киликии, тем самым предоставив врагам стратегический выигрыш во времени⁹².

И вновь в столице начался переполох – некоторые, опасаясь авторитета императора, полагали возможным разделить царство между ним и Михаилом Дукой, о чем Роману IV было направлено соответствующее послание. Тот, однако, справедливо возмущился таким предложением и ответил, что не желает принимать столь «милосердные» советы. Пришлось собирать настоящее войско, и на этот раз его командование доверили изменнику Андронику Дуке, предавшему царя при Манцикерте. Зимой 1071/72 г. произошла решающая битва у крепости Адана.

Войском Романа IV командовал подтвердивший свою верность присяге Хачатур, сам же император остался в городе, ожидая со дня на день подхода турок, вождем которых АлпАрслан

тоже обещал ему прислать помощь. Армия Андроника Дуки намного превосходила по численности войско Диогена, поэтому ей не составило большого труда разгромить Хачатура в открытом сражении.

Тем не менее осада хорошо укрепленной крепости могла затянуться, а потому Андроник Дука убедил Романа IV, будто ему гарантируется безопасность в случае добровольной сдачи. Василевс принял это предложение, гарантированное «честным словом» Михаила VII Дуки и трех митрополитов – Халкидонского, Ираклийского и Колонийского. Войска Дуки вошли в город и арестовали Диогена, которого Андроник препроводил в свой шатер и угостил обедом. Правда, вслед за этим Романа IV постригли в монахи и переодели в черное платье. Затем свергнутого царя переправили в фему Опсикий⁹³.

Казалось бы, все уже решено, но в Константинополе жаждали мести, а потому по новому приказу Михаила VII Дуки свергнутому Роману IV Диогену выжгли глаза. Напрасно свергнутый царь взывал к гарантиям митрополитов – те, конечно, ничего сделать не могли. Несчастного подвели к месту пытки и положили на спину. Как рассказывали, эта была мучительная процедура: палачеврей оказался неопытным, и 4 раза повторял свои попытки, пока, наконец, император был окончательно ослеплен⁹⁴.

Пселл на всякий случай написал свергнутому василевсу письмо, в котором по обыкновению лукавил и утверждал, будто сам Михаил VII Дука никакого отношения к этому зверству не имеет. По его словам, приказ об ослеплении якобы отдал кесарь Иоанн. Но, конечно же, эта уловка никого не убеждала – все были уверены, что новый император знал о грядущей судьбе своего отчима⁹⁵. После этого Романа Диогена отправили в монастырь на острове Проти, где он и скончался в июле 1072 г.

Когда АлпАрслан узнал, насколько безжалостно враги расправились с Романом Диогеном, он впал в ярость и поклялся отомстить за своего друга. Однако вскоре его самого настигла смерть. «И он ушел из мира вслед за прочими смертными, придя туда, где едины цари и бедняки»⁹⁶.

Попутно меч угрозы мелькнул и над головой дома Комниных. Жена Иоанна Комнина, брата императора Исаака I, Анна Далассина, тайно вступившая в переговоры с Романом IV, когда тот пребывал в Киликии, теперь оказалась в страшной опасности. Однако на суде Анна торжественно поклялась перед образом Христа, что ничего не замышляла против Михаила Парапинака, и судьи ей поверили. Тем не менее ее вместе с детьми сослали на Принцевы острова. На всякий случай⁹⁷.

А в Византийском государстве началось «Смутное время»...

IV. Императоры Михаил VII Дука Паралинак (1071—1078) и Никифор III Вотаниат (1078—1081)

Глава 1. «Смутное время» и бессильный царь

Молодой василевс, благодаря трудам своего учителя и дяди захвативший императорский трон, был всего 20 лет от роду – он появился на свет в 1050 г. Михаил Пселл, абсолютно убежденный, что каждый следующий на его жизненном пути император может царствовать при непременном обращении к его персоне за советами, воспитал из Михаила VII именно такой образчик.

Инфантильный и слабовольный, старческого вида с замедленными движениями и задумчивым взглядом, молодой царь более годился для научной деятельности, чем для управления государством. Начитанный и любитель побеседовать с учеными, он откровенно отложил в сторону государственные дела, чтобы писать стихи или новое историческое повествование. Василевс был стыдлив, мягкосердечен и деликатен – не самые плохие качества, требующие тем не менее для осуществления полномочий царя соседства более мужских черт характера. Михаил VII откровенно не любил войны, чурался грубых шуток, женщин, застолий и стеснялся сделать замечание даже собственному слуге, когда тот открыто обворовывал его⁹⁸.

Правлению Михаила VII были присущи исключительно «антимилитаристский» характер и практически полное устранение царя от решения всех политических проблем. Вместо императора Византией управляли его советники из числа представителей клерикальной партии. Результатом резкого ослабления (самоослабления, вернее сказать) верховной власти стали невиданное казнокрадство и полное обнищание Римского государства. В ситуации резкого снижения доходных источников вследствие утраты многих плодородных территорий и продолжения политики императора Константина X Дуки по освобождению церковных владений от налогов, Михаилу VII пришлось пойти на прямой обман населения.

В частности, он по совету Пселла девальвировал денежную единицу номисму до уровня j медимна, «пинак», за что и получил свое довольно обидное прозвище «Паралинак», т.е. «вор четвертой части»⁹⁹. Разумеется, это не самая лестная оценка Римского царя в глазах византийцев. Доходы населения таяли, как дым, казна оставалась пустой.

Впрочем, не все происходило так, как задумывал Пселл. К немалому удивлению придворных, его влияние при дворе резко упало, хотя лично Паралинак испытывал глубокое доверие и уважение к своему учителю. Но поскольку он всегда желал иметь Пселла при себе, а его занятиями стали науки, то и старому сановнику пришлось в силу необходимости более демонстрировать эрудицию, чем вершить политические дела. На первых порах больше всех выиграл кесарь Иоанн, однако вскоре и он вынужден был уступить место евноху Никифору, получившему прозвище «Никифорица». Этот хитрый царедворец, служивший в царской канцелярии еще при Константине X Дуке, прославился распорядительностью и ловкостью, а потому был вызван из провинции кесарем Иоанном и назначен логофетом дрема (глава налоговой службы)¹⁰⁰.

Однако Никифорица рассчитывал на будущее, а потому немедленно начал хитрую интригу по устранению всех возможных конкурентов, чтобы стать при царе единственным советником. Первым жертвой его комбинаций стал Иоанн, митрополит Сидский, ранее поставленный василевсом первым министром двора. Затем был оклеветан и сам благодетель Никифорицы кесарь Иоанн, отправленный в Азию во главе войска воевать с турками. Став после этого первым министром, Никифорица начал широкую деятельность, от которой содрогнулась вся Римская империя сверху донизу.

Население задыхалось от бремени непосильных налогов, поступавших в карман Никифорицы, церковное имущество изымалось якобы в пользу государственной казны, чем возмущалось священство, но судьба собственности монастырей была сродни налоговым поступлениям. В изъятии церковных ценностей большую помощь Парапинаку оказывал Неокесарийский митрополит, назначенный на должность царского сакеллария, занимавшего второе место в церковной иерархии. Дошло до того, что другие архиереи попытались низвергнуть его из сана, и только горячее заступничество императора спасло митрополита. Все же василевс лишил его должности и отправил в свою митрополию, где тот жил до самой смерти¹⁰¹. Тяжелый удар был нанесен также аристократии, чье имущество безжалостно конфисковалось по самым различным поводам¹⁰².

Непредуманными действиями Михаил VII и Никифорица разрушили очень эффективную систему защиты северных границ, которая самопроизвольно образовалась в последние десятилетия по Дунаю. Ее основу составляла пестрая смесь болгар, печенегов, половцев и русских, некогда занявших эти освобожденные земли. Ранее Византийское правительство ежегодно направляло этой космополитичной орде «поминки» – дань, получая взамен естественных защитников своих рубежей. Теперь и эта добровольная пограничная стража оказалась на грани исчезновения, не получая никакой поддержки из столицы¹⁰³.

Наконец, вновь активизировались турки, и вскоре Византия запылала – как вовне, так и изнутри. Первыми заволновались Балканы, где в 1073 г. поднялось восстание против Византии. За помощью болгары обратились к Сербскому королю Михаилу (1053—1081). Его сын, царевич Петр, прибыл в Болгарию с отрядом из 300 всадников и был провозглашен новым Болгарским царем. Он заручился поддержкой отца, а Зетский князь Михаил, вассал Сербского короля, прислал ему в помощь 300 всадников по главе с воеводой Петрилой¹⁰⁴. Он разбил слабое византийское войско под командованием Дамиана Далассина, однако позднее византийцы при помощи норманнских и германских наемников справились с восставшими и разбили их в нескольких сражениях. К декабрю 1073 г. восстание было полностью подавлено¹⁰⁵.

Но в 1074 г. активизировалась орда на Дунае, где большинство составляли печенеги. Они двинулись на Юг и разграбили область Адрианополя. Против них император направил вестарха Нестора, этнического славянина, пользовавшегося его особым доверием. Однако едва Нестор прибыл на Дунай, как понял, что его полномочия, так грозно звучащие в Константинополе, здесь не значат ничего. Фактически он оказался в плену у орды и сохранил жизнь лишь при условии того, что возглавит ее и будет действовать заодно с печенегами против византийцев. Нестор вначале возражал, но потом узнал о том, что Никифорица конфисковал его дом в столице в виде наказания за неудавшуюся миссию, и это решило дело. Вскоре печенеги двинулись на Константинополь под его началом.

Осадив город, кочевники потребовали помимо дани выдачи головы Никифорицы, но, к удивлению, Парапинак проявил несвойственное ему упорство и не пожелал удовлетворить это требование. Вместо этого он судорожно искал союзников и друзей, способных помочь ему в минуту опасности. Спасло Византию старое оружие – подкуп отдельных вождей, внесший разлад в орду. Кроме того, по несколько неопределенным свидетельствам, в лагере печенегов внезапно начался мор. В результате они свернули боевые действия и вернулись на Дунай, разоряя по пути Фракию и Македонию¹⁰⁶.

Затем пришлось выслушать требования турок. После прихода Парапинака к власти сельджуки напомнили императору о необходимости соблюдать условия договора, заключенного Романом IV Диогеном, но Михаил VII в категоричной форме отказал им. Это было крайне неразумное решение: вначале следовало оценить свои шансы на успех, а затем уже действовать, но не наоборот. Блестящая византийская дипломатия ранее без труда решала подобные задачи и даже еще более сложные.

Объективно туркам противопоставить в военном отношении было нечего. Хотя сам АлпАрслан скончался в 1072 г., один из вождей сельджуков, Сулейман ибнКетельмуш (1077—1086), начал постепенный захват византийских владений в Малой Азии. И в ближайшие годы ситуация для византийцев осложнилась настолько, что всякое сухопутное сообщение Константинополя с Сирией и Месопотамией стало невозможным¹⁰⁷.

Пребывая в эйфории от своей «победы», император объявил войну туркам, не вполне понимая, что сельджуки – не болгары, а вслед за этим начал судорожно искать союзников, которых попросту не существовало. Пришлось обращаться к Римскому епископу Григорию VII Гильдебранду, но безрезультатно – папа в ту минуту сам испытывал потребность в военной помощи, вступив в глубокий конфликт с Германским королем Генрихом IV (1056—1105).

Правда, позднее, 2 февраля 1074 г., папа Григорий VII все же отправил послание ко всем королям Запада с призывом помочь гибнущей Византии, которую турки совершенно опустошили, дойдя до Никеи и стен самого Константинополя. За это послание императору Михаил VII пообещал папе воссоединить Церкви – разумеется, под эгидой Рима. Однако в ту минуту этот предвестник Крестового похода не сложился, и Византийская империя осталась один на один с очень грозным соперником¹⁰⁸.

Тогда василевс отправил тайное (для папы) послание Роберту Гвискару, уже имевшему титул герцога Апулейского – правда, иногда полагают, будто это письмо было адресовано Переяславскому и Ростовскому князю Всеволоду Ярославичу (1030—1093), будущему Киевскому князю, но большинство исследователей склоняется к традиционной трактовке событий.

В витиеватых выражениях император доверительно сообщал Гвискару, что многие сильные мира сего были бы счастливы получить хотя бы косвенное подтверждение миролюбия Римского царя по отношению к ним. Насколько же в более выгодной ситуации оказался Роберт, получивший полное и персональное послание. Но герцог не должен удивляться такой милости со стороны Константинополя. Там давно считают его истинным христианином и благородным аристократом (шестого сына безвестного и бедного норманнского дворянина, добавим мы), а потому предлагают великую честь защитить границы Римской империи от врагов. В обмен на родство с императорским домом – замужество дочери герцога на родном брате царя Константине Дуке.

«Тебе, конечно, небезызвестно, что такое есть императорская власть у наших римлян и что даже те, которые вступают в дальнейшее родство с нами, почитают такой союз величайшим благополучием. А я сватаю дочь твою не за чужого мне родом и не за какогонибудь родственника из дальних, а за брата, родившегося от одного со мной семени, произращенного одним естеством, рожденного в царской порфире, повитого царскими пеленами и получившего вместе с рождением царское достоинство от Бога. Вот мое благополучие, а твое благополучие, вот верховное божественное домостроительство, обоим полезное, ибо твоя власть сделается отсюда более почтенной и все будут удивляться и завидовать тебе, получившему такое отличие. Когда ты придешь в себя от великой радости, прочитав это письмо, – завершал повествование Парапинак, – срочно принимайся за дело»¹⁰⁹.

Роберт Гвискар, которого письмо откровенно позабавило, попросту не ответил на него императору. И отчаявшемуся Михаилу VII пришлось направлять норманну второе послание, в котором он повторил свое предложение. «Я люблю мир, – писал василевс, – более, чем кто-либо из людей, и желаю править моим государством не на основании какого-либо стремления к расширению его, так чтобы ради этого враждовать с правителями народов, но, считая для себя достаточным то царство, которое я получил от Бога, я хочу привязать к себе посредством дружбы наиболее властительных и разумных мужей, каков ты, и как бы укрепить их и укрепить себя таким единомысленным союзом и настроением. Относительно тебя это имеет место даже более, чем относительно других правителей».

Император затем объяснял, что якобы избрал Роберта по тем причинам, что тот является благочестивым христианином (дважды отлученным папой от Церкви), ненавидит раздоры и битвы (всю жизнь проведенный на войне и сделавший великолепную карьеру от неизвестного норманнского дворянина до герцога Апулеи) и любит мир – сомнительные по исторической фактуре комплименты.

Что же касается способа организации союза, то Михаил VII вновь предложил своего брата Константина, «единоотеческого и единоматеринского, от одного семени и от одного естества», в качестве супруга дочери Роберта Гвискара Елены, «прекраснейшей, чтобы она сочеталась с красивейшим и наилучшим и чтобы союз царственного свойства сделался между нами связью дружбы, чтобы через одно соединение воцарилось между нами нерасторжимое единомыслие и воистину была бы чаша – не воды мимотекущей, но родственной крови, не от разделения иссекшей, а от соединения восприявшей свое сгущение».

Завершая свое послание, император писал: «Итак, прими эту весть как исповедание истины, потому что не от тиранической души весть приходит, но от царственнейшей мысли признание. Твоя дочь вкореняется и, так сказать, внедряется на самом тучном и плодородном корне, а не на какомлибо сухом и диком. Корнем этого царственного дерева и этого прекрасного тука был мой отец; после внедрился дикий приросток (Роман IV Диоген. – А. В.), но правда не потерпела, чтобы такой прирост участвовал в благородном туке, и он был отторгнут и отсечен, а я, ветвь от первого корня, процвел, а вместе со мной поднялись вверх и мои братья» 110.

И хотя истинное положение дел никак не коррелировало с тоном и содержанием письма, император как ни в чем не бывало говорит Гвискару: «Я усомнился бы предложить такое всякому другому, но для тебя одного я предпринял и задумал и с величайшей готовностью делаю это соединение».

И вновь ответа не последовало, поскольку Гвискара в этот момент больше занимала Сицилия, присоединением которой к своим итальянским владениям он был занят уже несколько лет после взятия Бари. Уже в июле 1071 г. он, собрав значительное войско, переправился на остров и, соединившись с отрядами Рожера Отвиля, осадил Палермо, жители которого пришли в ужас от грядущих перспектив.

Тем не менее сарацины вышли навстречу норманнам и попытались дать им решительный бой. Закаленные в боях дети северных морей быстро опрокинули врага, но все же не смогли по пятам отступающих мусульман ворваться в город. Началась осада. Понимая, что в одиночку им не одолеть врага, арабы призвали на помощь своих африканских единоверцев, и те прибыли с большим флотом. Это, конечно, была неприятная неожиданность для норманнов, которые заметно уступали числом и силой сарацинам. Однако Гвискар приказал вступить в бой, накануне призвав всех своих товарищей причаститься Тела и Крови Христовой и молитвенно призвать к Его помощи. В завязавшемся сражении удача была на стороне христиан, потопивших множество кораблей и гнавших арабов до самой крепостной стены.

Желая развить успех, Гвискар поднял своих рыцарей в атаку и, невзирая на ливень стрел, которыми их осыпали агаряне, норманны пошли на штурм города. Вот взяты крепостные укрепления, затем викинги окружили цитадель, но скоро пала и она. 10 января 1072 г. Палермо перешло под власть норманнов. За ним в скором времени последовали Мельфи, Трани, Джовинаццо, Бишелье 111.

Все последующее время Гвискар фланировал от Италии к Сицилии, подавляя очаги сопротивления, набирая новые отряды и продолжая завоевание Сицилии. В ноябре 1073 г. с герцогом Гвискаром заключил мирный договор Амальфи, а в 1075 г. им был взят Салерно. Пока Роберт пребывал в своем герцогстве, в Сицилии оставались Рожер Отвиль, который сумел в 1074 и 1075 гг. отбить новое нападение африканских арабов, которых направил из Туниса Тамим ибн альМуизз (1061—1108), что из династии Зиридов. Он же защитил от сарацин Калабрийское побережье. Однако в скором времени и Отвиль был вынужден покинуть

Сицилию, оставив остров на своего зятя Гуго Жарзе, женатого на его дочери Фландине (?—1094). На помощь родственнику Рожер оставил своего незаконнорожденного сына Иордана, графа Сиракуз.

Увы, молодости свойственна горячность и некоторая неосмотрительность. И нет ничего удивительного в том, что сицилийский эмир Бернаверт сумел поймать безрассудных рыцарей в засаду неподалеку от Катании; Иоардан скрылся постыдным бегством, но Гуго Жарзе был убит. В ярости от смерти зятя Отвиль немедленно вернулся в Сицилию, и месть его была страшна. В 1076 г. он сжег до основания Ното и замок Зотика, где скрывался эмир, всех мужчин перебил, а женщин отправил на невольничий рынок в Калабрии для продажи. Оставшиеся очаги сопротивления твердой рукой в короткое время уничтожил уже Иоардан, мечтавший отомстить арабам за позор своего бегства в злосчастной битве у Катании. Он захватил 12 замков, раздал их своим рыцарям, а затем с богатейшей добычей отправился в город Викари, что в 40 км от Палермо, который сделал своей резиденцией¹¹².

Как следствие военных успехов, недостатка в брачных предложениях у северных вождей не было. Так, граф Луниджаны Альберто Аццо II д'Эсте (1056—1097) предложил Роберту породниться, и в скором времени дочь норманна была выдана замуж за сына графа¹¹³. На этом фоне длительная затяжка с ответом Парапинаку выглядела просто насмешкой. Возможно, василевс, чувствовавший себя глубоко оскорбленным, не стал бы более обращаться к Гвискару, но, как говорят, «охота пуще неволи». Дела шли из рук вон плохо, и срочно приходилось искать сильного союзника, каковым, как ему казалось, могли быть только непобедимые норманны.

Не выдержав, Парапинак написал уже третье по счету письмо Гвискару, и тот неожиданно ответил. Император настолько обрадовался этому событию, что тут же резко увеличил размер аванса, способного заинтересовать герцога. Он предложил норманну для перераспределения среди членов семьи Гвискаров 44 высших византийских чиновных титула, каждый из которых давал право на получение руги (жалованья) в размере 200 фунтов золота ежегодно.

Поскольку взамен конкретных даров и выгод от норманнского герцога требовались только добрые слова и обещания будущих действий, Роберт согласился с данным предложением. Вскоре в Константинополь прибыла его дочь Елена. Правда, как рассказывают, она была, мягко говоря, некрасива, и наследник престола Константин Дука с ужасом думал о предстоящем браке, «как ребенок о пугале»¹¹⁴.

Пусть этот брачный союз и не сулил больших выгод, в данный момент эта комбинация позволила Михаилу VII нанять несколько норманнских отрядов. Началась новая война, на которую в 1073 г. василевс отправил 22-летнего Исаака Комнина с войском, в состав которого входил отряд норманнов под командованием Урселя, на сельджуков. Сопровождал Исаака Комнина его брат, совсем еще юный Алексей Комнин – герой нашего будущего повествования. Поскольку это семейство относилось к царскому роду (по Исааку I Комнину), было богато, знаменито и широко известно, Михаил VII решил вызвать Комнинов из ссылки и использовать в собственных целях. Но на таких участках, где Комнины имели высокие шансы расстаться с жизнью.

И действительно, первая же попытка Исаака Комнина навести порядок, тут же наткнулась на сопротивление Урселя, заявившего, что ни он, ни его норманны неподсудны византийцам. Исаак настаивал на своем, норманны откровенно угрожали вступить в бой не с турками, а с византийцами. Наконец, по дороге норманны вообще самовольно покинули византийскую армию, вследствие чего Исаак Комнин потерпел поражение от турок и даже попал в плен.

В этом первом для себя сражении Алексей Комнин действовал мужественно и храбро. Когда его брат был пленен, он, желая отбить его, вместе с группой воинов бросился на сельджуков и лично поразил нескольких врагов. В битве под ним пала лошадь, а из отряда телохранителей осталось всего 5 воинов. Тем не менее Алексей вернулся в лагерь и сумел навести в остатках армии порядок и восстановить дисциплину. Как рассказывают, старые воины

плакали, глядя на него, и говорили: «Да здравствует юноша спаситель, избавитель уцелевшего ромейского войска! Да здравствует он в теле едва не бестелесный!»¹¹⁵ Иными словами, они приравнивали его воинские деяния к духовному подвигу во имя родины.

Правда, ночью остатки войска все же покинули лагерь, и утром Алексей с удивлением обнаружил, что остался совсем один (!). Юноша отправился пешком на родину, не пожелав снять боевые доспехи, хотя был ранен и его одежда перепачкана кровью. Он едва не попал в руки турок, но добрался до некоего городка в Гавадони, где потряс местных жителей своим геройским видом и мужеством. Погостив у них 3 дня, он отправился к Анкире, разузнав все о брате, которого надеялся выкупить из плена.

К своему удивлению, он узнал, что аристократы Каппадокии в дружном порыве собрали деньги на выкуп Исаака Комнина. Вскоре братья встретились в Анкире и направились в столицу, но по пути их еще ждало много приключений и опасностей. Однажды в местечке Декта дом, в котором юноши отдыхали, окружил отряд турок числом до 200 всадников. Многие византийцы из числа местных горожан решили сдаться в плен, но Алексей организовал оборону, и вот уже меткие стрелы полетели в сельджуков. Те опешили и отступили, причем Комнину удалось поразить одного из самых сильных турецких воинов¹¹⁶.

В Константинополе народ устроил братьям настоящий триумф: два юных героя шли под восторженные крики толпы, осыпаемые цветами. Однако Византийскому правительству не понравились слишком популярные фигуры братьев Комнинов. И вскоре Исаак был назначен дуклой Антиохии, а Алексей, как увидим, получил новое и очень опасное поручение, исполняя которое легко можно было лишиться жизни.

Тем временем дела в государстве принимали совсем уж скверный оборот. Почувствовав совершенную безнаказанность, Урсель и норманны начали открыто грабить римские земли – а что еще можно было ожидать от своевольных северных наемников? Против них приказом Парапинака, продиктованным Никифорицей, был направлен кесарь Иоанн. Тот, конечно, понял, что стал жертвой интриги, преследующей целью удаление его от двора, но ничего поделать не смог. Встретившись с норманнами, Иоанн потерпел поражение и был взят Урселем в плен.

Затем последовали совершенно фантазмагорические события. Норманны решили использовать кесаря для того, чтобы повторить подвиг своих собратьев в Италии и приобрести самостоятельные владения на территории Византии. Для этой цели, как никто другой, подходил кесарь Иоанн, именем которого можно было смело прикрываться, чтобы придать своим территориальным приобретениям легальную основу. Насильно они облекли того в царские одежды и провозгласили императором.

Иоанн вначале испугался, а потом решил использовать свой шанс. Втайне он вошел в общение с жителями столицы, недовольными Никифорицей, и нашел в них сочувствие своим словам. Но тут старый евнух продемонстрировал высокое искусство преодолевать трудности. Он взял волю императора Михаила VII в свои руки и через василевса предложил мир Урселю. Тот отказал – тогда против него натравили турок, взявших обоих мятежников (кесаря Иоанна и Урселя) в плен. Конец мятежников был печален: через какое-то время Урсель, успевший выкупиться у сельджуков и бежать, был схвачен стратопедархом (он был почтен этим титулом) Алексеем Комнином и привезен в Константинополь, где его заточили в тюрьму.

Поразительно – то, что не удалось опытному воину, получилось у совсем еще юного полководца, продемонстрировавшего в ходе военной операции столько же военного таланта, сколько и хитрости. Был схвачен и кесарь Иоанн. Его доставили во дворец к племяннику, но перед этим Иоанн благоразумно успел принять постриг и предстал перед Парапинаком уже в монашеском платье¹¹⁷.

Однако это была только первая ласточка. В начале 1077 г. восстали западные фемы, выдвинувшие своим вождем Никифора Вриенния. Незадолго перед этим василевс направил

Вриенния в Болгарию, чтобы усмирить восставших славян. И тот успешно справился с поручением. Но тут, как часто происходило в царских дворцах, кто-то оклеветал Никифора, нашептал императору, будто тот хочет стать царем. Приказом всеильного евнуха Никифорицы полководец был лишен должности дуки Диррахия и, возбуждаемый родственниками и народом, возглавил войско, состоявшее из македонцев и норманнов.

В городе Троянополе Никифор был провозглашен императором и, облаченный в царские одежды, в ноябре 1077 г. торжественно въехал в Адрианополь. На Дунае к тому времени прочно обосновались печенеги, образовавшие самостоятельное княжество, и половцы. Когда Вриенний первый раз столкнулся с ними, он, не имея никакой другой возможности, купил с ними мир за баснословную сумму в 20 кентариев золота. Теперь это соглашение сыграло ему на руку: Никифор Вриенний включил печенежские и половецкие отряды в свое войско, чем существенно усилил его¹¹⁸.

Но затем его действия утратили нужную для успеха логику: узурпатор почему-то решил остаться на Западе, а к столице направил с армией своего брата Иоанна Вриенния – тот в декабре 1077 г. без труда достиг Босфора и готовился взять Константинополь. Для противоборства мятежникам Парапинак срочно освободил Урселя, усилил его отрядами Алексея Комнина и договорился с другими печенежскими ханами о помощи. В некоторых фрагментарных сражениях императорские войска взяли верх над мятежниками, хотя Урсель, по обыкновению, тут же занялся грабежом византийцев и захватил город Ираклий. В принципе можно было с уверенностью сказать, что эта апостасия уже обречена на поражение. Однако вскоре еще более тяжелые известия поступили с Востока¹¹⁹.

Стратиг фемы Анатолик, ведущий свою родословную от славных Фокидов, Никифор Вотаниат тоже замыслил свергнуть Михаила VII Дуку. Новый претендент был стар даже по нынешним меркам – ровесник века, он уже достиг возраста 77 лет. Не так давно Вотаниата прочили мужем императрицы Евдокии, и благосклонность царицы к Роману IV Диогену в ущерб ему больно ударила по самолюбию старого полководца. Он еще тогда попытался организовать апостасию, но заговор раскрыли, а старого сановника сослали в провинцию.

После прихода к власти Михаила VII Парапинака Вотаниат вновь попал в фавор, получил чин куропалата (командующего дворцовой стражей) и новое назначение на свою родину в фему Анатолик. Теперь, забыв благодетеля, куропалат поднял народ в своей феме, официально, впрочем, объявив врагом не царя, а ненавистного всем Никифорицу. Попутно, как опытный политик, Никифор постарался заручиться сочувствием столичных жителей, чтобы захватить Константинополь без вооруженной борьбы. Наконец, Никифор Вотаниат купил помощь туроксельджуков и вскоре имел очень приличное войско для реализации своих замыслов.

Из мирных граждан его естественными союзниками стали разоренные правительством Парапинака аристократы, священство, недовольное конфискациями церковного имущества, и рядовые обыватели. Даже близкие родственники императора Михаила VII, включая его мать монахиню Евдокию и жену Марию Аланскую, тайно приветствовали Вотаниата. Они доверчиво полагали, будто по прибытии в столицу Вотаниат всего лишь свергнет Никифорицу, но не станет претендовать на царство. Увы, женщины глубоко ошибались – у Никифора были далеко идущие планы.

2 октября 1077 г. он неожиданно для многих был провозглашен императором и уже собирался двинуться на Константинополь, когда получил известие о мятеже Никифора Вриенния. Осторожный Вотаниат остался в феме Анатолик, но время выдавшегося ему отдыха был вынужден потратить на усмирение властителей других, соседних фем, выступивших против него – Никифора Мелиссина и Георгия Палеолога.

Объявив о необходимости защищать законного василевса – Михаила VII Парапинака, на самом деле эти сановники искренне недоумевали, почему не они, а безродный, по их мнению, Никифор Вотаниат замыслил взять в руки царскую власть. Однако при помощи турок

Вотаниат сумел быстро разгромить своих соперников, попутно продолжая широкую агитацию в Константинополе в свою пользу¹²⁰.

Его труды не пропали даром: 1 января 1078 г. Константинопольский патриарх Косьма I (1075—1081) по прозвищу «Иерусалимлянин» созвал в Храме Святой Софии множество архиереев и сановников, недовольных императором. Вместе они потребовали от Парапинака оставить царский трон. Ответом им стал арест одного из наиболее громких ораторов – митрополита Иконийского, но дальше этого Михаил VII, верный своему природному пацифизму, не пошел. По совету Никифорицы к Вотаниату были направлены послы с предложением прекратить апостасию. Они передали полководцу письмо царя, в котором тот упрекал старого воина за неблагодарность: «Кто получил от меня, – риторически спрашивал Парапинак Вотаниата, – ранг выше твоего? С кем еще я делил важнейшие заботы? Я полагал, что в одном тебе приобрел союзника и соратника. С твоей помощью я мечтал унять разгулявшуюся бурю. О, тщетные надежды и напрасные ожидания! Какова неблагодарность! Я искал сокровищ, а нашел уголья»¹²¹.

Но письмо и посольство были только предлогом – в действительности посланники царя начали массовый подкуп отрядов из армии Вотаниата, включая турок. Однако Вотаниат узнал об этом и рядом умелых комбинаций перекупил турок опять на свою сторону, избежал ловушек по дороге и вскоре вошел в Никею, гражданам которой оставалось лишь принять его с царскими почестями как законного императора.

Остаток зимы и начало весны 1078 г. Вотаниат провел в переговорах и вербовке главных сановников Константинополя, и не без успеха. 25 марта 1078 г. в Храме Святой Софии собрались многие сановники, духовенство и граждане. Без особого смущения они провозгласили Никифора Вотаниата Римским императором. Даже в такой критической ситуации Михаил VII Дука не смог пробудить свою волю. Алексей Комнин, сохранивший верность василевсу до последней минуты, предлагал тому собрать царскую гвардию и ударить по мятежникам, собравшимся в храме, но Парапинак не согласился.

Остальное было уже делом техники – 31 марта 1078 г., в Лазареву субботу, отряды Вотаниата, прибывшие в столицу, направились к царскому дворцу. Михаил VII пытался бежать во Влахернский храм, но был схвачен, пострижен в монахи и отправлен в Студийский монастырь. Позднее он продолжил духовную карьеру и стал митрополитом Эфеса, повидимому, никогда не выезжая в свою епархию. Его жена Мария Аланская и малолетний сын Константин Порфирородный были отправлены в монастырь Петри¹²². Поняв, что все кончено, последние верные Парапинаку сановники поспешили навстречу Вотаниату просить о снисхождении и милости. И тот проявил ее: все, даже Алексей Комнин и брат Михаила Парапинака Константин, были помилованы новым самодержцем.

И в Великий вторник, 3 апреля 1078 г., Константинопольский патриарх Косьма I торжественно венчал на царство Никифора III Вотаниата.

Глава 2. Новое «Смутное время» и завершение династии Дук

Как человек опытный и далеко не глупый, новый император быстро понял, что сохранить власть и свой авторитет можно только путем резкого изменения политики, проводимой предшественником. А также за счет восстановления справедливости и наказания самых ненавистных византийцам лиц. Никифорица был отправлен в ссылку на один из островов и там умер под пытками. А первым министром двора стал уже известный нам Иоанн, митрополит Сидский, некогда отставленный Никифорицей. По мнению царя, это должно было вызвать расположение к нему со стороны клириков.

Представители духовного сословия и Константинопольский патриарх Косьма, чья деятельность очень помогла Никифору III в борьбе за власть, получили особые преферен-

ции. В частности, своим хрисовулом Вотаниат официально отказался от какого-либо участия в управлении Церковью, тем самым подтвердив предыдущие акты Константина X и Михаила Парапинака. Более того, Вотаниат снял с себя обязанности по рассмотрению судебных дел с участием клириков и отметил, что если такое вдруг и случится, то не по праву царя будет судить священство, а лишь потому, что император входит в состав Синода. Иными словами, по поручению патриарха (!)¹²³.

Попутно он раздавал чины и награды, совершенно не заботясь о том, насколько государственная казна может вынести новые расходы. А она совершенно истощилась к этому времени. Малая Азия, почти полностью захваченная турками, естественным образом выпала из списка налогоплательщиков. С европейских фем деньги собрать было отнюдь не легче. И чтобы покрыть все увеличивающиеся расходы, Вотаниат продолжил подделывать монету, и, как следствие, наступил жесточайший финансовый кризис¹²⁴.

Однако император словно не замечал этого. Он продолжал щедро награждать союзников-втурок и высших сановников, поддержавших его. А также принял меры по повышению своего личного авторитета среди семейства Дук, имевшего все основания быть недовольным его правлением. Бывшая императрица Евдокия получила разрешение жить в Константинополе с детьми, ее дочери удачно выданы замуж, а брат свергнутого Михаила Парапинака Константин Дука был введен в круг самых знатных царедворцев¹²⁵.

Вскоре этот царственный ловец удачи, клятвенно отказавшийся от власти, отправился по императорскому указу на Восток на войну. Казалось бы, о нем вскоре забыли, но в действительности мы столкнемся с ним в самое ближайшее время. Нет никакого сомнения в том, что в этих поступках Никифором III двигало не только чувство благодарности, но, главным образом, желание обосновать законным образом свои права на царство. Вотаниат прекрасно понимал, что в Византийской империи проживает большое число аристократов, имевших по знатности рода и родству с семейством Дук более прав на титул императора, чем он. Если верить некоторым источникам, первым напомнил о праве юного Константина Порфирородного Дуки на царство Алексей Комнин. В один из дней он получил аудиенцию у василевса и предложил ему такой вариант: Никифор III признает порфирородного Константина Дуку соимператором, но в действительности будет самостоятельно управлять Римским царством вплоть до своей смерти, после чего уже зрелый Константин станет единодержавным императором. Конечно, Вотаниат отказался от этой идеи и затаил подозрения в отношении Комнина¹²⁶.

Но положение Вотаниата было непрочным, и он его еще более усугубил, в скором времени решительно испортив отношения с Римской курией и норманнами. Началось с того, что император имел неосторожность аннулировать брачный договор брата Михаила VII с норманнской принцессой, дочерью Гвискара, что повергло вождя скандинавов сперва в недоумение, а затем в ярость. Герцог спешно нашел в Риме грека, внешне похожего на низложенного императора, а папа Григорий VII сознательно пошел на обман и признал того василевсом Византии, свергнутым Михаилом Парапинаком. Сам Никифор III был торжественно отлучен понтификом от Церкви, как клятвопреступник и вор чужого царства. Впервые за много столетий возник открытый разрыв отношений между Римской кафедрой и Византийским императорским домом¹²⁷.

Поразмыслив, царьстарик решил, что легитимизация его статуса возможна самым коротким путем через соединившие брачными узами с кем-нибудь из женщин семьи Дук. После некоторого раздумья выбор Вотаниата пал на Марию Аланскую, жену Михаила VII Парапинака. И, конечно, в данном случае приятное совмещалось с полезным.

Во всех отношениях это была прекрасная партия для любого, самого высокородного аристократа, поскольку отцом Марии являлся Грузинский царь Баграт IV (1027—1072), а матерью Аланская принцесса Борена. Брат Марии Георгий II (1072—1112) унаследует царский трон Грузии. Что ж касается внешних данных, то современники писали о ней так: «Была она высо-

кой и стройной, как кипарис, кожа у нее белая, как снег, а лицо, не идеально круглой формы, имело оттенок весеннего цветка или розы. Кто из людей мог описать сияние ее очей? Ее поднятые высоко брови были золотистыми, а глаза голубыми. Чары императрицы, сияние ее красоты, любезность и обаяние ее нрава, казалось, были недоступны ни описанию, ни изображению»¹²⁸.

Мария действительно тронула сердце старого императора, и, несмотря на то что ему выгоднее и умнее было бы жениться на бывшей царице Евдокии, он сделал выбор в пользу жены Парапинака. Как обычно, страсть оказалась далеко не лучшим советником, и результат получился противоположный ожиданиям Вотаниата. Для самого Никифора III это был уже третий брак, причем его вторая жена была еще жива, и с ней пришлось срочно разводиться. В общем, с канонической точки зрения этот союз выглядел очень и очень сомнительно, что тут же отметили константинопольцы.

Кроме того, императору не мешало бы предварительно узнать о том, что сердце Марии Аланской уже давно не принадлежит ей. Юный Алексей Комнин, благородный и обаятельный юноша, был влюблен в царицу, и не без взаимности. Когда Вотаниат посватался к Марии Аланской, та, опасаясь за своего 4-летнего сына Константина Порфирородного, не посмела перечить царю¹²⁹. Но, конечно, приказывать любить невозможно, и тайная связь Марии с Алексеем продолжалась.

На аланскую княжну усиленно давил и кесарь Иоанн, опасавшийся, что Евдокия, уже раз забывшая об интересах семьи Дук, вновь способна в качестве жены Никифора III Вотаниата сотворить нечто подобное. То обстоятельство, что она к тому времени являлась монахиней, не могло никого ввести в заблуждение – в случае необходимости и в Византии, и на Западе монашеские обеты легко снимались. Почему же Евдокия должна была стать исключением?

Оставался Константинопольский патриарх Косма I, которого не посвящали в подробности предстоящей женитьбы, небезосновательно опасаясь, что тот откажется благословлять данный брак. Когда наступила минута венчания, священник, приглашенный для совершения Таинства и узнавший о личностях жениха и невесты, отказался выйти из алтаря к «молодоженам». Тогда кесарь Иоанн дал команду своему сыну Михаилу, и тот привел другого, более покладистого пастыря. Он же подошел к алтарю, где скрывался первый священник, и хитростью выманил его оттуда, а затем ввел послушного иерея. Пусть и не без обмана, но брак был совершен¹³⁰.

К огорчению василевса, женитьба на Марии Аланской мало что изменила в отношении к нему других молодых и горячих претендентов. Первым из них был и оставался Никифор Вриенний, все еще пребывавший в Адрианополе. Посланные к мятежнику царские послы с предложением быть усыновленным императором и получить статус кесаря в обмен на лояльность, привезли обратно отрицательный ответ. Тогда Никифор III отправил навстречу мятежникам Алексея Комнина, получившего сан доместика (заместителя правителя провинции).

Битва выдалась на редкость кровопролитной. Армия Комнина состояла из 2 тысяч конных турок, которых в обмен на Анатолию передал Вотаниату Султаншах, сын Кетельмуша, наемников франков, тагму «бессмертных» и нескольких полков из Писидии. По численности войско Вриенния заметно превосходило императорскую армию, но вновь сказался полководческий талант молодого военачальника, хотя битва выдалась весьма трудная. Алексей устроил засаду с «бессмертными», и когда Вриенний начал наступление, внезапной атакой набросился на него. Правда, Иоанн с отрядом своих телохранителей отбил атаку, и уже опасность нависла над Комнином.

В это время на другом фланге печенеги, входившие в мятежную армию, разгромили писидийцев, но внезапно дрогнули перед сельджуками, которым приходились дальними родственниками. Они резко завершили атаку, развернулись и принялись грабить... обоз собственной армии, который был совсем рядом. В это же время к Комнину подоспели уцелевшие от пер-

вых атак франки и «бессмертные», к которым примкнули упоенные боем и первыми победами сельджуки. Конечно же, армия узурпатора дрогнула, но и теперь исход сражения был неясен. Все решили, как обычно, частности. Один из «бессмертных» напал на Никифора и ценой собственной жизни выбил полководца из седла, что еще более деморализовало его войско. Турки и тяжелая конница во главе с Комнином довершили разгром мятежного войска. Так старая элита Византии хоронила себя и государство, отдавая в виде платы туркам исконные римские земли... 131

Хотя брат Никифора Иоанн Вриенний успел бежать, самого узурпатора привезли в Константинополь и ослепили, после чего император на всякий случай утешил несчастного богатыми дарами и присвоением новых чинов¹³².

Однако уже вскоре объявился новый конкурент на царский трон – протопроедр (председатель синклита, по сути – правительства) Никифор Василакий, любимец Парапинака, некогда собиравшийся заменить Вриенния как правителя на Западе. Он составил большое войско из греков, албанцев, болгар, печенегов и норманнов под видом борьбы с Вриеннием, но когда тот пал, открыто объявил о своем неповиновении Вотаниату. И вновь Алексею Комнину, даже еще не успевшему возвратиться в Константинополь, пришлось бороться с новым мятежником, правда, в виде аванса он получил от императора титул севаста. Это была очень почетная награда, поскольку титул «севаст» означал то же, что «август» у древних римлян. Таким образом, Алексей был почти приравнен к царской особе.

По приказу василевса он пошел на Фессалоники, где квартировала армия Василакия, и успех вновь сопутствовал молодому полководцу. Перехитрив врага, он поймал его в ловушку во время ночной вылазки мятежной армии, пленил и в кандалах отправил в Константинополь. В столице Василакию, как и Никифору Вриеннию, выжгли глаза¹³³.

Едва покончили с этой апостасией, как возник еще один претендент на императорство. На этот раз им стал Константин Дука, брат свергнутого василевса Михаила VII. Как уже говорилось выше, во главе гвардейской тагмы «бессмертных» он был отправлен на Восток, чтобы сдерживать турецкие набеги на пограничные территории. Однако это была ошибка со стороны Никифора III Вотаниата. Император не учел, что «бессмертные» расположены к семейству Дук, а война на опасном Востоке представлялась изнеженным гвардейцам малопривлекательной. В общем, едва войско выступило в поход, как состоялось соглашение между ним и Константином Дукой, вследствие которого тот был объявлен императором.

Вотаниату очень не хотелось воевать – тем более что его силы были весьма ограничены. А потому царь просто перекупил «бессмертных», которые вернулись в столицу и выдали Вотаниату Константина Дуку. Мятежник был судим, пострижен в монахи и отправлен в ссылку¹³⁴. Вотаниат и на этот раз не желал проливать кровь мятежников. Увы, это была не последняя попытка захватить власть у престарелого василевса.

В конце 1080 г. против Никифора III восстал Никифор Мелиссин, женатый на Евдокии Комнин. Мелиссин взял на вооружение тактику самого Вотаниата, когда тот был еще мятежным претендентом. Не торопясь занять Константинополь, Никифор Мелиссин начал постепенно подчинять себе малоазиатские города. Обувшись в пурпурные сапоги и царские одежды, он требовал от населения оказывать ему императорские почести и всячески поносил Вотаниата, как изменника интересов Римской империи. Однако за этой патриотической риторикой стояли... турки, которым Никифор без зазрения совести передавал азийские, фригийские и галатийские земли во владение как плату за помощь. При содействии сельджуков, или, вернее сказать, из них Мелиссин собрал большое войско и избрал город Никею, которая уже была передана сельджукам, своей базой¹³⁵.

И вновь император прибег к помощи Алексея Комнина, но на этот раз молодой полководец отказался от чести возглавить императорские войска, ссылаясь на свое родство с Мелиссином. Тогда во главе войска был поставлен евнух Иоанн, который двинулся на мятежников

и осадил Nikeю. Но подоспевшие турки отбросили его армию к столице, и внуку пришлось с позором отступить.

Неизвестно достоверно – догадывался ли Вотаниат об истинных мотивах отказа Алексея Комнина сражаться с Мелиссином или нет. И, конечно же, его нежелание воевать с Мелиссином объяснялось не родством с мятежным сановником. По крайней мере, не только родством. Как полагают, юный Комнин опасался в случае очень вероятной неудачи (что и показал поход внука Иоанна) попасть под суд и впасть в немилость императора, что лишало его шансов самому претендовать на царство. Он прекрасно знал, как легка царская милость и сколь остры языки придворных интриганов. А поводы для волнения у него, разумеется, были.

Вотаниат зорко глядел за тем, чтобы вокруг не появилось возможных претендентов, и уже раз после победы над Урселем отказал Алексею Комнину в триумфе, опасаясь, что таким способом тот еще более укрепит свой авторитет в народе. Победы Алексей Мелиссина – император наверняка заподозрит его в стремлении к власти. Проиграй – жди суда за невыполнение царского поручения. А, надо сказать, его шансы были очень высокими, и совершенно не имело смысла рисковать в случае неудачи в деле с Мелиссином¹³⁶.

Надо сказать, мечта об императорстве возникла у юного Алексея совсем не на пустом месте. Впервые, он приходился племянником уже покойному василевсу Исааку I Комнину. Вовторых, как представитель известнейшей семьи, он через мать Анну был связан с не менее богатым и могущественным семейством Далассинов. Тонко подбирая себе союзников и желая упрочить связь с семейством Дук, Алексей Комнин посватал свою малолетнюю дочь Анну Комнин за юного царевича Константина Порфирородного¹³⁷.

Конечно же, это был политический брак. Но мать Константина и сама предпринимала все возможные меры, чтобы приблизить желанный час славы своему возлюбленному. Воспользовавшись каким-то поводом, царица Мария Аланская, не чаявшая души в Алексее, усыновила Комнина, чтобы ее любовник имел возможность появляться у «приемной матери» в любое время дня и ночи. Откровенно говоря, у нее самой возникли далеко идущие планы, где молодой любовник занимал далеко не последнее место.

Дело заключалось в том, что незадолго перед этим у Алексея скончалась жена, и теперь предстояло определить новую избранницу. Нет никаких сомнений в том, что молодой воин немедленно обвенчался бы со своей избранницей Марией Аланской, если бы она была свободной. Однако Мария уже вышла замуж за императора и могла любить Алексея попрежнему горячо, но... тайно. Впрочем, получи он царский венец, все могло бы измениться – было от чего не спать по ночам и размышлять о грядущем счастье.

Но тут кесарь Иоанн предложил Алексею взять в жены его внучку Ирину – 11-летнюю девушку, красивую, скромную и благочестивую. Комнин пошел за советом к матери, Анне Далассине, и та после длительных размышлений благословила брак. Да, она искренне и глубоко ненавидела Дук, небезосновательно полагая, что те хитростью и угрозами лишили ее мужа и сыновей законных прав на царство. Но с трудом, исключительно разумом, а не сердцем понимая открывавшиеся для сына перспективы от такого союза, дала согласие на брак.

В конце 1077 г. состоялось венчание Ирины с Алексеем¹³⁸. В результате в лице Алексея объединились три самые знатные и богатые семейства Римской империи – Комнины, Далассины и Дуки. И с точки зрения родства Алексей Комнин был первым из сановников Византии, способных с полным правом претендовать на царский титул. Под его началом все три семьи начали постепенно приводить в действие план, рассчитанный на воцарение молодого Комнина. Мария Аланская, конечно же, была потрясена тем, как рушатся ее надежды на счастье, но сделать ничего не могла...

Тем временем Никифор III Вотаниат, не имевший сыновей, решил сделать своим преемником одного из представителей семьи Синадинов, своих близких родственников. И, конечно, Мария Аланская была крайне обеспокоена этим. Да, пусть она сама уже никогда не станет

женой Алексея и в случае его успеха не разделит с ним царский престол, но оставался еще ее сын, права которого на царство всем казались незыблемыми. Однако при выдвижении Синадинов сразу же поняла, пока еще императрица, перспективы ее сына когданибудь стать василевсом просто ничтожны. Она вновь обратилась к своему возлюбленному и заключила с ним негласный договор, согласно которому Константин Дука в случае успеха восстания Комнина будет признан соимператором Алексея с правом носить пурпурную обувь и царское платье¹³⁹.

После этого Комнин начал действовать более активно и, надо признать, очень умело. В пику Парапинаку и Вотаниату, Алексей начал формировать свой «положительный образ», чтобы во всем походить на настоящего Римского царя, как его привыкли видеть византийцы. Он старался обворожить собой всех слуг василевса и придворных сановников, являясь им в виде милостивого и обаятельного человека. Армия, в которой Алексей служил с малолетства и с которой неоднократно побеждал врагов, уже боготворила его. Солдаты, видевшие в нем не только своего товарища и талантливое полководца, но и защитника благодетеля, готовы были пойти с Комнином на край света. В скором времени всем стало казаться, что лучше Алексея никого в государстве нет. А Комнин не упускал возможностей закрепить свое доброе имя. Когда его на короткое время поставили правителем западных фем, он быстро справился с печенегами, тем самым обеспечив безопасность византийских территорий от Адрианополя до Филиппополя¹⁴⁰.

Легко представить, как в столице и в городах случайно встретившиеся прохожие, обсуждая события в Византии, только и говорили о том, насколько не хватает Римскому государству таких талантливых и благочестивых полководцев, как Алексей Комнин. А вскоре ему представился удобный случай, чтобы окончательно решить дело в свою пользу. Вождь сицилийских норманнов Роберт Гвискар использовал поводом для начала войны с Византией свержение Михаила VII Парапинака, вследствие которого его дочь Елена, помолвленная с Константином Дукой, оказалась в монастыре¹⁴¹.

Пусть через несколько лет, но сказались таки дипломатические комбинации, которые затевал еще Михаил VII Парапинак. Хотя, разумеется, совсем не так, как это представлялось тогда императору. Трудно сказать, какой мотив был для герцога определяющим – честь дочери и рода или желание захватить Константинополь. Не исключено, что в данном случае они слились воедино – для тех времен самые высокие этические понятия нередко мирно уживались с прагматическими желаниями.

Так или иначе, но 28 июня 1080 г. Гвискар встретился с Григорием VII Гильдебрандом в Чепрано, чтобы выяснить коекакие актуальные вопросы, в том числе получить благословение на будущий поход в Константинополь. Да и Григорию VII не терпелось разъяснить коекакие недоразумения. В частности, папе очень не понравилось, что в 1077 г. Роберт осадил Беневент, который понтифик включил в число своих имений, и на Римском соборе 3 марта 1077 г. он даже отлучил его и остальных норманнов от Церкви. Но теперь, когда обоих объединяли общие интересы, понтифик и герцог решили позабыть прошлые обиды. При встрече с папой Гвискар поцеловал его туфлю, был прощен Гильдебрандом и даже усажен рядом, как равная папе фигура.

Их беседа продолжалась очень долго, и, разумеется, ее содержание осталось для всех тайной. Хотя, как говорят, норманн поклялся на Евангелии папе в верности, после чего тот дал ему свое благословение на будущие военные подвиги и даже обещал корону Западной империи, на которую вполне естественно претендовал Германский король Генрих IV. После этого герцог начал подготовку к грандиозному походу на Восток¹⁴².

Надо сказать, что папа не обманул Гвискара: после встречи с вождем норманнов Гильдебранд попросту приказал епископам Апулии и Калабрии помогать Роберту Гвискару в походе против «схизматиков» и активно поддержать его своими воинскими силами¹⁴³.

Это было, как мы сейчас увидим, далеко не лишним. Да, с одной стороны авторитет Гвискара находился на недостижимой высоте. И когда он, отправляясь в поход, по просьбе своей второй жены Сигельгайты Салернской (1040—1090) и графов назвал наследником своих владений в Калабрии и на Сицилии младшего сына Рожера Боско (1060—1111), то тут же получил брачное предложение от графа Тулузы Раймунда IV де СенЖиля (?—1105), будущего графа Триполи. Тот был готов отдать за юного Рожера свою дочь красавицу Матильду (1062—1094). Разумеется, согласие было получено, и жених поспешил отправиться на Сицилию, чтобы отпраздновать свадьбу.

Однако норманны вовсе не горели желанием воевать с Византией – их вполне обоснованно смущал тот факт, что в самом лучшем случае войско Гвискара не превышало 1300 рыцарей, что выглядело смехотворно мало для завоевания такой громадной Империи. С великим трудом Гвискару удалось убедить своих соотечественников и вассалов начать приготовление к походу, победа в котором совсем не казалась многоопытным норманнам предрешенной. Потому помощь папы пришлось очень кстати¹⁴⁴.

Об этих приготовлениях вскоре стало известно Вотаниату, и Никифор III, снабдив Комнина деньгами для снаряжения армии, направил юного военачальника на норманнов. Вероятно, он рассчитывал, что полководец в очередной раз добудет ему победу, но сейчас у Алексея были уже другие планы. Не дойдя немного до Адрианополя, он внезапно сделал остановку и отказался выплачивать солдатам жалованье. Обманывая их, военачальник утверждал, будто император не снабдил его необходимыми средствами.

Что называется, «играя на публику», Комнин начал раздавать воинам собственные деньги и имущество, говоря: «Если бы было возможно, я обогатил бы таких замечательных и умных людей, как вы!» Естественно, он добился того, чего хотел – солдаты были готовы отдать за него жизнь и одновременно с этим возненавидели василевса. Тогда Комнин решился на следующий, в общем-то довольно рискованный шаг. Алексей объявил солдатам, что поедет в Константинополь, дабы при встрече с царем уговорить того выплатить солдатам жалованье.

И действительно, поехал. Но для того, чтобы... при встрече с Никифором III в очередной раз уверить того в своем верноподданническом чувстве. А попутно провести последнюю рекогносцировку перед решительными действиями. 8 февраля 1081 г. Комнин вернулся к войску и объявил, будто за попытку защитить интересы солдат император приказал его арестовать и предать суду (!), и только благодаря счастливой случайности ему удалось вырваться из столицы. Нетрудно догадаться, что после этого войско дружно провозгласило Алексея Комнина императором и двинулось на Константинополь. Попутно Алексей направил гонцов к Дукам, и кесарь Иоанн, поспешивший к нему на помощь, оказал Комнину большую услугу, снабдив мятежников деньгами и присоединив к ним отряд наемников¹⁴⁵.

Когда об этом узнал Никифор III Вотаниат, он немедленно отдал приказ арестовать семейство Комнинов. Но предупрежденная Алексеем Анна Далассина, взяв с собой дочерей, внуков и невесток, укрылась в Храме Святой Софии. Император потребовал от нее оставить храм, но та, уцепившись за иконостас, заявила, что, только отрубив руки, ее можно вывести отсюда. Вскоре к Анне прибыла Ирина, решившая разделить с родственниками и не любящей ее свекровью все тяготы и опасности.

Авторитет семейств Комнинов и Дук был настолько высок в народе, что василевс не осмелился прибегнуть к силе. Он вступил в новые переговоры, в результате которых Анна Далассина согласилась перейти в Петрийский монастырь под гарантии безопасности со стороны царя. Теперь им оставалось только ждать завершения волнующих событий¹⁴⁶.

А Комнин и его союзники не спешили овладеть Константинополем, все еще представлявшим собой неприступную крепость. Почти два месяца продвигалась мятежная армия к столице, в течение которых Алексей собирал денежные средства и пополнял ее новыми отрядами. Одновременно с этим Комнину пришлось вступить в переговоры с Никифором Мелиссином,

пребывавшим со своим войском у города Дамалиса. Тот откликнулся на предложение объединить усилия против Никифора III, но предлагал разделить Римскую империю, пожелав взять себе Восток, а Комнину уступив западные фемы. Конечно, тот отказался, выдвинув встречное условие – предоставить Никифору титул кесаря и дать ему в управление Фессалоники; тот, подумав, согласился¹⁴⁷.

В конце марта 1081 г. войско Алексея подошло к стенам Константинополя. Нельзя сказать, что у императора не оставалось сил бороться с Комнином, но, как обычно, Алексей перекупил командира отряда германских наемников, и те 1 апреля 1081 г. открыли ворота города вооруженному сброду, который привел с собой молодой претендент. Однако и теперь дело заговорщиков еще не было решено окончательно. Вотаниат не собирался оставлять трон и приготовил отряд гвардейцеввикингов, чтобы разогнать отряды мародеров, заполонивших Константинополь.

Все решил столичный патриарх Косьма I, которого кесарь Иоанн убедил во избежание кровопролития склонить царя к добровольному оставлению власти. Архиепископу не составило большого труда выполнить данное поручение, и, отправившись в Храм Святой Софии, Никифор III Вотаниат объявил о своем уходе с царства. Он принял монашеский постриг и переехал в обитель Перивлепт. Напоследок он бросил своему окружению только одну фразу: «Жалею лишь о том, что в монастыре нельзя будет вкушать мяса, а более ни о чем».

А тем временем глава удавшейся апостасии занял царский дворец и в первый день Пасхи, воскресенье, 4 апреля 1081 г. венчался на царство как Римский император Алексей I Комнин¹⁴⁸.

Открывалась новая страница в истории Византийской империи, да и всей мировой цивилизации – эпоха Крестовых походов, нового «Великого переселения народов», возрождения и упадка величайшей Вселенской державы...

Глава 3. Борьба за инвеституру на Западе. Каносса и Вормс

Прежде чем приступить к этим волнительным страницам истории, бросим хотя бы краткий взор на Запад, где в это время создавались предпосылки грядущих событий. Все началось, как и следовало предполагать, с вопроса о взаимоотношениях королевской и папской власти, который никак не мог найти своей константы, постоянно варьируясь самым замысловатым образом.

Как известно, еще Франкский король Хлодвиг начал практику назначения епископов из светских лиц решением короля и имел большой успех. Несмотря на нескрываемое возмущение епископата, в скором времени большинство галльских архиереев стало набираться из мирян, и король чувствовал себя полновластным хозяином и в королевстве, и в Галльской церкви¹⁴⁹.

С течением времени ситуация не слишком переменялась. До конца XI века, несмотря на все старания папреформаторов, Западная церковь в этом отношении все еще представляла печальное зрелище. Как и раньше, избрание понтификов и епископов являлось прерогативой Западных императоров и королей христианских держав Европы. Генрих II, прозванный впоследствии «Святым», и его сын Генрих III самостоятельно поставляли Римских епископов и практически всех архипастырей в своем королевстве; и для этого имелись вполне объективные причины. Феодалы, которыми наделялись духовные лица, по закону причинноследственной связи неизбежно вовлекали архиереев в систему феодальных отношений, выработанных в германском мире. Папство, веками активно устремленное в мир, не заметило, как мир поглотил его.

Нюанс заключался в том, что вся феодальная система отношений была основана на владении землей и вытекающих отсюда правах и обязанностях. И Западная церковь, владевшая половиной или даже большей частью земель, по необходимости брала в лице своих клириков

обязательства по исполнению ленной присяги перед сеньором. Епископ, назначенный королем или графом, считался его вассалом и зачастую был вынужден оставлять алтарь, брать в руки оружие и воевать, как обычный дворянин. При выборе кандидата на вдовствующую кафедру король руководствовался политическими, социальными и материальными соображениями и предоставлял ее избранному им лицу, не особо задумываясь над тем, понравится ли это Риму¹⁵⁰.

Как утверждают исследователи, почти все церковные владения находились в зависимости от королей или императора. Например, только во Франции из 77 епископских кафедр, которые существовали в королевстве, 25 находились в ведении короля. В те дни, когда они вдовствовали, все доходы с них шли в королевскую казну. Ему же принадлежал 51 французский монастырь¹⁵¹. Многие герцоги если и уступали ему в объеме своих возможностей, то ненамного. Понятно, что совокупный объем их прав на церковное имущество был невероятно велик.

В дальнейшем, желая закрепить свои власть и влияние, крупные аристократы без всякого смущения ставили архиереями в подчиненных им епархиях собственных малолетних детей. «Если ребенок мог быть графом, то почему он не может стать епископом?» – этот наивный вопрос из разряда софистических недолго мучил умы современников той эпохи. В 926 г. граф Герберт II Вермондуа (902—943) хиротонисал своего 5-летнего сына (!) в епископы, и такое «избрание» было утверждено королем и Римским папой. А чуть ранее, в 921 г., архиепископ Кельнский даже получил выговор от папы Иоанна X за попытку воспрепятствовать назначению королем кандидата на вакантную кафедру в Льеже. В своем письме «своевольному» архиепископу понтифик объяснял, что ни в одной епархии (!) ни один кандидат в епископы не может быть поставлен на должность без распоряжения короля¹⁵².

Как и полагается, эта зависимость духовной власти от королей была облечена в легальную форму законной процедуры. Перед посвящением епископы получали от короля инвеституру («облечение») в виде жезла, символа папской власти, и кольца – знака, свидетельствующего о неразрывной связи архипастыря со своей паствой. Как вассалы короля, они давали ему такие же клятвы, как бароны и графы, и несли аналогичные повинности. Естественно, симония расцвела пышным цветом – продажа санов и епископских кафедр стала доходным бизнесом.

Особенно процветали злоупотребления в период малолетства императора Генриха IV, когда вакантные аббатства и епархии тщательно оценивались в королевском дворце, а затем открыто выставлялись на продажу; хорошо хоть не на аукционе. Еще хуже ситуация развивалась на Юге Италии, где даже свехупорный папа Лев IX не смог полностью искоренить симонию: ему откровенно говорили, что если понтифик начнет отлучать всех священников, купивших свои места, то в таком случае в южных епархиях не останется ни одного клирика¹⁵³.

Смешение духовного и мирского элементов приводило к совершенно удивительным картинам, когда духовные лица без всякого стеснения занимались делами, присущими мирянам. Характерный пример явил, в частности, брат королевы Теутберги, несчастной супруги Лотарингского короля Лотаря II (о ней история была изложена в предыдущем томе), аббат Хукберт. Желая отомстить на честь сестры, он организовал банду, которая грабила и убивала подданных его врага. Лишь после нескольких лет поисков и погонь удалось убить разбойного аббата в бою. Вообще, работа с мечом считалась такой же обязанностью настоящего клирика, как и знание порядка служения мессы¹⁵⁴.

Поскольку духовные лица состояли в обычных отношениях со своими сюзеренами, возникла необходимость раскрыть природу их двойного статуса, используя христологическую доктрину объяснения власти императора. С подачи известнейшего канониста епископа Ивы Шартского (1090—1115) было установлено, что, например, в качестве епископа тот или иной аристократ, занимавший одновременно со светскими обязанностями архипастырскую кафедру, обладает «параллельными» харизмами. А потому один французский архиерей сурово наставлял своих подчиненных клириков в обязательном порядке соблюдать целибат, но, как

барон, был женат (!), и этот брак оформили должным образом. Небезынтересна и история с епископом Байе, которого Английский король Вильгельм Завоеватель (1066—1087) судил как графа, но не как архиерея – ведь это правило уже было к тому времени закреплено в ряде конкордатов с Римским престолом¹⁵⁵.

Апостолик пытался активно противодействовать этой практике, и в некоторые периоды времени далеко не безуспешно. Теперь основная задача, которую ставили перед собой реформаторы-клюдийцы, заключалась в том, чтобы совершенно вырвать Западную церковь из тисков светской власти. А это было возможно лишь после устранения наиболее очевидных, наглядных форм ее зависимости от власти императора. Началась долгая и мучительная война за инвеституру, в ходе которой Гильдебранду пришлось противостоять и епископату, и могущественнейшим светским владыкам. Борьба тем более была жестокая и сложная, что далеко не все епископы Запада сочувствовали настроениям реформаторов, не говоря уже о королевской власти.

Но у короля имелись конкуренты и помимо Гильдебранда, желавшие поставить собственного понтифика на «стул Святого Петра» и через него диктовать свои условия. Используя то обстоятельство, что папа Стефан IX (1057—1058) скончался, Генрих IV мал, а Гильдебранд в это время находился в Германии, партия Кресценциев объявила папой епископа Веллетри Джованни Минчо, принявшего после интронизации имя Бенедикта X (1058), подернутое мрачным оттенком. В ответ партия клюдийцев возвела на престол Николая II (1058—1061), объявив Бенедикта X антипапой. При помощи лотарингцев Николай II вступил в Рим, а его соперник Бенедикт X спешно бежал в город Галерию, что располагался в 20 км от Рима.

Но победа реформаторов была далеко не полной, поскольку многие жители Рима, присягая новому понтифику, поднимали вверх левую руку, открыто демонстрируя, что их правая рука все еще сохраняет верность Бенедикту X. Таким образом, партия реформ несколько неожиданно для себя обнаружила, что попрежнему, как еще до папы Льва IX, папство целиком и полностью зависит от результата борьбы аристократических партий и субъективных предпочтений отдельных правителей. В таких условиях Гильдебранду и его товарищам приходилось рассчитывать лишь на самих себя. Поэтому он немедленно снесся с норманнами, которые предоставили ему отряд из 500 рыцарей, и взял штурмом Галерию. Папа Бенедикт X был подвергнут пыткам, лишен сана и помещен в богадельню, где вскоре и скончался¹⁵⁶.

Развивая успех, Гильдебранд инициировал принятие эпохального решения на Соборе в Латеранском дворце 13 апреля 1059 г., согласно которому избрание Римского понтифика является неотъемлемой прерогативой коллегии кардиналов. Это стало настоящей пощечиной и для Западного императора, и для римской аристократии, которых без особых церемоний отодвинули в сторону. Но за Гильдебрандом стояли норманны, а потому все молча проглотили обиду.

Для малолетнего Генриха IV это стало неприятным ударом, поскольку новый акт папы кардинально менял старую практику назначения понтифика императором Западной империи. Дальше – больше. Парижский Собор 1060 г. распространил данный принцип уже на процедуру избрания епископов. Естественно, в такой ситуации Королевский двор Германии посчитал свои права нарушенными, а потому созданный приказом короля Собор немецких епископов в Вормсе в 1060 г. объявил понтифика Николая II низложенным, как избранного без участия императора (!) ¹⁵⁷.

Возникло жесткое противостояние двух партий – королевской и «клюдийской». После неожиданной смерти Николая II ситуация еще более осложнилась. Гильдебранд настоял на избрании понтификом одного из самых горячих своих сторонников Александра II (1061—1073). А его враги в лице прелатов Лангобардии, немецких епископов и германского Королевского двора возвели на Римскую кафедру антипапу Гонория II (1061—1072). Германский король даже попытался силой заставить прислушаться к своему мнению, но на помощь папе Александру II пришел могущественный Тосканский герцог Готфрид Бородатый (1054—1069).

А Римский собор, созванный апостоликом, отлучил лангобардских епископов от сана – якобы за приверженность симонии. Назревал открытый конфликт, последствия которого едва ли внушали оптимизм.

Справедливости ради скажем, что папа не претендовал на что-либо большее, чем высшее руководство в духовной сфере. Он никоим образом не оспаривал обязанности клириков по отношению к их сеньорам, протестуя лишь против права королей «облекать» (*investire*) епископов и аббатов в права и привилегии, связанные с их должностями. «Что же касается до службы и верности королю, то мы не намерены ей противиться и препятствовать», – писал понтифик.

Его разумная позиция и точный расчет в скором времени заметно расширили число его сторонников и союзников. Так, в 1063 г. он удачно поддержал норманнов, борющихся в Сицилии под предводительством Роберта Гвискара с сарацинами. А в 1066 г. послал от себя знамя Вильгельму Завоевателю (1066—1087), собиравшемуся отплыть в Англию. Оба предприятия удались, что лишь прибавило авторитета Римскому престолу и его носителю.

Помимо этого, папа много сделал для восстановления отношений с Константинополем, хотя результат явно вышел не столь желанный, как того хотелось. Но никакой вины понтифика в этом не было: взятие в 1071 г. Бари норманнами окончательно охладило отношение к нему со стороны Константинополя. Византийцы, разумеется, прекрасно знали, что апостолик горячо поддерживает северных сынов, ставших его главной опорой в баталиях со всевозможными врагами. В целом же, невзирая на то, что его имя по приказу короля Генриха IV не поминалось более в германских храмах, папа стал настоящим центром политической власти.

А когда Александр II скончался, ни у кого из реформаторов не возникло сомнений, что новым понтификом должен стать только и исключительно Гильдебранд. Его спешно рукоположили, а затем интронизировали в качестве папы под именем Григория VII (1073—1085).

Что можно еще сказать о новом главе Западной церкви, о чем не говорилось ранее? При некоторых замечательных чертах характера в сравнении с некоторыми своими предшественниками и преемниками из числа «ключейцев», Гильдебранд отличался в худшую сторону. Не аристократ, мягко говоря, внешне и по манерам, человек, чьи знания и культура находились на довольно низком уровне, низкорослый и смуглый, с выступающим брюшком и весьма слабым голосом, который едва могли услышать даже вблизи, Григорий VII имел мало шансов визуально понравиться кому-либо. Но при всех недостатках нового апостолика отличала исключительная целеустремленность и последовательность при достижении поставленной цели¹⁵⁸.

Современник Гильдебранда Петр Даминиани (1007—1072), прославленный Римокатолической церковью, называл папу «Святым Сатаной», что было весьма характерно. Примечательно также, что в эпоху Реформации эта краткая характеристика была использована вождями протестантов, но, конечно, уже без предиката «святой»¹⁵⁹.

Уже в годы понтификата своего горячо любимого друга Льва IX Гильдебранд занимал высокие должности и, в частности, управлял финансами Римской курии. Из чего следует, что все были уверены в его абсолютной бесребренности. Однако это не означало, что Григорий чурался каких-то сомнительных способов улучшить финансовые дела своей Церкви, если такое время от времени предлагались ему. Твердо убежденный в том, что все средства хороши, если речь заходит о выгоде Святого престола, Гильдебранд, например, скоро сошелся с евреями и начал отдавать при их посредничестве деньги в рост, резко увеличив объем папской казны.

Затем он был отправлен папским легатом во Францию и так сурово расправлялся там с женатыми священниками и епископами, обвиненными в симонии, что даже ключицы порицали Гильдебранда за крутость нрава. Как рассказывают, в один момент времени папа Лев IX даже как-то сказал своему ближнему окружению, что «если, Боже избави, Гильдебранд взойдет когданибудь на Апостольский престол, то приведет в смятение весь мир». Так или иначе, но

авторитет этого человека был безграничен в Западном мире, и о Гильдебранде говорили даже, будто он обладает чудодейственной силой¹⁶⁰.

Надо сказать, избрание этого папы без участия императора Запада понравилось далеко не всем. Заволновались епископы Галльской церкви, а уж сам король Генрих IV тем паче нисколько не сомневался в том, что Гильдебранд не является законным понтификом. Он даже направил в Рим своего посланника епископа Григория, дабы через него получить удовлетворение собственным претензиям. Но результат получился неожиданным – при встрече с посланником понтифик объяснил, что сам никогда не стремился к власти и лишь смиренно принял Божий выбор. Как утверждают, этот ответ настолько поразил юного короля, что тот более не стал оспаривать хиротонию Гильдебранда¹⁶¹.

Очевидно, он не раз впоследствии жалел об этом, поскольку верный своей идее подчинить весь мир Западной церкви, а саму Церковь Римскому епископу, лишенный дипломатического таланта своих великих предшественников, категоричный Гильдебранд находил врагов даже в тех ситуациях, которые к этому совсем не располагали. Генрих IV в этом отношении не стал исключением.

Едва взойдя на престол, Григорий VII попытался не вполне корректно напомнить Роберту Гвискару, что тот является вассалом Римского понтифика. А затем сформулировал ряд требований, в числе которых числилось наказание некоторых норманнских вождей, грабивших папские владения. Но, скажем откровенно, было совершенно безосновательно полагать, будто норманны – эти прирожденные грабители, будут делать какое-то исключение, даже если речь шла о Римском епископе. Конечно, с формальной стороны это требование можно было назвать обоснованным. Но понтифик совсем нехотел забыть, что норманны являются его стратегическими союзниками, а потому портить с ними отношения было себе дороже.

Разумеется, Гвискар ответил отказом – он и так едва ли мог совладать с собственными вассалами, а теперь должен был потребовать от них возместить понтифику убытки. Кроме того, норманнского вождя откровенно позабавила попытка апостолика навязать ему свой сюзеренитет. И тогда Гильдебранд решился на открытую войну, собрав в марте 1074 г. под своими знаменами всех врагов Роберта. К этому времени он уже получил письмо Византийского императора Михаила VII, умолявшего папу прийти ему на помощь, и Григорий VII публично объявил, что сразу же после победы над норманнами его войско отправится на Восток помогать византийцам. Как и следовало ожидать, Гвискар был анафематствован понтификом, что, однако, дало не тот результат, на который Гильдебранд рассчитывал.

Конечно же, его ждало горькое разочарование – а что еще можно было ожидать?! Да, не желая ссориться, Роберт попытался вернуть ситуацию в мирное русло и даже написал понтифику письмо, в котором в самых изысканных тонах, почти покаянно, предлагал забыть о былых недоразумениях. В подтверждение своих миролюбивых намерений он лично отправился к папе, дабы показать свое смирение и уважить его сан. В это же время союзники, собранные апостоликом для войны с Гвискаром, переругались между собой, и с таким трудом организованный альянс распался в считанные дни. Внезапно выяснилось, что доезжать до понтифика Гвискару уже не имеет смысла – он без борьбы стал победителем в этом состязании. А для Гильдебранда это стало редким по степени унижением: его армия не сделала еще ни одного шага по принадлежавшей норманнам территории, а уже исчезла, растаяла, как снег в летний зной. Как следствие, его, наместника Христа на земле, уличили в неспособности привести свою угрозу в исполнение. Для впечатлительного и самолюбивого Григория VII это стало болезненным ударом судьбы и собственной глупости.

Это было не первое, но и далеко не последнее поражение в жизни Гильдебранда. Надо, однако, отдать должное папе – человек со стальными нервами и безграничной настойчивостью, он добивался своего, невзирая ни на какие преграды. А их было немало. Достаточно сказать, что в самой Западной церкви послания папы о введении обязательного celibата вызвали бурю

негодований среди клириков и светских лиц. В Париже, например, после того как было зачитано послание понтифика на этот счет, духовенство вытасило из храма Понтуанского аббата Готье, высказавшегося в поддержку Гильдебранда, оплевало его, закидало камнями и наверняка убило бы, если бы не помощь подоспевших мирян. В Руане согнали с кафедры епископа, выступившего за целибат, и едва не побили. А в Пуатье сочувственный Григорию VII Собор был разогнан местным графом, посчитавшим, что папа слишком смело вторгается в несвойственные ему сферы жизни, говоря о недопустимости инвеституры светскими правителями. Винчестерский собор в Англии также решил не принуждать своих священников к разрыву с женами.

Но особенно негодовала Германия, где открыто говорили, будто папское учение – ересь. Когда на Майнцском соборе 1074 г. духовенству предложили отказаться от брака, многие члены Собора демонстративно в знак протеста покинули заседание, а другие попытались стащить своего архиепископа с кафедры и умертвить его. На Парижском соборе 1074 г. решения папы были объявлены недействительными. А архиепископ Констанцкий Отто открыто призвал подчиненных ему священников немедленно жениться (!)¹⁶².

В октябре 1075 г. архиепископ Майнца вновь созвал своих священников, но уже в присутствии папских легатов – результат был тот же! В Пассау история повторилась, и епископ города едва не стал жертвой собственных клириков, если бы не помощь местного графа. Конечно же, Григорий VII был вне себя от ярости, но ничего пока поделать не мог. Поэтому он решил действовать осторожнее, натравливая мирян на женатых священников и взывая к их благочестию. А также решительно меняя конфигурацию на политической арене¹⁶³.

Разумеется, с норманнами он коекак помирился – для них самих союз с папой был органичен и естественен; других союзников они едва ли могли где-то приобрести. Но тут же создал новый конфликт, стоивший в итоге его главным участникам жизни. Начался он, как и следовало предполагать, по поводу инвеституры и захватил собой многих важных лиц. В феврале 1075 г., рассмотрев жалобу клириков Бамбергской епископии в отношении своего архиерея Германа, папа инициировал на Римском соборе лишение того священнического сана за симонию. Наверное, приговор был справедлив. Но это была далеко не рядовая епископия, и решение такого серьезного вопроса без участия короля стало первой ласточкой грядущего спора о власти между ним и папой¹⁶⁴.

Сам же конфликт проявился еще в 1072 г., когда император Генрих IV самостоятельно определил фигуру архиепископа Милана. Несмотря на свою молодость, король (но пока не император, поскольку не был еще венчан папой императорской короной) являл собой решительную и страстную натуру, имевшую высокое (впрочем, повсеместно широко распространенное для своего времени) мнение о собственном статусе. Еще мальчишкой он был глубоко возмущен нововведениями пап Николая II и Льва IX, согласно которым Западный император фактически отстранялся от выборов Римского епископа. И, став совершеннолетним, уже открыто воспротивился такому порядку вещей, «в пику» конкурентам назначив архиереем Милана своего кандидата при выбранном в Риме кандидате. А им стал иподиакон Миланской церкви некто Теодальд (1075—1085)¹⁶⁵.

Но тут же столкнулся с фигурой Гильдебранда, даже не думавшего о том, чтобы подчиниться воле короля. Напротив, папа начал пенять в письмах монарху на его дурные поступки, на что Генрих IV, не без сарказма и издевки, отвечал, будто все его шалости – суть следствие юного возраста и дурного окружения. И просил Гильдебранда приложить еще больше усилий для обеспечения благочестия в обществе, которое, несомненно, исправит огрехи его собственного воспитания и поможет королю выйти на путь праведности и смирения¹⁶⁶.

Но Григорий VII отреагировал на остроту короля привычным для себя образом, сразу же разрубив мечом гордые узел. Собор, спешно собранный папой, запретил государю, да и всем остальным светским вождям, каким бы то ни было образом касаться вопроса назначения епи-

скопов и претендовать на право инвеституры. Это было резко и крайне непоследовательно, поскольку еще летом 1075 г. Гильдебранд обращался с посланием к королю, в котором просил того определить кандидатуру на вакантную должность Бамбергской епископии, и король поставил туда своего ставленника некоего Роберта – человека, о котором все знали, что тот состоит в ближайшем окружении монарха¹⁶⁷.

На этом же Соборе папа отлучил от Церкви пятерых ближайших сотрудников короля. Генрих IV, которому уже исполнилось 25 лет (более чем зрелый возраст для тех далеких времен), первоначально проглотил обиду, но, расправившись с саксами, вернул всех пятерых ко двору, проигнорировав папский приговор. Гильдебранда покорило не только этот факт, но и то, что во время недавней войны Генрих IV платил своим солдатам жалование церковным имуществом и украшал своих любовниц драгоценностями, изъятыми из храмов. Он призвал короля к покаянию и направил к нему своих легатов, которых, как и следовало ожидать, тот принял крайне недружелюбно. Более того, разгневанный Генрих IV тут же назначил двух новых архиереев и даже епископа – «дублера» для Милана, хотя архиепископ этого города был еще жив и здравствовал¹⁶⁸.

Сорвавшись в своем гневе, папа помимо этого потребовал от короля лично прибыть к нему для разрешения одного весьма пикантного дела. Ни для кого не являлось секретом, что брак Генриха IV с Бертой Савойской (1051—1087), с которой он был обручен еще ребенком, не удался. Король искренне не любил жену, которая, однако, смиренно несла свой крест, и открыто изменял ей налево и направо. Ситуация была настолько неприглядной, что вмешательство понтифика для защиты чести и достоинства королевы ни у кого не вызвало нареканий. А потому Григорий VII потребовал от короля явиться на Собор и дать отчет в своих действиях, которыми, как небезосновательно сказал понтифик, Генрих IV демонстративно превращает царственную особу в публичную женщину.

Разумеется, король и не думал принимать это приглашение, все больше склоняясь к той мысли, что с этим апостоликом у них будущего нет. Но в данном случае Генрих IV промахнулся: рыцарские нравы того времени не позволяли безнаказанно марать честь благородной дамы. В результате король моментально лишился многих своих прежних сторонников¹⁶⁹.

А в канун Рождества 1075 г. возникла новая конфликтная ситуация. Завершая год, король, по обыкновению, рассмотрел несколько обращений в свой адрес, включая ходатайство жителей Кельна о поставлении им архиерея на вдовствующую кафедру. Генрих IV предложил и тут же, не откладывая, утвердил кандидатуру некоего Хильдольфа, каноника монастыря в Госларе. Но жители города отклонили эту кандидатуру. А вскоре к королю прибыли посланники папы Григория VII, передавшие письмо понтифика, полное угроз. Апостолик под угрозой анафемы потребовал от германца прекратить вмешательства в управление Церковью. Помимо этого, настоятельно советовал навести порядок в королевском дворце и удалить из него людей, чьи имена уже стали синонимом разврата¹⁷⁰.

Это было чересчур уже для Генриха IV, и по приказу короля Гильдебранда арестовали в Риме прямо в алтаре во время мессы в ночь на Рождество и бросили в тюрьму. Как рассказывали, похитителем стал некто Ченцио, гражданин Рима, неоднократно вступавший с Гильдебрандом в спор изза церковного имущества. Но понтифик был не тем человеком, которого можно было прилюдно, во время праздничного богослужения похитить у всех на глазах и бросить в острог. Конечно же, простые горожане тут же освободили папу. Как говорят, его похититель недолго прожил на свете и в этом же году умер изза опухоли в горле. Что, очевидно, отнесли к Божьей каре за содеянное им. Тем не менее любой здравомыслящий человек на месте Григория VII должен был понять, насколько шатки основания его власти. Но, как мы увидим, Гильдебранд никаких выводов не сделал¹⁷¹.

Впрочем, как и король. Продолжая борьбу, он созвал 24 января 1076 г. Собор в Вормсе, где собрались почти все германские епископы (кроме саксонских), который объявил папу низ-

ложенным (!). Свое решение архиереи завершили следующими словами: «Итак, поскольку и вступление твое в должность началось с таких клятвопреступлений, и Церковь Божья изза пагубного применения твоих новшеств подвергается опасности в столь тяжкое время, и жизнь твоя и нравы покрыли тебя дурной славой, мы отказываемся впредь соблюдать в отношении тебя какоелибо послушание, которое мы никогда тебе и не обещали; и поскольку никто из нас, как ты открыто заявлял, не был до сих пор для тебя епископом, то и ты никому из нас не будешь папой»¹⁷².

После этого Генрих IV обратился с посланием к народу Рима, предлагая подыскать нового, более достойного, по его мнению, апостолика. В своем послании Генрих IV писал: «Мы знаем, что вы всегда питали к нам верность, и благодарим вас за это. Но просим также, чтобы вы и на будущее время неуклонно пребывали в ней. И считали наших врагов своими неприятелями. К последним мы причисляем монаха (! – А. В.) Гильдебранда и призываем вас подняться против него; потому что мы узнали в нем хищника и гонителя Церкви, коварного врага Римской империи и нашей короны»¹⁷³. Впрочем, Генрих IV советовал итальянцам не проливать крови Григория VII, «ибо жизнь его после низложения будет ему куда большим наказанием, чем смерть».

Но, конечно, Генрих IV переоценил свои силы. Едва весть о Вормском соборе дошла до сведения остальной Европы, как все всколыхнулось: «Да слышит Небо и да поразится ужасом! – писал один современник. – Кто прочел когдалибо, кто когдалибо слышал, что папа может быть низложенным?! Папа, который даже не может быть судим! О, несравненное безумие! О, невыразимое неистовство! О, чудовищная глупость! Как осмелился король наложить руку на наместника апостола Петра?!» И хотя многие ломбардские епископы и правители являлись заклятыми врагами Гильдебранда, даже они не осмелились открыто поддержать короля¹⁷⁴.

Прекрасно понимая, что главной опорой Гильдебранда являются норманны, Генрих IV направил к Роберту Гвискару послов с официальным предложением закрепить за герцогом все ранее захваченные владения в Южной Италии. Более того, король намекал норманну, что при известном стечении обстоятельств тот может быть даже признан им королем – существенная разница в сравнении с тем, какой он имел статус. Однако Гвискар уже был настолько самостоятелен и могущественен, что, не особо задумываясь о последствиях, дал уклончивый ответ, смысл которого сводился к тому, что хотя он и уважает императорский статус, но прекрасно помнит и свой долг блюсти интересы Церкви. После этого стало ясно, что Гвискар не будет идти против Гильдебранда и вмешается в схватку двух титанов только тогда, когда это будет выгодно лично ему¹⁷⁵.

Параллельно с этим король отправил к папе послов, дабы сообщить о своей воле. Это послание, наполненное оскорблениями, интересно для нас, впрочем, не этим, а рассуждениями Генриха IV о природе монаршей власти. «Генрих, не насилием, но благочестивым Промыслом Божьим король, Гильдебранду, уже не папе, но лжемонаху (таким образом, король поставил папу для себя на еще более низкую ступень в иерархии – ведь еще недавно он величал понтифика монахом. – А. В.). Такое приветствие ты заслужил за произведенное тобой смущение, ибо ты не оставил в Церкви без внимания ни одного чина, который не сделал бы причастным к смущению, но не к чести – к проклятию, а не к благословию. Ты наше смирение принял за страх и потому не побоялся восстать против самой королевской власти, данной нам Богом; ты осмелился угрожать лишить нас ее, будто именно от тебя мы получили царство, будто царство и империя в твоей руке, а не в Божьей, и будто не Господь наш Иисус Христос призвал нас к царству, а тебя к священству»¹⁷⁶.

Для Гильдебранда это было более чем дерзкое послание, и нет ничего удивительного в том, что, как утверждал современник тех событий, участь королевских посланников была печальной. Понтифик вначале приказал их пытать, затем остричь наголо и кастрировать (!)¹⁷⁷.

Для короля это стало редким унижением. В пику папе желая продемонстрировать, что его воля вполне коррелирует с общецерковным мнением, он потребовал, чтобы каждый епископ Западной империи подписал письмо об отречении Гильдебранда, в котором фигурировали следующие строки: «Я, епископ такого-то города, с этого часа и в дальнейшем отказываю в подчинении и послушании Гильдебранду и не буду впредь ни называть, ни считать его папой». Правда, как утверждали современники, многие архиереи подписали это письмо исключительно под страхом наказания.

Но и папа не сидел сложа руки. Он моментально созвал в Латеранском дворце Собор, начавший свои заседания уже 22 февраля 1076 г. Когда послания короля были зачитаны на нем, возникло ужасное волнение. Как рассказывают, королевские послы, которых Генрих IV направил, дабы уведомить итальянских епископов

о своей воле, наверняка лишились бы жизни, если бы не заступничество понтифика¹⁷⁸. Пользуясь случаем, Гильдебранд тут же заявил, что король сам сверг себя с престола (!) собственным еретичеством, а попутно отправил послание ко всем епископам Германии. Оно чрезвычайно интересно и потому приведем его основные тезисы наиболее полно.

«Узнайте, любезные братья, новую и неслыханную до сих пор дерзость; послушайте гласа о безумном посягательстве и наглости еретиков, которые поносят имя Господа в имени Петра. Уведайте гордыню, которая поднимает голову свою для нанесения позора и оскорбления святому Апостольскому престолу; узнайте то, чего не слышали и не видали ваши отцы, чего не терпела Церковь ни от язычников, ни от еретиков. Какую глубокую скорбь вы должны чувствовать по поводу оскорбления, нанесенного князю апостолов. Во имя Всемогущего Бога Отца, Сына и Святого Духа отказываю я королю Генриху, сыну императора Генриха, восставшему с неслыханной дерзостью на Церковь, отказываю в господстве над соединенным государством Германии и Италии и разрешаю всех христиан от присяги, которую они давали или будут давать Генриху, и запрещаю служить ему как королю. Ибо справедливость требует, чтобы тот, кто бесчестит Церковь, сам лишился Церкви»¹⁷⁹.

Неслыханное дело – папа не только отлучил короля от Церкви, предав церковному проклятию, но и признал того не сущим в своем сане. Иными словами, отказал ему в достоинстве короля. Для того времени это было равносильно тому, как официально женщину признать мужчиной, а мужчине отказать в его природном качестве. Да, королем можно было стать по Божьему произволению. Но королем нельзя было прекратить быть, поскольку сама его природа и кровь отличны от всех других людей – так считалось в то время.

Позднее эта идея была выражена в виде настоящей политикоправовой и религиозной доктрины, суть которой сводилась к тому, что природное тело короля, как человека, неразрывно соединено с его политическим статусом («политическим телом»). «Он имеет природное тело, украшенное и облеченное королевским достоинством и саном; но у него нет природного тела самого по себе, отделенного и отграниченного от королевского служения и достоинства, а есть природное тело и тело политическое в нераздельности, и два сии тела соединены в одном человеке и составляют единое тело»¹⁸⁰. Как несложно понять, в этой связи лишение короля его статуса, «политического тела», автоматически предполагало, что и природное его тело мертво. Итак, папа убил короля? Но именно этот безумный вывод получается из первых силлогизмов.

Без всякого сомнения, высший свет всколыхнулся от неожиданной, безумной вести. Многие епископы и даже маркграфиня Матильда Тосканская (1046—1115), самая последовательная и могущественная сторонница папства и лично Гильдебранда, были весьма встревожены этим прецедентом и пытались найти компромисс¹⁸¹.

Маркграфиня представляет собой слишком заметную фигуру своей эпохи, чтобы обойти ее молчанием. Будучи дочерью маркграфа Бонифация III Тосканского (1027—1052) и сестры императора Генриха II Беатриссы Лотарингской (1037—1076), она внушала такое уважение у современников, что ей приписывали родство с Византий-

скими императорами. Верная христианка, она основала множество монастырей и щедро одаривала служителей Церкви. Не были обойдены ее вниманием и дворяне, ее вассалы, которым она охотно и часто помогала деньгами.

Став за смертью отца и матери маркграфиней, Матильда дважды выходила замуж, но семейного счастья не обрела. Первый супруг, Готфрид III Горбатый (1069—1076), герцог Нижней Лотарингии, вскоре умер, равно как и их малолетний сын. Вторым мужем – 18-летний Вельф V (1073—1120), будущий герцог Баварии в 1101—1120 гг., женившийся на 43-летней Матильде, был тайно влюблен совсем в другую женщину, что, конечно, вполне объяснимо. Неудивительно, что этот брак, заключенный по просьбе Римского папы из политических соображений, был недолог. После развода Матильда возненавидела брачные узы и целиком посвятила себя делам благочестия¹⁸².

Маркграфиня, честная и глубоко верующая женщина, была убеждена, что с укреплением папства и распространением власти Римского епископа на весь мир наступит воцаренное Царство Небесное. И даже родство с королем Генрихом IV не останавливало ее от помощи Гильдебранду и сохранения с ним чрезвычайно доверительных отношений. Но, как видим, даже она заколебалась после получения известия о решении понтифика.

Однако для Григория VII отлучение короля от власти стало наглядным подтверждением старой идеи «папистов» о том, что источником власти всех монархов является Апостольский престол, который единственно на земле вправе решать, кому дается власть в государствах, а у кого она отымается. Впрочем, общее впечатление от этого послания было настолько негативным, что Григорию VII пришлось направить второе послание в Германию, но уже не к епископату, а к сословиям, т.е. ко всему германскому народу.

«Мы слышали, – писал понтифик, – что некоторые из вас сомневаются относительно отлучения, изреченного нами на короля, и желали бы узнать, справедливо ли мы поступили, и был ли наш приговор, сообразный с законом, зрело ли обдуман». Иными словами, Гильдебранд несколько не сомневается в праве Римского епископа, как преемника апостола Петра, давать или отзываться верховную власть даже у императоров и королев. Единственный вопрос – обоснованно ли применение этого права в отношении к Генриху IV? Вопрос чрезвычайно сложный, а потому в письме понтифик обстоятельно изложил все вины Германского короля.

«Поэтому мы, призвав в свидетели нашу совесть, постарались как можно более правдиво открыть глазам и мыслям всех людей. Когда мы были еще в звании дьякона, и до нас дошла дурная слава о деяниях короля, мы, ввиду императорского достоинства и репутации его отца и матери, а также ради надежды исправления, часто увещевали его в письмах и через послов, чтобы он отошел от своего нечестия и, вспомнив о своем знаменитом роде и достоинстве, украсил жизнь свою нравами, которые приличествуют королю и, если даст Бог, будущему императору. Когда же мы вступили в должность понтифика, то, увидев, что вместе с возрастом выросли и его злодеяния, поняли, что всемогущий Бог тем строже будет требовать из наших рук его душу, чем большая свобода и власть даны нам для его исправления, и тем более стали призывать его к исправлению, и тем более беспокойно стали призывать его к исправлению его жизни всеми способами: обличением, запрещением, увещеванием»¹⁸³.

«Но Генрих, – продолжает папа, – презрел все меры убеждения, которые предпринимала Римская церковь, и в свою очередь обратился к епископам Германии и Италии с призывом отказать папе в повиновении». И за то, что король посмел посягнуть на единство Церкви, апостол решил предать его анафеме и церковному суду.

Дальше следует интереснейший пассаж, хрестоматийно иллюстрирующий образ мыслей Гильдебранда. Убежденный в том, что приговор над Генрихом справедлив и окончателен, Григорий VII тем не менее оговаривается: «Если бы даже, упаси Господи, мы и произнесли свой приговор неосновательно, без достаточных причин, то и в таком случае, по правилам Святых

Отцов, он должен сохранить свое значение (! – А. В.) и может быть отменен только после смиренного прошения короля о разрешении»¹⁸⁴.

Нет никаких сомнений в том, что это безосновательное с догматической и канонической точек зрения суждение основано на идее непогрешимости Римского епископа, столь долго лелеемой Святым престолом. Однако далеко не весь Запад воспринял такое учение о папских прерогативах как безусловное, и Гильдебранду пришлось подготовить богословское оправдание своей точки зрения.

В одном из писем он рассуждает со своим собратом по духовному статусу следующим образом: «Если желаешь, чтобы мы подкрепили тебя письменным оружием против презренного пустословия тех мечтателей, которые объявляют, что Апостольский престол не имеет права ни отлучать короля Генриха, гонителя христианской веры, опустошителя церквей и государств, виновника и участника ересей, ни разрешить кого бы то ни было от данной Генриху присяги, то нам, признаюсь, не представляется даже это необходимым, потому что мы находим на то многие и несомненные доказательства в Св. Писании. Кто не знает следующих слов Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа, которые читаются в Евангелии: “Ты – Петр, и на этом камне я созижду Мою Церковь, и врата адовы не одолеют ее. И дам тебе ключи Царства Небесного; все, что свяжешь ты на земле, будет связано и на Небе; все, что разрешишь на земле, будет разрешено и на Небе”? Разве отсюда исключены короли? Разве короли не принадлежат к тем овцам, которых Господь поручил Петру? Это божественное установление, это твердое основание церковного чина, это преимущество, дарованное князю апостолов, святому Петру. Может ли достоинство, изобретенное светскими людьми, не ведущими Бога, не подчиняться другому достоинству, установленному по воле Всемогущего Бога для славы Божьей, и данному миру по божественному милосердию? Кто может сомневаться в том, что священники Христовы должны быть почитаемы отцами и учителями королей, князей и всех верующих? Сообразно такому постановлению и следуя своим предшественникам, многие епископы отлучали от Церкви королей и императоров. Если же короли отвечают за свои грехи перед священниками, то кто имеет больше прав судить их, если не Римский папа? Короче сказать, каждый добрый христианин имеет больше прав на королевский титул, чем дурные князья»¹⁸⁵.

Подыскивая все новые доводы в свою защиту, понтифик обратился к древним временам и риторически вопрошал аудиторию: «Кто из императоров и царей славился чудесами подобно блаженным Мартину, Антонию и Бенедикту? Какой император или царь воскрешал мертвых, исцелял прокаженных, возвращал зрение слепым? Сколько имен царей или императоров, которым посвящены базилики, или алтари, или в честь которых Святая Церковь постановила служить мессы? Пусть короли и правители боятся, как бы им не пришлось тем больше гореть в вечном огне, чем больше они радуются, повелевая людьми в этой жизни»¹⁸⁶.

Конечно же, это – не более чем известный трюк подмены понятий. У Бога каждое служение служит к спасению души, и каждый из данных Им даров благословлен. С тем же успехом Генрих IV мог бы вопрошать, сколько раз и какие именно священники спасали христиан от врагов, борясь в битвах с врагами веры, и сколько городов они защитили. Каждому – свое.

Более того, в своих размышлениях (не самых глубоких, откровенно говоря) в какой-то момент времени папа пришел к тому печальному для Генриха IV выводу, что сама идея Священной Римской империи вступила в противоречие со статусом Римского епископа. И в своих письмах начал обосновывать ту мысль, что король имеет права исключительно на Германию, но равным счетом никак не вправе претендовать на Италию и остальной христианский мир. Как следствие, Гильдебранд начал активно пропагандировать идею отсутствия ленной зависимости государей Чехии, Венгрии, Польши и Дании (а равно и всех остальных) от Западного императора. Хотел того Гильдебранд или нет, но в глазах политической элиты Западной Европы он выступил катализатором и идеологом сепаратизма.

Повод реализовать вновь рожденную идею у него нашелся очень быстро. В ту пору в Венгрии происходила борьба между двумя претендентами на королевский престол – Гезой (1074—1077) и Шаломоном (1063—1074). Шаломон приходился родственником Германскому королю, поскольку был женат на его сестре Юдит; к слову сказать, его мать, Анастасия Ярославна (1023—1074), приходилась старшей дочерью Киевскому князю св. Ярославу Мудрому (1016—1054). Однако Шаломон был свергнут с престола племянником Гезой, союзником которого неожиданно для многих и стал Римский епископ. Подбадривая нового Венгерского короля, Григорий VII обосновывал ленное верховенство Римской кафедры над этой страной, установленной якобы еще в стародавние времена. По мнению Гильдебранда, Венгерский король обязан подчиняться исключительно понтифику, ленником которого на самом деле и является. В результате и Польский король, и Чешский князь – словом, все, кто оспаривал первенство над собой Германского короля, стали союзниками папы¹⁸⁷.

Дошло до того, что саксонские князья, издавна противостоящие германцам, воспользовались идеями Гильдебранда для того, чтобы опровергнуть легитимность передачи верховной власти по наследству. Их лидер однажды направил письмо со следующим содержанием: «Пусть королевское достоинство не передается по наследству, как это было до сих пор, но пусть сыновья королей, если они даже вполне достойны, получают престол по избранию (!). Если же не окажется у короля достойного наследника или его народ не захочет иметь королем, пусть народ имеет власть делать своим королем кого хочет». Чем не демократическая доктрина?!

Правда, нужно сказать, что Гильдебранд бывал непоследовательным в своих убеждениях, если на то его вынуждали обстоятельства. Надеясь получить в лице Венгерского короля сильного союзника, он признал за тем право на инвеституру (!) – то, в чем папа так категорично отказывал Западному императору. Разумеется, такие игры принципами не остались незамеченными заинтересованными лицами среди европейских монархов и в итоге обусловили их недовольство Григорием VII¹⁸⁸.

Это был самый захватывающий момент, расколовший Западную церковь на две партии – сторонников папы и его противников. Никогда ранее не произносилось такого приговора над коронованной особой, и многие сомневались, можно ли признать за понтификом полномочия, на которые Гильдебранд претендовал. Одно дело отлучить короля от Церкви, другое – лишить его королевского статуса папским актом. Если бы Генрих IV пользовался лучшей репутацией у своих подданных, возможно, победа была бы на его стороне; но только не теперь.

Помимо тех «подвигов», которые были у всех на устах в Германии и Италии, Генрих IV много повредил себе тем, то осмелился перед «отставкой» себя Гильдебрандом отлучить папу от кафедры. Да, такие события ранее встречались не раз. Но если ранее императоры и смещали понтификов со Святого престола, то либо в случае нарушения канонической процедуры избрания, либо вследствие полного аморального разложения и совершаемых ими преступлений. Конечно же, по отношению к Гильдебранду ни то, ни другое сказать было невозможно. Аскет, живущий исключительно делами Церкви, что можно было ему инкриминировать?!

Борьба между двумя могущественными фигурами достигла своего пика. И тут понтифик применил старое и испытанное оружие – он объявил интердикт по всей Германии, вследствие чего впредь до особого распоряжения папы ни в одном храме ни один священник не вправе был совершать ни мессы, ни таинств. Новорожденные младенцы оставались некрещенными, покойники – не отпетыми. Никто не мог ни исповедоваться, ни причаститься Святых Даров, ни венчаться.

Генрих IV попытался было предпринять встречные меры, но все оказалось тщетным. Созванный им 29 июня 1076 г. в Майнце Собор провалился, а рейхстаг, собравшийся в Трибурге 16 октября 1076 г., потребовал от короля подчиниться требованиям папы Григория VII. Возникла беспрецедентная в истории ситуация, грозившая полной анархией. В течение 7 дней князья Швабии и Саксонии совещались, как выправить дела в государстве. Ктото пытался всту-

питья за Генриха IV, но тут же находились люди, в подробностях напоминавшие образ жизни короля и порядки, царившие в его дворце. А потому большинство решило, что самое время избрать нового короля.

Как ни странно, в эту минуту спас Генриха IV его исконный враг... Гильдебранд, который в своем послании к рейхстагу советовал его членам не торопиться с низложением монарха, а если уж они решили избрать нового короля, то нужно предварительно обсудить с Римским престолом его кандидатуру. Поэтому члены рейхстага приняли половинчатое решение: не считать Генриха королем до тех пор, пока тот не покается и не будет восстановлен в Церкви папой или его легатом. По приговору рейхстага монарх должен был проживать в уединении в Швейцарии, а затем явиться на новое заседание 2 февраля 1077 г., где и будет решена его судьба¹⁸⁹.

Разумеется, то была катастрофа... И тогда король решился на небывалый поступок. Накануне Рождества 1076 г. он вместе с женой и маленьким сыном Конрадом в сопровождении всего одного слуги направился в Каноссу, замок маркграфини Матильды Тосканской, где остановился папа по дороге на заседание рейхстага. 21 января 1077 г. Генрих IV достиг подножия горы, на которой возвышался замок, и объявил через посредника о своей готовности подчиниться папе, если тот отменит интердикт в Германии.

Но злопамятный апостолик передал, что готов простить его только в том случае, если Генрих IV добровольно сложит с себя корону и навсегда откажется от королевского достоинства. Очевидно, это условие было неприемлемо для Генриха ни при каких обстоятельствах. И тогда он нашел отчаянный и хитрый ход, добровольно наложив на себя суровое покаяние – в течение 3 дней король стоял босиком во дворе замка с непокрытой головой, одетый в грубую шерстяную рубаху. Однако и это событие не растрогало каменного сердца Гильдебранда: он согласился простить Генриха IV на короткое время – до рассмотрения его дела на рейхстаге, где сам папа выступит в качестве арбитра. До этого тот обязывался воздерживаться от выполнения обязанностей короля. Генрих IV скрипя зубами согласился¹⁹⁰.

Впрочем, папа не удовлетворился устным покаянием, а потребовал от униженного короля письменных клятв, резко уменьшивших его властные прерогативы. В частности, король публично признавал, что свое достоинство он вернул только с согласия и разрешения понтифика, обещал впредь не общаться с людьми, анафематствованными Римским папой (т.е. откататься от ближайшего окружения), обязался давать понтифику отчет обо всех своих поступках, если тому вздумается потребовать этого, а также не препятствовать паломникам отправляться в Вечный город по своему желанию. Очевидно, последнее требование имело своей целью вернуть Римской курии те доходы, которых она была лишена по приказу короля, когда тот запрещал своим подданным путешествия в Вечный город¹⁹¹.

Однако на самом деле унижение короля не имело никакого отношения к покаянию. Это был хладнокровный маневр, целью которого являлось сохранение королевской короны. И самое печальное для Григория VII, что это он, далеко не новичок в политических интригах, и сам понимал без подсказки. Видимо, иначе он поступить не мог – наверняка, если бы папа мог не снимать с короля отлучение, то так бы и поступил. Очевидно, ситуация не допускала подобного исхода¹⁹².

Тем не менее отныне и навечно Каносса стала символом величайшего унижения монархической власти и самой идеи государства. Пожалуй, допускать этого папе не стоило – даже его ближайшие соратники посчитали, что Гильдебранд вел себя с тиранической жестокостью, а не с апостольской строгостью. Как справедливо писал один автор, «папа, безусловно, одержал моральную победу; но что толку в победе, после которой побежденный вернулся без тени смущения в свое королевство, в то время как победитель остался в тосканском замке, отрезанным от Германии»?

Кроме того, в это же время Роберт Гвискар, которого мало интересовали отношения папы с королем, руководствующийся собственными интересами, вновь напал на Беневент, считав-

шийся папским владением. Это действие стало публичным оскорблением Апостольского престола, и Гильдебранд подверг норманна вторичному осуждению, которое состоялось 3 марта 1078 г.

Однако и на этот раз Гвискар с откровенной издевкой встретил известие о своем отлучении, поскольку никаких практических результатов Римской кафедре оно не давало. У папы не было ни армии, ни влияния, чтобы преобразовать свои проклятия в материальные предметы. А для жителей Южной Италии многократные папские интердикты и отлучения стали очевидным примером бессилия Григория VII¹⁹³.

В свою очередь друзья Генриха IV нашли его поведение недостойным монаршего сана, а образ действий папы оценили как оскорбление всего германского народа и статуса короля. В то время уже отличали статус короны, как священного предмета, от личности ее носителя. В результате пострадали и Генрих, и Григорий. В глазах всей Европы понтифик выглядел твердокаменным маразматиком, плебеем, для которого благородство происхождения и королевская честь ничего не значили. А Генрих IV – трусом, променявшим «право первородства на чечевичную похлебку». Политические противники Генриха IV тут же воспользовались удачным моментом и 15 марта 1077 г. на совещании в Форххайме саксонских и швабских князей и епископов в присутствии двух папских легатов выдвинули новым королем Германии герцога Рудольфа Швабского (1078—1080)¹⁹⁴.

Генрих IV потребовал от Гильдебранда забрать корону у узурпатора, но папа не спешил ввязываться в эту драку, желая присмотреться к происходящим событиям. А между двумя партиями началась война, еще более запутавшая ситуацию на политическом олимпе. В двух сражениях с Рудольфом Генрих IV потерпел поражения, и папа решительно протянул руку дружбы герцогу. В качестве некоторого оправдания неудачам Генриха IV скажем, что он практически был лишен денежных средств, и ему даже пришлось обращаться с взысканиями на епископские доходы, чтобы содержать хотя бы небольшую армию. Впрочем, несмотря на одержанные победы и поддержку Гильдебранда, и Рудольф не мог считать себя полнокровным королем, поскольку ему подчинились лишь некоторые владения его предшественника, остальные сохранили верность Генриху IV¹⁹⁵.

Но, поставив на Рудольфа, который, как ему казалось, имел все шансы стать новым королем и императором, понтифик совершил очередную ошибку. Как ни странно, его дружба с герцогом была воспринята многими германскими аристократами крайне негативно. А потому маятник общественного мнения качнулся в обратную сторону.

Ситуация для Римского епископа усугубилась еще больше, когда, не озадачиваясь вопросом, насколько его церковные реформы уместны в годину политических и военных баталий, Григорий VII в 1078 г. публично высказался относительно участия светских князей в делах Церкви и категорически осудил инвеституру.

В своем послании Григорий VII писал: «Князья и сильные мира сего потеряли всякое уважение к Церкви; они обращаются с ней, как с негодной рабой. Даже те, которые стоят при кормиле церковного управления, забыли Божественный закон, упустили из виду свои обязанности в отношении к Богу и вверенной им пастве. Что станет с народом, покинутым нашими пастырями? Не будет узды, которая направила бы его на путь правды; даже те, кто должен служить ему примером, представляют собой образчики распутства. Пробегая мыслью, – продолжал апостолик, – по странам Запада, от севера до юга, я с трудом могу найти епископа, который законно достиг своего звания, вел бы христианскую жизнь и управлял бы народом с любовью ко Христу. Я напрасно искал бы между королями одного, который предпочел бы воздавать честь Богу, а не самому себе, быть справедливым, вместо того, чтобы быть корыстным. Я говорю каждый день, что они хуже евреев и язычников».

Это было не просто забвением всех вековых традиций (как на Востоке, так и на Западе), это было слишком. В результате реформа Церкви, предложенная Григорием VII, была встре-

чена повсеместно как губительное явление. Все-таки отлучение Генриха IV связывали с личным недостойным поведением короля и противозаконной попыткой сместить Римского епископа, но не с его противодействием папе в борьбе за инвеституру. Теперь же всем открылись истинные причины противостояния короля и понтифика. Когда декрет Гильдебранда был опубликован, его тут же повсеместно объявили ересью, противной словам Спасителя и Его апостолов.

Сохранилось несколько живописных и характерных свидетельств о том, как встретил Западный мир папские письма. Едва епископ Пассуанский осмелился прочесть послание вслух, как его чуть не разорвали на куски собственные клирики – только благодаря защите баронов архипастырь остался в живых. Еще хуже обстояли дела во Франции – весь Собор епископов, собравшийся в Париже, объявил единогласно, что новый декрет противен разуму, а потому его не следует исполнять. Если так рассуждали духовные лица, то, очевидно, остальные короли, герцоги и графы тем более не могли считать декрет Григория VII приемлемым для себя – он просто на просто означал, что отныне, исходя из сложившейся системы власти в Западной церкви, всех епископов будет назначать исключительно Римский епископ.

По слабости образования и опыта Гильдебранд не подумал о том, что не просто бросил перчатку королевской власти, а поставил под сомнение и решил сломать всю систему политической власти, как она сложилась в Европе. Все короли и иные правители Запада могли быть признаны в своем достоинстве на собственных землях лишь при наличии императора. Пусть и номинальный в отдельные времена, он являлся зримым олицетворением Западной империи, которую латиняне считали единственной преемницей Священной Римской империи – византийцев, как «схизматиков», в расчет, разумеется, уже не брали. Поэтому вольно или невольно выходило, что сокращение императорских прерогатив било по остальным правителям, являвшимся политическими или духовными вассалами императора. Чем меньше прав у императора, тем меньше их у короля – причем любого: хоть Франции, хоть Венгрии.

Кроме того, запрет папы касаться представителям высших кругов вопроса инвеституры должен был привести к полному хаосу в вопросах землевладения – ведь очень многие местные епископы являлись их вассалами. На какой основе, спрашивается, теперь должны были покоиться их взаимоотношения? Повидимому, Григорий VII не особенно задумывался над этим – интересующийся главным, он никогда не обращал внимание на «мелочи». И теперь с великим неудовольствием для себя обнаружил, что его же оружие обратилось против него самого.

Тогда понтифик воззвал к мирянам в свою защиту против неподвластного ему духовенства – неслыханный прецедент, и не ошибся: рядовые христиане поддержали папу. Что ни говори, но для тех, кто помнил или слышал о «папской порнокрации», личность аскета на Апостольской кафедре, яростного и искреннего борца за права Церкви не могла не импонировать. Поддержка Гильдебранда со стороны средних и низших классов была столь мощной, что на время уравновесила недовольство высших кругов. Но, как мы вскоре увидим, эта тактическая победа в итоге станет причиной стратегического поражения Гильдебранда 196.

Оплошностью Григория VII немедленно воспользовался Генрих IV, предприняв новые попытки взять верх над своим врагом. Естественно для себя, он уже давно забыл все обещания, данные в Каноссе, и желал лишь вернуть былую власть и отомстить обидчику, а еще лучше – сразу всем, включая папу. Но Гильдебранд опередил его. 7 марта 1080 г. он собрал Собор в Риме, на котором вторично отлучил Генриха IV от Церкви и вновь лишил его королевской власти над Германией и Италией.

Корону Германии, но не императорскую, а королевскую, апостолик даровал Рудольфу Швабскому. Все-таки признавать узурпатора Западным императором на фоне повсеместного неприятия кандидатуры Рудольфа не осмелился даже Гильдебранд. Зато апостолик прислал своему ставленнику венец с характерной надписью «Petra dedit Petro, Petrus diadema Rudolpho» («Скала увенчала Петра, а Петр увенчал Рудольфа») – прямое свидетельство тому,

что папа является единственным легальным источником власти короля. Авторы «Константинова дара» и мечтать не могли о такой практической реализации своих идей!

Теперь никакое примирение между соперниками стало уже совершенно невозможным, и было бы удивительно, если бы папа не нашел себе сильнейших врагов в лице королей Германии, Франции и Англии, все призывы к которым тонули в осознании монархами своих прав по управлению собственными Церквами. Естественно, что и значительная часть национального епископата выступила против Римского епископа.

При их поддержке 25 июня 1080 г. Генрих IV созвал Собор в Тироле (городе Бриксене Баварском), на котором присутствовало 27 архиереев и множество вельмож, обвинил Гильдебранда в ереси и колдовстве, именовал папу не иначе как «лжемонахом», а затем избрал своего папу (вернее, антипапу) Климента III (1080, 1084—1100).

В своем постановлении мятежные архиереи писали: «Поскольку установлено, что он не избран Богом, но появился сам по себе бесстыднейшим образом в коварстве и подкупе, опрокинул церковный порядок, потряс царство христианнейшей Империи, грозил телесной и духовной смертью католическому и миролюбивому королю и защищал лжекороля, сеял раздор среди пребывающих в согласии, ссоры между живущими в мире, скандалы между братьями, разводы между супругами и нарушал всякий покой, который, казалось, царил между живущими праведно, то мы, воедино по воле Божьей, опираясь на послы и письма 19 епископов, собравшихся в святой день прошлой Троицы в Майнце, выносим приговор против этого бесстыднейшего Гильдебранда, проповедующего святотатства и поджоги, защищающего клятвopреступления и убийства, ставящего под сомнение католическую и апостольскую веру в Тело и Кровь Господни, старинного ученика еретика Беренгария, почитателя пророчеств и снов, явного некроманта, одержимого духом Пифона, а потому отпавшего от истинной веры; он должен быть канонически низложен и изгнан, и если он, услышав об этом, откажется сойти с Апостольского престола, то еще и предан вечному проклятию»¹⁹⁷.

Но к тому времени Григорий VII презрел свою гордыню и предпринял срочные меры, чтобы помириться с Робертом Гвискардом. Он верно определил, что, соединившись, норманн и германец решат вопрос в свою пользу, а потому расторг возможный союз двух сильнейших монархов Европы. При посредстве аббата Дезидерия папа провел успешные переговоры с Гвискардом, и, как говорилось выше, 29 июня 1080 г. тот принес клятву верности (очередную) понтифику. Соответственно апостолик снял все отлучения и признал права Роберта на завоеванные земли на юге Италии и на Сицилии. Хотел того папа или нет, но вследствие его политики в Европе началась гражданская война¹⁹⁸.

15 октября 1080 г. неудачливый Генрих IV вновь потерпел поражение от Рудольфа, хотя сам победитель нашел свою смерть на поле битвы – его убил будущий герой Iго Крестового похода герцог Готфрид Бульонский (1076—1096). Современники с уважением рассказывали друг другу, что Генрих IV проявил чудеса мужества и храбрости на поле битвы, едва не найдя там свою смерть. Видимо, это геройство и мужество отчаяния прибавили ему авторитета в глазах его сторонников. А потому, когда отставленный папой от престола император прибыл в Милан, все жители с восторгом приняли на свою архиепископскую кафедру его прежнего выдвиженца Теодальда¹⁹⁹.

Это был переломный момент в истории борьбы за инвеституру. После смерти Рудольфа союз против Генриха IV сам собой распался, и обретший новую силу Германский король собрал небольшую армию и весной 1081 г. двинулся к Риму, восторженно встречаемый народом Германии и Италии на всем пути следования. Однако жители Вечного города отказались выдать Генриху IV папу, и король только весной 1083 г. сумел взять город штурмом.

Тем не менее пленить Гильдебранда все равно не удалось – тот спрятался в замке Святого Ангела и оттуда продолжал анафематствовать Генриха IV. Но по неисповедимой человеческой непредсказуемости новое папское отлучение только прибавило популярности Генриху IV

в Северной и Средней Италии. Да и жителям Рима настолько надоело это противостояние, что они инициативно направили послов к Германскому королю и объявили тому, что город признает его своим императором.

Впрочем, прежние годы прибавили германцу мудрости, и Генрих IV не стал форсировать события. Опасаясь какой-либо уловки со стороны вчерашних врагов и новых взрывов недовольства, он на всякий случай сперва заключил соглашение с римской знатью, согласно которому спор между ним и папой Григорием VII должен быть решен на специально созванном Соборе. Вероятно, король очень надеялся, что в ответ на эту любезность понтифик венчает его императорской короной. Но глубоко ошибся: верный себе, Григорий VII отверг предложение завершить спор миром и потребовал публичного покаяния короля (!), как будто не папа скрывался от своих врагов, а германец. Тому, естественно, ничего не оставалось, как проигнорировать факт существования папы и окончательно определиться в пользу антипапы²⁰⁰.

В марте 1084 г., на Пасху, по приказу короля епископы хиротонисали в Риме антипапу Климента III (1080—1100), а тот в свою очередь увенчал главу своего благодетеля императорской короной. Генрих IV покинул Вечный город в полной уверенности в своей победе, но в самое короткое время его ждало разочарование: Григорий VII призвал на помощь норманнов Роберта Гвискара.

Тот не замедлил выручить понтифика из беды и уже 24 июня 1084 г. выступил по направлению к Риму с 6 тысячами рыцарей и 30 тысячами пехотинцев. Такого оборота событий император не ждал, а потому, собрав самых знатных жителей Рима, несколько сконфуженно объявил, что дела требуют его присутствия в Ломбардии²⁰¹. Через 3 дня, убедившись, что Генриха IV в городе нет, Роберт Гвискар вступил в Рим, передав его в руки своих солдат. Как утверждают, со времен варварских нашествий Вечный город не видел ничего подобного. В пламени огня погибли роскошные дворцы и древние храмы. Были совершенно опустошены Капитолий и Палагинский холм, а на всем протяжении от Колизея до Латерана не осталось ни одного целого здания. Не часто бывшая столица Священной Римской империи подвергалась таким разорениям, как на этот раз. Все имущество было разграблено, город превращен в руины, а норманны, словно варвары, изнасиловали всех женщин, встретившихся на их пути, не исключая, разумеется, монахинь²⁰².

Этого простить папе несчастные жители Рима не смогли. Проклинаемый ими, Гильдебранд добровольно сложил свой сан, покинул город и отправился в Салерно, поставив новым Римским епископом Виктора III (1086—1087), хотя антипапа Климент III продолжал сохранять за собой часть Рима и Латеранский дворец. Скончался Григорий VII 25 мая 1085 г. с ясным пониманием до конца исполненного долга, но ненавидимый всеми. Как писал современник, «Григорий, дурно помазав сыновей и еще хуже посвятив дочерей, ушел наконец из Рима вместе с Робертом и отправился в Солерно. Прожив там малое время, он умер, как бы заслужив подобающую злодеям кару»²⁰³.

Но его преемники продолжили войну с Западным императором. Весной 1095 г. Урбан II (1088—1099) организовал громадный Собор в Ломбардии, в городе Пьяченце, где присутствовало 4 тысячи священников и монахов и более 30 тысяч мирян. Собор в очередной раз анафематствовал Генриха IV и Климента III, а Урбан II отправился в Рим и изгнал антипапу из города. Попутно понтифик организовал серию заговоров против императора, к которым присоединились и лица из ближнего окружения Генриха IV.

Надо сказать, что победа над Гильдебрандом окончательно развратила победителя, и до этой поры не блиставшего благочестием и целомудрием. Как известно, второй женой Генриха IV являлась Адельгейда, урожденная Епраксиния (1071—1109), дочь Киевского князя Всеволода Ярославовича (1030—1093), сестра Киевского князя св. Владимира Мономаха (1066—1125). В 1082 г., в 12-летнем возрасте, она была выдана замуж за Генриха I Длинного (1065—1087), графа фон Штаде и маркграфа Нордмарка, но уже в 1087 г. овдовела, сохранив

свою удивительную красоту. А потому нет ничего удивительного, что год спустя император, увидев ее, влюбился и немедленно решил сочетаться с Епраксинией браком²⁰⁴.

Однако в скором времени король без видимых причин приревновал супругу и задумал решить все сомнения весьма необычным и довольно омерзительным способом. Он заявил, что любой, кому приглянется королева, вправе рассчитывать на близость с ней вне зависимости от желания самой Адельгейды (Епраксинии). Дошло до того, что своего сына от первого брака, Конрада (1074—1101), Генрих IV буквально силой заставлял вступить с мачехой в интимные отношения. А когда тот отказался, публично заявил, что Конрад был прижит его первой супругой от какого-то шваба. В отчаянии Адельгейда отправилась в Рим к папе Урбану II, который с полным правом в очередной раз отлучил Генриха IV от Церкви. Впоследствии несчастная женщина вернулась в Киев, где приняла монашеский постриг и стала игуменьей одного из монастырей²⁰⁵.

Однако в целом новый папа был гораздо терпимее своего предшественника, что обусловило его более лояльную политику в отношении императора. А Германский король, почувствовав дуновение удачи, немедленно принялся восстанавливать целостность и единство Западного мира, расколотого былыми баталиями. Он предпринял несколько небезуспешных попыток локализовать конфликт. Для этого ему пришлось даже выдать свою родственницу, уже упоминаемую нами выше маркграфиню Матильду, замуж за сына герцога Баварии – об этом говорилось ранее.

К слову сказать, именно эта семья даст название партии гвельфов, ставших вековыми сторонниками папства, которым не менее активно противостояли гибеллины – сторонники имперской партии. Впрочем, в итоге не получился ни семейный, ни политический союз – герцог вместе с супругой активно противостоял королю, а затем, устав от многомудрой и сильной Матильды, в 1095 г. развелся с ней, получив искомое согласие на это Римского папы.

Несколько раз еще после этого пытался Генрих IV вернуть себе власть над Италией и папством, но каждый раз терпел поражения. Урбан II удачно договорился с Ломбардией и Итальянским королем Конрадом (1093—1098), сыном Генриха IV, и нейтрализовал все попытки грозного германца. Правда, самому Конраду это стоило титула и королевства – не помогла даже его женитьба на Констанции, дочери графа Сицилии Рожера Боско, за которой стояли могучие норманны. Император просто лишил сына власти, а своим преемником назначил младшего отпрыска, будущего императора Генриха V (1105—1125) ²⁰⁶.

Перманентно длящаяся «война всех против всех» уже в 1096 г. потребовала созыва специального Собора, состоявшегося в Клермоне в 1096 г., где были приняты постановления «о Божьем мире». «Замечательные» по своему содержанию в полной мере законы отражают печальное состояние западного общества и заменяют собой многие действующие государственные законы по причине их крайней неэффективности. Так, были установлены временные периоды «Божьего мира», введены специальные правила о судьбе имущества, которым другое лицо завладеет путем грабежа в «мирные» дни, убийстве человека или его порабощении и т.п. Оговорили правила обеспечения безопасности путешествующих клириков и их провожатых и ввели запрет на снос кладбищ и строительство на них новых строений. Отдельно провозглашались анафемы тем, кто в случае смерти клирика овладеет его имуществом, а также лицам, заточившим епископа в темницу²⁰⁷.

Декрет о «Божьем мире» был подписан, но война все равно продолжалась. Только следующий Римский епископ, Пасхалий II (1099—1118), сумел одержать над королем окончательную победу. На его радость, Генрих V с тревогой думал о своем будущем. Противостояние отца с двумя могущественными партиями князей Баварии и Саксонии, верных папскому престолу, казалось ему малоперспективным. А потому сын предал родителя, вступив в лагерь его врагов. Понтифик воспринял это событие как Божий дар, надеясь без пролития крови и трудов получить от Генриха V все то, в чем ему отказывал Генрих IV.

В самых радушных настроениях он писал в октябре 1105 г. в письме к архиепископу Майнца: «Что касается этого дела, то, как Божественный Промысел устроил новое царствование и тем дал нам удобный случай, необходимо позаботиться о нем вновь, чтобы государи продолжали сохранять все преимущества своей власти, пока они будут уважать полную свободу Церкви. Действуя таким образом, государи приобретут право на помощь, совет и привязанность папы»²⁰⁸. Умер многократно проклятый король Генрих IV 7 августа 1106 г. в полной нищете и забвении.

Для полноты изложения проследим, чем закончилась борьба за инвеституру при преемниках героев нашего повествования. Желая закрепить победу над исконным врагом папства, Пасхалий II созвал в 1107 г. Собор в Труа, на котором отрёшил от должностей архиепископа Майнцского Ротарда за непослушание Римскому престолу, а также рассмотрел несколько сложных судебных дел. В заключение понтифик издал декрет следующего содержания: «Тот, кто отныне получит епископскую инвеституру или иную духовную должность из рук мирянина, и если его рукоположат, то да будет низложен он сам и тот, кто его рукоположил. Что касается женатых священников и тех, кто живет с любовницей, то если они не разведутся, да будут отстранены от алтарей, а также отлучены от хора. Предписываем и повелеваем, что если и тогда они не разведутся, да будут удержаны вдали от порогов Церкви. То же самое мы постановляем и относительно диаконов»²⁰⁹.

Однако понтифик заблуждался относительно своих перспектив: об уступке папе церковной инвеституры Генрих V даже и не думал. Да, он пошел на мир с папой, но лишь для того, чтобы покончить с прежними политическими баталиями и тут же... начать новые. Видимо, соответствующая информация доходила до слуха папы, поскольку зимой 1106 г. он вместо запланированной поездки в Германию, где его восторженно ожидали, неожиданно оказался во Франции, что, конечно же, было воспринято в Германии крайне негативно. Более того, понтифик обратился с просьбой о защите Римского престола к королю Филиппу I и его сыну Людовика.

В начале мая 1107 г. папа прибыл в Шалоп, где его уже поджидали послы Генриха V с новыми требованиями относительно инвеституры. Они предложили сохранить старую практику принесения присяги королю со стороны избранного с его согласия епископа или аббата. Конечно же, папа ответил решительным отказом: «Церковь, освобожденная кровью Спасителя, не может подчиниться светским властям, а, между тем, утверждение духовного лица посредством кольца и жезла подчиняет его светской власти и тем оскорбляет его духовное помазание». Для усиления своей позиции папа собрал 23 мая того же года Собор в Труа, который поддержал его.

В течение двух следующих лет ситуация не менялась: папа, вернувшийся в Италию, пытался обрести новых союзников среди немецких епископов и аббатов, а король, занятый военными делами на границах своего государства, не имел времени на ристания с ним. Лишь в конце 1109 г. было принято решение о походе в Италию, дабы король мог венчаться императорской короной и установить на полуострове прочный порядок²¹⁰.

Во главе громадного войска король начал свой многотрудный поход в Италию, причем в его состав входили чешские отряды под командованием некоего Брячеслава, племянника герцога Владислава I Богемского (1109—1117; 1120—1125). Города Понтремоли и Ареццо, попытавшиеся закрыть ворота перед 30тысячным войском Генриха V, были взяты штурмом, и оттуда он направил папе новые письменные предложения, суть которых сводилась к тому, что король готов сообразовать свои планы с интересами Церкви, если они в свою очередь будут коррелировать с идеей справедливости. Находясь в безвыходном положении, папа начал переговоры, надеясь выторговать себе хоть что-то²¹¹.

К традиционному спору об инвеституре присоединился еще один нюанс, на этот раз сугубо личностный. При всем своем прагматизме Генрих V, не лишенный сыновних чувств

к родителю, попытался после смерти похоронить покойного короля в семейной гробнице в Шпейере, чему яростно воспротивился местный епископ Гебхард. Тот велел эксгумировать тело (!) и запретил все богослужения в храме, где отпевали Генриха IV, пока храм не будет очищен от скверны. Но новый король был упорен, и в конце концов папа Пасхалий II отменил анафемы в адрес Генриха IV. Для спасения своего престижа он объяснил это тем, что Генрих V убедил его, будто отец искренне раскаялся в своих прегрешениях перед Апостольским престолом.

Более того, он пообещал королю, что если тот откажется от прав на инвеституру, то в свою очередь добровольно передаст ему права собственности на все германские храмы, оставив за собой лишь доходы, традиционно отчисляемые в папскую казну. Генрих V немедленно согласился, и они поспешили объявить об этом остальному народу, не подумав о главном: как отнесутся к этому известию самые что ни на есть заинтересованные стороны, германские епископы, мгновенно лишившиеся своих владений в силу данного договора. Не удивительно, что, когда на воскресной мессе 12 февраля 1111 г. это соглашение было доведено до сведения епископата, разразилось ужасное волнение. Службу пришлось срочно прервать, папа тут же был арестован и брошен в тюрьму, а король получил в стычке рану.

Через 2 месяца понтифика все же отпустили на свободу, но он уже был сломлен морально и физически. Без всяких условий папа уступил Генриху V права на инвеституру и венчал того императорской короной. Правда, на этот раз кардиналы и Римская курия не позволили Генриху V так легко заполучить победу, а объявили, будто папу обманули и вырвали обещание силой. Разумеется, по их мнению, оно не может считаться действительным. Понтифику ничего не оставалось, как присоединить свой голос к мнению этой сильной партии.

Летом 1114 г. Генрих V сочетался браком с Матильдой Английской (1114—1125), и свадебные торжества давали ему весомый повод полагать, что он находится на вершине могущества. В Майнц, где проходили праздничные торжества, съехалось 5 архиепископов, 30 епископов, 5 герцогов, множество князей и посланников иностранных государств.

Однако всевластие императора оказалось мнимым. Тем же летом, когда Генрих V отправился в поход на вечно бунтующих фрисландцев, внезапно восстал Кельн во главе со своим архиепископом Фридрихом. Вскоре к ним примкнули герцоги Нижней Лотарингии. Трижды Генрих V пытался овладеть мятежным городом, но успеха не имел. Более того, в октябре 1114 г. он был разбит в битве при Андренахе. Эта неудача многократно увеличила ряды врагов императора: вслед за Вестфалией восстали некоторые саксонские князья. 11 февраля 1115 г. императора ждал новый удар судьбы – в очередном и кровопролитном сражении при Мансфельде его войско было наголову разгромлено союзными армиями его противников. Самому венценосному лицу пришлось спасаться бегством, оставив на поле брани множество своих верных соратников.

Естественным следствием этого стало то, что папская партия вскоре подняла голову. И хотя сам понтифик давал своим легатам самые общие поручения, его посланники на свой страх и риск действовали решительно и проявляли завидную непреклонность. Втайне они вступили в контакт с архиепископом Кельна и саксонскими епископами, совместными усилиями устраняя с кафедр сторонников императора. В результате половина Германии выпала изпод власти императора, который скрывался в верной ему Баварии. От безысходности он отправил послание Пасхалию II, который собирался созвать очередной Собор в Риме для рассмотрения дел в Германской церкви. Презрев гордыню, Генрих V напоминал понтифику, что ничем не нарушил заключенный с тем договор и сетовал на неблагодарность и подлость подданных – качества, с которыми в свое время пришлось столкнуться и самому апостолику. Затем, не теряя времени, император отправился в Италию²¹².

Но это ничего не дало – как и следовало ожидать, на Латеранском соборе 1116 г. Пасхалий II отозвал свои прежние обещания. Правда, и его авторитет был окончательно подорван –

кому понравится слабый понтифик, неверный к тому же своему слову? Наверное, смерть, которая наступила в январе следующего года, стала для апостолика избавлением от многих больших неприятностей²¹³.

Затем наступила очередная пора пап и антипап. Римский епископ Геласий II (1118—1119) сразу же после избрания был брошен в тюрьму местным населением, и только помощь норманнов позволила ему вернуться на престол. Но император уже избрал ему замену – антипапу Григория VIII (1118—1121), которого Геласий анафематствовал вместе с королем. Поддержку в своей борьбе против императора папа нашел в лице Французских королей, которые не без выгоды для себя использовали это противостояние. С одной стороны, они публично и добровольно отказались от инвеституры, но зато сохранили доминирующее влияние при назначении лиц на высшие церковные должности в Галльской церкви. Генрих V, которого отличало высокое понимание тонкостей политических баталий, быстро сообразил, что своими действиями создает в Европе в лице Французских венценосцев второй центр власти, который при поддержке Святого престола быстро может превратиться в первый. А потому начал искать повод для мирных переговоров с папой²¹⁴.

Впрочем, это не принесло понтифику особых выгод, поскольку, не выдержав тягот жизни в Риме, он ретировался в Клуни, где и скончался 29 января 1119 г. На смертном одре Григорий VIII и монахи избрали новым папой сына графа Гильома Бургундского (1002—1026) архиепископа Гвидо Вьеннского, принявшего после хиротонии имя Калиста II (1119—1124).

Тот немедленно организовал представительный Собор в Реймсе (разумеется, при помощи авторитетной Клунийской обители), утвердил решение об анафематствовании императора. Контекст событий и влияние духовной власти на умонастроение людей той далекой эпохи прекрасно иллюстрирует тот факт, что сам Генрих V находился неподалеку от Реймса с 30тысячным войском, но не посмел открыто противостоять новому папе. Правда, и папских посланцев, привезших ему новую редакцию отказа от инвеституры, он прогнал прочь, не в силах скрыть своего раздражения. Очнувшись, король тут же попытался сгладить неловкость и попытался через посредников вступить с папой в новые переговоры, но было поздно. 30 октября 1129 г., во время торжественного закрытия Собора, окруженный сонмом епископов и аббатов, понтифик произнес отлучение тем, кто противопоставил себя Церкви. На первом месте значился Генрих V и его приверженцы²¹⁵.

В июне 1120 г. Калист II уже был в Риме, где жители устроили ему бурную овацию. Антипапа спрятался в Сутри, но норманны поймали его, посадили на верблюда, провезли под насмешки горожан по городу, измазали грязью и отправили в темницу. Вскоре морально и физически сломленный антипапа скончался в монастыре²¹⁶.

Наконец, созванный в 1121 г. в Вюрцбурге по инициативе германских аристократов рейхстаг потребовал от обеих сторон – и папы и короля прекратить войну. Неохотно, вынужденно понтифик приказал своим епископам начать подготовку большого Собора, который состоялся в Вормсе в 1122 г. На нем 23 сентября 1122 г. был подписан знаменитый Вормсский конкордат, который устанавливал некоторые компромиссные положения. Генрих V отказывался от инвеституры, зато отныне избрания всех епископов в Западной империи должно было проходить с его участием. В случае спора между несколькими кандидатами Германский король имел право назвать наиболее достойного, который и получал жезл (но не посох и кольцо) из рук государя.

«Я разрешаю, – писал папа императору, – чтобы выборы епископов и аббатов Германского королевства, которые относятся к королевству, происходили в твоём присутствии, без симонии и какоголибо насилия, чтобы в случае, если между сторонниками возникает несогласие, ты по совету и приговору митрополита и местных жителей оказал согласие и содействие правой стороне. Избранный же должен получить от тебя регалии через скипетр, за исключением того, что, как известно, относится к Римской церкви, и все, что должен тебе за них по

закону, обязан исполнить. Из других же земель Империи посвященный должен в течение шести месяцев получить от тебя регалии через скипетр. По поводу тех, на кого ты мне подашь жалобу, я окажу тебе помощь по долгу своих обязанностей. Я даю истинный мир тебе и всем, которые есть и были на твоей стороне во время этого раздора».

Генрих отвечал: «Я уступаю Богу всю инвеституру перстнем и посохом и разрешаю во всех церквях совершать избрание и свободное посвящение. Владения и регалии блаженного Петра, которые были отобраны с самого начала этого раздора и до сегодняшнего дня, я возвращаю святой Римской церкви и буду честно содействовать возвращению тех, которыми я не владею. Я даю истинный мир Калисту, святой Римской церкви и всем, которые есть и были на его стороне, и буду честно содействовать во всем, что потребует святая Римская церковь»²¹⁷.

Нельзя, конечно, сказать, что этот договор расставил все точки над «и». С одной стороны, император соглашался с тем порядком посвящения лиц в духовный сан, при котором все решалось без участия светских лиц. С другой, папа согласился с присутствием представителей императора на выборах епископа и при процедуре инвеституры. Таким образом, фактически право короля контролировать выборы осталось неизменным, и он, как следствие, прямо или косвенно продолжал влиять на их результат. Взамен в главе «Привилегии короля» содержалось обязательство вернуть Церкви и духовенству все владения, отторгнутые или потерянные ими в ходе предшествующего конфликта²¹⁸.

Все же следует признать, что после всех баталий Рим приобрел серьезный политический вес, и теперь уже никто в Германии или Франции не мог сказать, что епископ является обычным королевским ставленником и вассалом. Малопомалу начался процесс десакрализации королевской власти – задача, которую едва ли ставили перед собой первые папореформаторы, озабоченные лишь внутренним обновлением Западной церкви. Но ход событий неизбежно привел их последователей к более резким и революционным шагам²¹⁹.

Дальнейшая история подтвердила эту оценку. После смерти Генриха V, не имевшего наследников, завершила свой путь могучая Салическая (Франконская) династия, и новым королем Германии был избран Лотарь II (1125—1137) – известный противник умершего императора и горячий сторонник клерикальной партии. Но подчинение судеб Западной империи интересам папства привело к тому, что, во первых, уже самому Лотарю II пришлось спорить с Римской курией изза наследства маркграфини Матильды, а, во вторых, воевать с новым папой Иннокентием II (1130—1143) за власть в Италии. За этими борениями Лотарь II не заметил, как Западная империя разваливается на мелкие княжества, не желавшие подчиняться центральной власти. В очередной раз папство побеждало за счет целостности государства, которое разрушалось у всех на глазах²²⁰.

Стала ли победа Римской курии предвестником грядущего нравственного расцвета? Вздохнула ли свободно Церковь? Едва ли. Как писал современник, «никакого уважения к благочестию. Некоторые провинции лишены не только епископского управления, но и священнического; каждый искал своего, не стремясь к тому, что Божье»...²²¹

В целом, при многих внешних успехах, Западная Европа задыхалась в ярости и ненависти, требовавших выхода вовне. Как писал один историк, «к концу XI века европейские страны походили на поле битвы. Темная ночь спустилась на это поле и окутала его непроницаемым мраком. Войска обессилены, но дышат ненавистью, тоскуя о мире в душе, они чувствуют, что обречены неискупленной виной на братоубийственную войну и ждут наступления утра, чтобы снова все так же яростно напасть друг на друга. Но в проблеске приближающегося дня они видят в небе Херувима, Который, указывая на Восток, велит им заключить во имя Бога мир и с оружием в руках идти в священный Иерусалим, чтобы там, у Гроба Господня, искупить грехи свои и всего мира»²²².

И искупление начнет свершаться после того, как будет объявлен Крестовый поход на Восток...

Династия Комнинов

V. Император Алексей I Комнин (1081—1118)

Глава 1. Надежда Римского государства

Если бы кто-нибудь из череды блистательных императоров – таких как Роман II, св. Никифор II Фока, Иоанн I Цимисхий, мог увидеть состояние Римской империи в начале царствования Алексея I Комнина, он был бы поражен. Не прошло и 60 лет с того времени, как непобедимые «железные» полки Василия II Болгаробойцы победно прошли по Востоку, Кавказу и Болгарии, сея во врагах панический страх. И вдруг, по непонятному капризу судьбы, все в государстве решительно изменилось.

Казна была пуста, вместо армии по стране бродили шайки наемников, с большей охотой грабивших византийское население, чем сражающихся с врагами. От Римского государства была оторвана значительная территория восточных владений, где господствовали турки. Южноитальянские земли теперь принадлежали норманнам. Более того, Роберт Гвискар уже будоражил умы соотечественников рассказами о богатстве Константинополя – он давно вынашивал идею об организации общеевропейского похода против Византии. А противопоставить ему по большому счету было нечего.

Как говорили современники, в то время восточную границу Ромейского владычества образовывал соседний Босфор, западную – Адрианополь, а в самом Константинополе находилось не более 300 воинов – слишком незначительные силы, чтобы идти с ними на войну против турок или норманнов²²³. Состояние Византии прекрасно иллюстрирует тот факт, что патриарх Косма I, отчаявшись что-либо изменить к лучшему, вскоре после воцарения Комнина добровольно оставил свой престол. Своему служке он сказал: «Возьми Псалтирь и следуй за мной» и вместе с ним ушел в монастырь Калия. Несмотря на многочисленные просьбы василевса, он наотрез отказался возвращаться на патриаршество²²⁴.

Однако молодой царь имел замечательную черту характера – никогда не унывать и, веря в Бога и Его милость, идти до конца. Родившийся в 1048 г., он, как мы уже видели, с раннего детства отличался завидной храбростью и умом. Царь получил прекрасное образование, вследствие чего приобрел любовь к богословским спорам, но не только. Молодой человек много упражнялся в верховой езде, работе с мечом и стрельбой из лука. Благодаря настойчивости матери и ее авторитету Алексей с юности приобрел прекрасное и довольно редкое качество – выполнять поставленную перед ним задачу без оглядки²²⁵.

Когда началась война с турками, он охотно вызвался идти на нее, и только отчаянная просьба матери, Анны Далассины, к василевсу Роману IV Диогену остановила его. Дело в том, что в 1071 г. умер в походе его старший брат Мануил, и мать отчаянно боялась потерять своего любимца Алексея²²⁶. Как выяснилось чуть позже, просьба матери наверняка спасла Комнина – в противном случае он мог погибнуть в трагичной битве у Манцикерта.

Выкованный из чувства долга, никогда не отделявший свои интересы от судьбы Империи, Комнин жил одной Византией, все отдавая на алтарь победы. Уже в юности его девизом станет: «Украшение воина – оружие и жизнь простая, чуждая неги»²²⁷. Скромность и величайшая самоотверженность, как довлеющие черты характера, и дальше будут отличать императора.

Говоря о личности царя, нельзя не отметить, что Алексей Комнин был спокойным и рассудительным человеком, не надменным, совершенно свободным от корыстолюбия и снисходительным при оценке проступков своих подданных. Милосердие и чувство справедливости

настолько глубоко укоренились в нем, что Алексей I зачастую награждал откровенных недоброжелателей, если только видел, что их деяния объективно полезны Империи. И легко прощал их, если чувствовал искреннее раскаяние в провинившихся недругах.

Удивительное дело – прирожденный солдат и полководец, не раз глядевший в глаза смерти, он очень редко прибегал к казням, видя даже в варварепеченеге человека, образ Христа. Никогда император не пытался добиться победы любой ценой, искренне сожалея, если за нее пришлось пролить кровь своих товарищей-солдат. И в дальнейшем, как мы увидим, множество стратегических побед было достигнуто им за счет очень тонкой и продуманной дипломатической игры, в которой царь был дока. Помимо этого, в Алексее жило глубокое и ясное понимание роли царя в Римском государстве, и он никогда не останавливался перед тем, чтобы сделать этот идеал реальным.

Конечно, как и все люди, император имел и свои недостатки, к которым в первую очередь следует отнести увлечение в молодости женским полом, изза которого сильно страдала императрица Ирина. Когда нужно, Алексей I умел быть скрытным, коварным, хитрым и безжалостным, не задумываясь над тем, чтобы принести в жертву интересам Византийской империи чью-то жизнь, свободу или имущество. Нет сомнений в том, что только такой человек кремневой выдержки, широкого кругозора, беззаветной отваги и глубокого патриотизма мог стать надеждой Римского государства в одну из самых тяжелейших минут его тысячелетнего существования²²⁸.

Впрочем, при всех отличительных чертах своего характера по типуажу Алексей Комнин ничуть не отличался от своих сограждан, которым один авторитетный историк давал такую оценку: «Византиец был человек чрезвычайно практичный, с деловой хваткой и вкусом к мирским почестям, однако всегда готовый отказаться от мира ради того, чтобы провести остаток жизни в монашеских размышлениях. Он горячо верил в божественное предназначение империи и богоданную власть императора, однако был индивидуалист, скорый на бунт против правительства, если оно его не устраивало. Он испытывал ужас перед ересью, однако его религия, самая мистическая среди всех укоренившихся форм христианства, допускала большую философскую широту и священнику, и мирянину. Он презирал своих соседей, считая их варварами, однако легко перенимал их обычаи и идеи. Несмотря на свою изощренность и гордость, он был человеком неуравновешенным. Византия так часто оказывалась на грани гибели изза разных несчастий, что они подорвали его уверенность в окружающем мире. Если вдруг приходила беда, он паниковал и совершал зверства, которые в спокойное время сам же презирал. Пусть даже настоящее было для него мирным и светлым, бесчисленные пророчества предупреждали его о том, что когданибудь его город погибнет, и он верил в то, что так и будет. В этом печальном брэнном мире нельзя обрести счастья и покоя, которые возможны только в Царствии Небесном»²²⁹.

Индивидуальные личностные черты выкристаллизовались у Комнина не сразу. Часто проявляя мудрость опытного человека, он в первые годы своего царствования все же нередко позволял себе опасные эксперименты, способные уничтожить плоды всех его трудов. Там, в частности, получив царскую власть, в первую минуту император Алексей I не сумел совладать со своими чувствами. Приготовления к венчанию Алексея уже были завершены, когда неожиданно выяснилось, что он собирается венчаться один, без своей супруги, совсем еще юной (ей не исполнилось и 15 лет) Ирины.

Надо сказать, императрица Ирина представляла собой удивительный образец настоящей царицы и благочестивой византийской женщины. Очень скромная по природе, она редко появлялась на людях, предпочитая чтение Священного Писания и творений Святых Отцов, молитвы и антифонные песнопения. Как и ее супруг, императрица много занималась благотворительностью. Ирина не только щедро раздавала личные сбережения нищим и малоимущим, но и старалась дать какойнибудь добрый совет. Праздных попрошайек она принуждала заняться

полезным делом, другим помогала найти пристанище и работу. О ней говорили, что императрица «ежедневно смешивает пищу и питье с состраданием». Не очень красивая как женщина, она обладала тем не менее внутренним обаянием, но в силу стыдливости характера редко бывала на людях и конфузилась, когда кто-либо прославлял ее красоту, тотчас краснея²³⁰.

Она искренне и глубоко любила Алексея I Комнина, хотя, как известно, ее любовь нередко оказывалась неразделенной. К своему несчастью, Ирина знала о том, что, презрев ее достоинства, император серьезно увлечен императрицей Марией Аланской. Забегая вперед, скажем, что впоследствии смирение и любовь Ирины сделали свое дело. С годами муж все больше и больше проникался к ней нежным чувством, а после смерти матери Анны Далассины и начала острой болезни Комнин в буквальном смысле слова шагу не мог ступить без Ирины. Она сопровождала его во всех последних походах и путешествиях, никогда не оставляя царя даже в воинском лагере.

Но все это еще далеко впереди. А в 1081 г. Ирина и Анна Далассина пришли в отчаяние, хотя и каждая по своему поводу, когда выяснилось, что намечавшийся союз «Комнины – Дуки» вотвот может рухнуть из-за увлечения Алексея I. Для понимания сложившейся ситуации следует учитывать довольно запутанную с точки зрения византийского правосознания и политической практики оценку прав Алексея Комнина на царский сан. С одной стороны, как племянник императора Исаака I Комнина, он имел все права на власть, и в этом отношении не начинал новую династическую линию, но восстанавливал старую, прерванную далеко не естественным путем. С другой, нельзя было сбрасывать со счетов и права семейства Дук на царскую власть, узурпированные Никифором III Вотаниатом.

Возник очевидный конфликт интересов, усугубляющийся тем, что оба семейства входили в элиту византийского общества и были способны реально повлиять на внутреннюю политику государства. Поэтому женитьба Алексея на Ирине Дуке позволяла устранить все противоречия и укрепить его права на императорство. Но сердцу не прикажешь – и, вынужденно венчавшись браком с юной Ириной, Алексей вовсе не оставил свою возлюбленную, в отношении которой у него возникли некоторые планы. Конечно, эта связь не осталась тайной для придворных, и вскоре Дуки откровенно заподозрили Алексея Комнина в том, что тот может забыть о былых договоренностях²³¹.

Подозрения Дуков переросли в уверенность, когда они узнали, что Мария Аланская так и не выслена еще из царского дворца. Стало ясно, что в душе Алексея Комнина любовь борется с чувством долга, требуя отказаться от Ирины и привести под венец единственно желанную женщину. Да что там Алексей – его мать, мудрая и прагматичная Анна Далассина не знала, как поступить. Глубоко ненавидя семейство Дук, она втайне желала видеть невесткой Марию Аланскую. Но разум подсказывал ей, что в их еще столь неустойчивом положении война с Дуками может привести к тяжелым последствиям. Анна попыталась на всякий случай надавить на патриарха, предлагая тому или покинуть кафедру, или венчать Алексея одного, но архиерей категорично заявил, что не уйдет с патриаршества, пока не водрузит императорскую диадему на голову Ирины. И на 7й день после венчания василевса патриарх Косьма I торжественно короновал Ирину Римской царицей²³².

После этого, поощряя верность, Алексей I раздал награды всем своим вольным и невольным союзникам. Как он и обещал своей возлюбленной, ее сын Константин Порфирородный надел красные сапоги и стал подписывать после императора все государственные документы. Никифор Мелиссин получил титул кесаря, такой же титул был восстановлен и для Иоанна Дуки, совсем уже старого человека. Но одновременно с этим василевс пожаловал своему брату Исааку новый титул «севастократор», почти приравненный к императорскому сану, своего рода «второй царь», и приказал величать того в документах ранее кесарей Иоанна и Никифора.

Муж сестры Алексея армянин Григорий Таронит, близкий к роду Багратидов, получил должность протовестиария (хранителя царской казны) и сан паниперсеваста («наисвященней-

ший»). Два его брата – Андроник и Никифор стали соответственно протосевастом («наивагустейшим») и друнгарием флота (командующим флотом). Таким способом Комнин неожиданно произвел быструю и решительную реформу придворных титулов. Это была разумная мера, обусловленная необходимостью избавиться от несуществующих и «пустых» должностей, а также желанием укрепить свою власть родственниками, наделенными высшими чинами. Очевидно, титул кесаря, о котором так мечтал Никифор Мелиссин, теперь резко обесценился в глазах придворных²³³.

Следует сказать, что новые назначения являлись не только и не столько платой за услуги, которые оказали отдельные лица Комнину во время похода за царской властью. Как справедливо замечают исследователи, столичная знать – евнухи, финансисты и престарелые чиновники – уже были не способны управлять Византией. Зато на периферии выросло поколение молодых, патриотически настроенных и амбициозных людей, принадлежащих к малоизвестным семьям. Талантливые и храбрые до самозабвения, римляне от головы до пят, они выбрали своим кумиром Алексея I, которому единственно и желали служить. Комнин также доверился своим товарищам и, как мы увидим, не ошибся. Однако помимо укрепления их статуса, без чего привлечение патриотов к политической элите государства было совершенно невозможно, теперь требовалось, чтобы они эти звания и должности отслужили²³⁴.

Следующий шаг Комнина был не менее неожиданным для современников. Испытывая угрызения совести за тот разбой, какой учинили его воины в течение 3 дней после взятия Константинополя, василевс инициировал церковный суд над собой (!). Был призван патриарх Косьма I с Синодом, и император предстал в роли подсудимого, откровенно поведав обо всех прегрешениях своих солдат, причинах собственного возмущения против Никифора III Вотаниата, и т.п. Решением суда он и все его близкие товарищи вместе с женами были подвергнуты епитимии сроком на 40 дней²³⁵. Можно, конечно, поразному оценивать этот поступок императора, находя в нем прагматические мотивы, но, видимо, он был продиктован все же глубоким и живым религиозным чувством.

Как уже писалось выше, через несколько дней после венчания Ирины патриарх Косьма оставил кафедру, и на освободившийся престол по рекомендации матери император поставил евнуха Евстратия Гариды (1081—1084). Его фигура была далеко не случайной – Комнины желали получить в лице Константинопольского патриарха не могущественного главу оппозиции, как это систематически случалось раньше, а помощника. И, казалось, что Евстратий хорошо подходил для этой роли: не очень образованный и недалекий, лишенный политических амбиций, он не мешал царю управлять государством. Правда, как вскоре выяснится, Церковью управлять он не умел.

Прошли первые, «медовые», месяцы царства, и императору пришлось выступать в поход. Крайне невыгодный мирный договор с турками, спешно заключенный Никифором Мелиссином в период его противоборства с Никифором III Вотаниатом, теперь принес свои печальные плоды. И перед василевсом, собирающимся отстаивать права Римской империи на Западе, стояла актуальная задача хотя бы на немного отодвинуть отдельные отряды турок от Босфора. В противном случае не исключалась возможность захвата ими Константинополя.

С отрядом новобранцев, посаженных на легкие корабли, он ночью начал занимать ближайшие к туркам селения, оставляя в них засады. Практически без потерь его легковооруженные воины нападали на врагов, нанося им стремительные удары. Император не стремился к крупному успеху, прекрасно понимая, что и такие небольшие победы чрезвычайно утомляют неприятеля и поднимают дух византийской армии. Закончилась эта кампания тем, что от турок были освобождены Вифиния, Финия и Никомидия, а турецкий султан запросил мира. Конечно, император не стал упорствовать²³⁶.

Теперь настал черед норманнов. «Замечательно», что в это время Римский папа ни с того ни с сего решил анафематствовать Алексея Комнина (!), что и произошло в действительности.

Правда, это не смутило нашего героя, и он деятельно готовился к схватке с норманнами²³⁷. Для Роберта Гвискара захват Константинополя выглядел далеко не самым трудным предприятием, которое, однако, достойно увенчало бы перечень его побед. Он активно готовился к походу на Восток, хотя папа Григорий VII откровенно выражал свое недовольство, опасаясь, что в отсутствие норманна Риму начнет серьезно угрожать его вечный враг Германский король Генрих IV. Как мы уже знаем, понтифик не ошибся в своих мрачных прогнозах.

Впрочем, Роберт не особенно озадачивался настроением Григория VII, более обращая внимание на приготовления к походу. Дело в том, что Гвискару очень хотелось найти необходимые обоснования своих действий, и он, задумывая захват Константинополя еще при императоре Никифоре III Вотаниате, даже подыскал похожего на свергнутого императора Михаила Парапинака молодого мошенника. Когда до него дошла весть о свержении Вотаниата, Роберту стало ясно, что его план сорвался – он уже не вписывался в образ защитника прав законного Византийского царя от узурпатора. Но разве Гвискара когданибудь останавливали такие мелочи? И в первой половине мая 1081 г. он отправился в поход из Отранто во главе сильной и блестяще экипированной армии, имевшей сильный флот²³⁸.

Оставив, как уже говорилось выше, итальянские и сицилийские владения на младшего сына Рожера Борса, Гвискар поручил командование авангардом своему первенцу Боэмунду (1054—1111), князю Таранто – известному историческому персонажу, с которым нам предстоит столкнуться еще множество раз. И вскоре тот отплыл из недавно захваченного норманнами Бари по направлению к острову Корфу, который ему предстояло занять, дабы обеспечить безопасность главной армии. Надо сказать, поручение отца Боэмунд выполнил отлично. Высадившись неподалеку от Аскалона, он сумел создать панику в стане греков и без труда захватил город и остров, умело используя «пятую колонну» – своих тайных приверженцев в византийском лагере. После этого Боэмунд сушей отправился к городу Диррахий, пока его отец плыл туда же по морю²³⁹.

В свою очередь, покидая столицу, Комнин практически не задумывался над тем, кому оставить управление Византийским государством. Для него существовала только одна фигура возможного «соимператора» – мать Анна Далассина. И в хрисовуле Алексея I, изданном в 1081 г., проявляется вся нежность сыновней любви к матери. Он писал: «Никто не может сравниться с добросердечной и чадолюбивой матерью, и нет защиты надежнее ее. Если она советует, совет ее надежен, если она молится, ее молитвы становятся опорой для детей и необоримыми стражами. В наших разделенных телах видна единая душа, которая милостью Христа сохраняется нераздельной и поныне. Я нашел надежнейший оплот самодержавия и решил поручить управление всеми делами моей святочитимой и достойнейшей матери. Пусть все ее распоряжения будут иметь такую же незыблемую силу, как если бы они исходили от светлой власти моей царственности, и написанное имело источником мои собственные слова»²⁴⁰.

Между тем норманны 17 июня 1081 г. уже осадили крепость Диррахий, гарнизоном которой командовал верный императору храбрый полководец Георгий Палеолог, и следовало скорее спешить ему на помощь. К слову сказать, это был первый неприятный сюрприз для Гвискара, который предпринял немало усилий для того, чтобы перекупить прежнего коменданта гарнизона Георгия Мономахата. Увы, буквально перед самым вторжением норманнов император сменил того на молодого, но верного ему Палеолога, который к тому же приходился царю дальним родственником.

Впрочем, это пока что мало меняло в создавшейся ситуации. Алексей I прекрасно понимал, что бороться с норманнами в одиночку было верхом безумия, да и наспех собранная Комнином разношерстная армия, где превалировали западные наемники, была далека от совершенства. Куда больше надежд император связывал с попытками объединить против норманнов всех заинтересованных лиц. В первую очередь он направил послание с просьбой о помощи в Венецию. Царь тонко учел, что для венецианцев захват норманнами пролива Отранто ока-

жется чрезвычайно болезненным, т.к. поставит их торговлю под контроль северных воинов. Действительно, венецианцы тут же согласились стать союзниками византийцев, и их суда, прибывшие под Диррахий, доставили норманнам много хлопот²⁴¹.

Попутно Алексей I отправил многочисленных агентов в Европу, формируя за спиной гордого герцога Апулии серьезную оппозицию. Римский папа Григорий VII, архиепископ Капуи Эрве, герцог Лонгивардии Герман и Германский король Генрих IV – все они получили послания императора, причем к каждому он старался найти индивидуальный подход. Папе обещал прекращение церковного раскола, Капуе и Лонгивардии – освобождение от норманнов, Германскому королю – денежную помощь в размере 144 тысяч золотых монет в борьбе с понтификом и его союзником Гвискаром²⁴².

Прекрасно понимая, что дипломатия не является универсальным оружием, василевс уже в ту тяжелую минуту принял решение, невзирая на пустоту государственной казны, восстановить национальную армию. Перед отправкой в поход Комнин созвал топархов (наместников) восточных фем и приказал им, оставив небольшие соединения для борьбы с турками, направить основную массу солдат и новобранцев в Константинополь. Теперь у него образовался стратегический резерв, из которого царь мог начать формирование новых полков. Как мы вскоре увидим, его труды не пропали даром. Наконец, положившись на волю Бога, император направился в Иллирик.

Тем временем солдаты Гвискара построили большое количество осадных орудий и, не переставая, осыпали город камнями и стрелами. Во время одного из обстрелов был ранен стрелой в голову Георгий Палеолог, которого с трудом удалось поставить на ноги. Но Алексей Комнин быстрым маршем уже продвигался к Диррахию, надеясь на удачу, хотя численность его войска (как говорят, не более 20 тысяч человек) и его качество заметно уступали по всем параметрам 30 тысячам тяжеловооруженных норманнов.

Надо сказать, не только греки испытывали страх перед грядущим сражением. Среди северных рыцарей ходили упорные слухи о том, что только наемниковпеченегов у Комнина не менее 10 тысяч всадников, не считая чрезвычайно боеспособных англов, вооруженных обоюдоострыми секирами. Очевидно, стороны не имели достаточного времени на рекогносцировку и потому пользовались самыми различными известиями.

В эту минуту Гвискар в очередной раз показал, что по праву является вождем норманнов. Чтобы исключить у своих воинов мысли о побеге в случае неудачи, он велел сжечь корабли, а когда настало утро битвы, он велел всем рыцарям исповедаться на мессе и причаститься Святых Даров. Укрепленные духовно, норманны стройными рядами вышли из лагеря, и 18 октября 1081 г. состоялось генеральное сражение²⁴³.

Первоначально император попытался окружить армию Гвискара, и некоторый успех был на стороне византийцев. Атаки тяжелой варяжской кавалерии византийцы отбили с большими для врага потерями, и некоторые норманнские отряды даже начали отступать. Но тут Роберт бросил свой последний резерв – конных копьеносцев, которым удалось опрокинуть императорскую гвардию. Часть византийских солдат укрылась в часовне, расположенной рядом с полем битвы. Норманны подожгли ее и не без удовольствия наблюдали, как все они погибли в огне. В эту минуту союзникисербь и 2тысячный отряд печенежских наемниковбогомилев, забыв о клятвах верности, бежали с поля битвы, чем предвосхитили ее результат.

Остальное войско потеряло строй и рассыпалось, отчаянное сопротивление оказал лишь император с личными телохранителями и друзьями. Но и им пришлось спасаться бегством, подвергая свои жизни серьезной опасности – норманнам очень хотелось убить василевса или взять его в плен. Комнина окружили 9 вражеских солдат, но он дал очередной прекрасный пример личного мужества, сумев отбиться и уйти от погони. Однако поражение византийцев было очень тяжелым – они оставили убитыми на поле сражения около 5 тысяч своих товарищей²⁴⁴. Погибло множество аристократов, среди которых значились Константин Дука, сын

императора Константина X Дуки, Никифор, отец Георгия Палеолога, стратиг Никифор Синадин и многие отборные воины.

После этого Диррахий остался беззащитным, хотя осада продолжалась еще 4 месяца. Как утверждают, взять город норманнам удалось лишь после того, как некий венецианец Доминик, начальник центральной башни, предложил через перебежчика Гвискару указать тайный ход и вообще обещал скорую сдачу, если только герцог согласится выдать за него свою племянницу, дочь Вильгельма, графа Принципата. С приданным, разумеется. Как полагают, девушка действительно отличалась редкой красотой, но очевидно, что подлецом двигало еще и честолюбие – желание породниться с одним из самых могущественных родов Европы. Политика не знает сострадания, и Роберт быстро договорился с изменником. Тот привлек на свою сторону некоторую часть солдат и в одну из ночей открыл ворота Диррахия норманнам. 21 февраля 1082 г. город пал без всякой борьбы²⁴⁵.

Эта победа была, конечно, весьма желанной для Гвискара. Но не в Диррахии заключалась цель его похода. Поэтому, немного отдохнув, норманны начали продвижение по Иллирии, нигде не встречая сопротивления. Помимо Диррахия, пали Охрид и Кастория, Ларисса была осаждена, на очереди был почти не имевший защитников Константинополь. Роберт Гвискар уже предвкушал радость овладения им, когда внезапно получил известия о том, что восстала Капуя, Апулия и Калабрия, где активно поработали агенты Византийского императора. Попутно с этим к Гвискару с криком о помощи обратился Римский папа Григорий VII Гильдебранд, которому (опять же, не без участия Комнина) серьезно угрожал Германский король Генрих IV – об этом говорилось выше.

Апостолик не стеснялся в выражениях, поторапливая Гвискара. «Помните о святой Римской церкви, – писал он норманну, – матери Вашей, которая любит Вас более других правителей и отметила Вас своим особым доверием. Помните, что Вы принесли ей клятву, а то, в чем Вы клялись, – то, что и без клятвы является Вашим христианским долгом, – Вы обязаны исполнить. Ибо Вам известно, сколь много вражды по отношению к Церкви возбудил Генрих, так называемый король, и сколь необходима ей Ваша помощь. Посему действуйте немедленно»²⁴⁶.

Делать нечего. Возложив командование оставшейся армией на Боэмунда, Роберт поспешил в Италию, в сердцах поклявшись не мыться и не бриться до того дня, пока не вернется в Византию. В течение всего 1082 г. герцог занимался подавлением восстания в Апулии, а 10 июня 1083 г. уже стоял у стен Рима. Впрочем, им двигали, конечно, не только верность слову и забота о делах понтифика. Просто его интересы совпадали с планами папы Григория VII – герцог Апулии опасался, что, поставив своего епископа в Вечном городе, король Генрих IV коронуется венцом Западной империи и возобновит свои притязания на южноитальянские владения норманнов. Почти год понадобился Гвискару, чтобы одолеть германцев и захватить Рим – 27 мая 1084 г. он вступил на его улицы, усеянные трупами жителей города и германцев.

Это был пик славы великого норманна: оба императора Восточной и Западной империй капитулировали перед его войском, и теперь Гвискар по праву считался самым сильным государем Европы. Но победа оказалась «пирровой» – только осенью 1085 г. Гвискар смог вернуться в Иллирию, предоставив византийцам время для того, чтобы восстановить силы и переломить ход войны. Как справедливо говорят, Роберт упустил уникальную возможность завладеть императорской короной Византии, побоявшись потерять герцогский титул в Апулии²⁴⁷.

Правда, за это время Боэмунд сумел нанести два рядовых поражения византийским войскам на материке (при Янине и Арте), а также захватил Фессалию и Македонию. И тень надежды, мелькнувшая ранее, почти растворилась – все ожидали со дня на день падения великой Римской империи. В связи с полным отсутствием средств императору пришлось еще более

уменьшить содержание золота в монетах государственного образца – естественно, это вызвало глухой ропот у византийцев, недовольных налоговым бременем, упавшим на их плечи. Однако это были последние видимые успехи норманнов, не сразу заметивших, что вслед за этим для них все пойдет под откос²⁴⁸.

К чести императора, и в невероятно тяжелую минуту он не пал духом. Находясь на Балканах, Комнин отправил гонца в Константинополь к своему брату Исааку с просьбой найти как можно скорее деньги для набора нового войска. Оба они понимали, что оставался только один источник, который мог быть задействован для этой цели – церковное имущество. И весной 1082 г. Исаак созвал в Храме Святой Софии Синод, где предложил патриарху и епископам добровольно сдать церковное имущество императору для войны. Это был своего рода «момент истины», и царская власть выиграла невидимое сражение с партией восточных «папистов» – синод дал необходимое разрешение на реквизицию церковных драгоценностей.

Только два человека резко выступили против – некто Метакса, открыто высмеивающий царя и его брата за неумение управлять государством, и Халкидонский митрополит Лев, публично, хотя и заочно, оскорбивший самодержца. Как выяснилось, причиной яростного гнева архиерея являлось его слабое образование – в противоречии с постановлениями VII Вселенского Собора митрополит учил, что священная утварь и предметы должны быть почитаемы не относительно, а служебно. Иными словами, что сами по себе иконы и материал, из которого они изготовлены, являются священными. Следовательно, император, изъывший их в казну, не кто иной, как святотатец! Конечно, никто не собирался терпеть подобные выходки. Архиерея тут же отправили в изгнание, хотя царь лично следил за тем, чтобы условия содержания ссыльного не были суровыми²⁴⁹.

Средства для найма новой армии были получены, и вскоре император имел успех в нескольких локальных военных столкновениях. Но до победы было еще очень далеко – в том же году, весной 1082 г., Боэмунд дал сражение Комнину под городом Янины и вновь одержал решительную победу. Василевсу вновь пришлось прятаться в Охриде, а затем вернуться в столицу, где к весне следующего, 1083 г. он набрал новую армию. К тому времени Боэмунд взял еще несколько городов, хотя потом потерпел поражение под Островом и так пока еще не смог взять штурмом Лариссу. Более того, в его лагере начались первые брожения, и три наиболее близких помощника норманнского вождя – Рауль де Понтуа, Ренальд и Вильгельм попытались перейти на сторону византийцев, соблазненные их золотом. Но перебежчиков схватили, заставили биться между собой на поединке, а затем ослепили²⁵⁰.

Весной 1083 г. Алексей нанес первое поражение Боэмунду, сумев обмануть его и захватить обоз – неприятное само по себе событие. Но худшее ждало норманна впереди – князь не заметил, как в войне наступил решительный перелом. Норманны, давно не получавшие подкреплений и денег, тоскующие по родине, откровенно приуныли и охотно откликались на призывы Византийского императора, предлагавшего дезертирам очень приличное вознаграждение. Чтобы обеспечить своих солдат продовольствием и деньгами, Боэмунд несколько неблагоразумно отплыл в Италию. Но тем временем норманнские военачальники, оставшиеся на Балканах, сдались византийцам (!). Попутно с этим венецианский флот отбил обратно Диррахий и остров Корфу²⁵¹.

В таких условиях Гвискар начал срочно собирать новую экспедицию, чтобы вернуть утраченные плоды своей ранней победы. На 120 кораблях, вместе с четырьмя сыновьями и новым войском, он попрежнему являл собой грозную силу. Вернувшийся в Иллирик Роберт Гвискар, которому исполнилось уже 68 лет, смыл со своего лица следы отчаяния. Он предпринял энергичные меры по возвращению острова Корфу и сумел нанести жестокое поражение венецианскому флоту, хотя две его первые атаки захлебнулись в крови. Надо сказать, это была ожесточенная битва. Потери норманнов в морском сражении были так велики, что Гвискар в отместку приказал казнить мучительной смертью 2 тысячи пленных венецианцев. Помимо этого, около

13 тысяч лучших венецианских моряков погибло в сражении. Венеция была не просто побеждена, она была унижена. Правда, хотя венецианцы и потерпели поражение, их флот попрежнему господствовал на море, что вскоре скажется на положении норманнов самым негативным образом. А те пока стали на зимние квартиры и приготовились продолжить наступление на Константинополь в следующем году.

Алексею Комнину вновь потребовались средства, и в 1084 г. Собор, созванный во Влахернском дворце, принял решение о дополнительной реквизиции церковного имущества. Укрепив за счет этих средств армию, император имел все основания считать кампанию будущего года успешной для себя. Однако военные действия даже не начались, поскольку зимой на Корфу открылась эпидемия тифа, погубившая множество норманнских солдат и самого Гвискара, который скончался 17 июля 1085 г.²⁵²

Как рассказывают современники, потери норманнов были огромными. За короткое время от болезней, голода и холода погибло не менее 10 тысяч воинов, не считая 500 рыцарей. Но и оставшиеся в живых северные воины не горели желанием продолжать войну. Напротив, часть из них немедленно после смерти герцога предложила свои услуги Комнину²⁵³.

Граф Рожер Борса, которого войско объявило наследником отца, не осмелился приказывать норманнам продолжить наступление. Они погрузились на суда, оставив на острове оружие и снаряжение, и срочно отплыли. Ввиду отсутствия сил, необходимых для обороны завоеванных земель, северные рыцари автоматически утратили Македонию, Эпир, Фессалию и город Диррахий. Византия была спасена! Как рассказывают, злключения Гвискара на этом не закончились. Уже в дороге судно, на котором находился гроб с телом грозного герцога, попало в шторм и лишь титаническими усилиями матросов удалось спасти его для погребения в Апулии.

После дней войны наступили короткие дни мира, которые нужно было использовать максимально полно. Памятуя о грядущих битвах, которые неизбежно должны были начаться, и демонстрируя верность своему слову, император щедро наградил Венецию. Еще хрисовулом от мая 1082 г. он предоставил венецианским купцам серьезные торговые привилегии, освободил от любых торговых пошлин, разрешил иметь собственные якорные стоянки и склады в бухте Золотой Рог, а также обязался ежегодно субсидировать из бюджета Империи венецианские храмы в Константинополе. Теперь василевс повторил эти привилегии. Конечно, такие преференции больно ударили по византийской торговле, и, получив громадные территории для торговли, венецианцы открыли для себя ворота на Восток. С этого момента и следует отсчитывать эру мировой венецианской торговли²⁵⁴.

Но в тот момент у Комнина просто не было выбора, и за союзническую верность пришлось платить сполна. Позднее, в 1111 г., чтобы ослабить монополию венецианцев и нейтрализовать мощного союзника своих врагов норманнов, император предоставил аналогичные привилегии пизанцам. Но, безусловно, и эта вынужденная мера негативно сказалась на имперской торговле²⁵⁵. Так приходилось исправлять ошибки предыдущих царей...

Глава 2. Надежды почти не осталось. Страшный 1091 г.

Однако оставался другой, не менее сильный и безжалостный враг – турки. Преемник Кетельмуша Румский (Иконийский) султан Сулейман ибн Кетельмуш (1081—1086) в конце 1084 г. – начале 1085 г. лишил Византию Антиохии, вследствие чего многие мелкие сирийские князья безоговорочно признали над собой его власть.

Следует сказать, что в это время в мусульманском мире происходила очередная смена диспозиции. Страдающий от набегов туркмен наместник Иерусалима решил отложиться от Фатимидов и признал над собой власть Меликшаха (1072—1092), Великого Сельджука, резидентующего в своей столице в Исфахане. Желая закрепить успех, султан направил своего

брата Тутуша ибнМуххамада (1074—1095) в Сирию, дабы навести там порядок и подчинить ее себе. Но Тутуш отклонился в сторону и захватил Дамаск. Таким образом, к 1085 г. в близком соседстве от Византии располагались три центра мусульманской власти: Тутуш в Дамаске, Сулейман ибнКетельмуш в Антиохии и Никее и Муслим (1061—1085) из династии Укейлидов, располагавшийся в Мосуле; он контролировал Ирак и север Сирии. Каждый из этих правителей стремился к монополии, хотя и признавал свою вассальную зависимость от Меликшаха.

Но так продолжалось недолго. Тутуш явно не был удовлетворен одним Дамаском, а потому вскоре заявил права на Антиохию, что означало начало войны между ним и правителем Иконийского султаната. Увы, она была неудачной для Сулеймана ибнКетельмуша, который не только потерпел поражение от Тутуша, но и сам погиб в сражении. Меликшах, до сих пор равнодушно взиравший на междоусобицу, моментально собрался с войском и отправился в Месопотамию, попутно подчиняя себе тех князьков Сирии, кто все еще находился под властью Фатимидов. Он признал права брата на Дамаск, после чего Тутуш стал главой Сирийского султаната, но накрепко подчинил Мосул себе²⁵⁶.

Однако надежда Тутуша на то, что теперь ему удастся подчинить себе Вифинию и Антиохию, оказалась иллюзорной. Впервые, Меликшах совершенно не собирался отдавать эту жемчужину Востока, направив туда своего наместника Каратегина, дабы тот привел город к власти Великого Сельджука. А, во вторых, полководец покойного Сулеймана ибнКетельмуша по имени АбульКасим бросил в тюрьму сына покойного султана Кылыч Арслана, опередил Каратегина и подчинил Антиохию себе. Вслед за тем Румский султанат фактически разделился: АбульКасим отдал своему брату Пулхасу Иконию и восточную часть султаната, а Антиохию оставил себе. Впрочем, вскоре Кылыч Арслан сбежал из плена и вернул себе власть в Румском (Иконийском) султанате, став его главой с 1092 по 1107 г.

Прибывший Каратегин быстро сообразил, что ни он, ни его повелитель не в состоянии справиться с этой турецкой вольницей, постоянно подпитываемой с Востока все новыми и новыми отрядами соотечественников. А потому... создал собственный эмират, формально признав над собой власть Меликпаши, но тут же заключив союзнические договоры с мелкими эмирами Малой Азии, находящимися в состоянии войны с главой сельджуков. Помимо этого, Каратегин внезапно захватил Синоп, где находилась финансовая казна Римской империи, отправленная на всякий случай Алексеем I еще при подготовке похода против норманнов. Деньги, конечно, пропали, но дипломатическим путем Комнину удалось вернуть Синоп Византии, и вскоре туда был направлен губернатором родственник Алексея I Константин Далассин.

Кроме того, в Малой Азии и в Трапезунде на осколках малоазиатских владений возникли новые христианские государства, не подчиненные Константинополю. В Трапезунде правил дук Феодор Гавра, до недавнего времени один из первых сановников Византии, удостоенный титула севаста. Но затем сепаратистские настроения овладели им, и Гавр создал собственное государство, отвоевав у турок земли от Трапезунда до Неокесарии. Небезынтересно добавить, что в 1098 г. в одной из битв с турками Гавр был взят в плен и стяжал мученический венец за отказ принять Ислам²⁵⁷.

В Эдессу вернулись армяне, полководец которых, Феодор Торос, теперь правил городом в качестве вассала Меликшаха. Мелитену захватил армянский полководец Гавриил, в границах фемы Евфрат возникло еще одно княжество, где правил армянин Гох Васил. А потомок Армянских царей Рубен I (1080—1095) захватил крепость в Киликии и провозгласил свою независимость ото всех²⁵⁸.

В целом же к 1092 г., когда Меликшах скончался, исламский мир оказался разделенным на несколько сфер влияния. Основная власть попрежнему сохранялась в руках потомков АлпАрслана, хотя постоянные споры о престолонаследии серьезно ослабили их. В Мосуле, Азербайджане и Луристане правили атабеги («правители»), начавшие свою деятельность как наместники Великого Сельджука, но быстро создавшие собственные эмираты. Персидский

Ирак со столицей в Хорезме также лишь номинально подчинился султану; позднее здесь возникла еще одна династия, принявшая имя Хорезмшахов. Отдельно от них располагались области, занятые потомками брата АлпАрслана Кавурда, уже изначально в силу своего родства с Великим Сельджуком имевший большую, чем иные правители, самостоятельность. Как уже писалось выше, потомки Кетельмуша образовали Иконийский султанат, в Сирии правил Тутуш²⁵⁹.

Центральная власть была слаба, а малолетство детей покойного Меликшаха не позволяло надеяться на ближайшие перспективы. Сразу же после того как Меликшах был похоронен, его наследником назвали 5-летнего Махмуда (1092—1094), мать которого, многомудрая ТурканХатун, сделала все для того, чтобы остальные эмиры и султаны принесли присягу новому Великому Сельджуку, находившемуся в столице Султаната Исфохане. Но участь второго сына Меликшаха, рожденного от наложницы, Баркиярука (1094—1105), которому исполнилось 14 лет, была печальнее. Его похитил и поместил под домашний арест Мосульский атабек Кербога (1096—1102), вместе с ТурканХатун опасавшийся, что не Махмуда, а этого царевича также могут признать преемником покойного султана.

И действительно, вскоре мальчик при помощи противников ТурканХатун бежал в Рей (нынешний Тегеран), где был провозглашен Великим Сельджуком. В 1093 г. его армия разбила войско ТурканХатун, которая спустя год умерла. Вслед за ней умер и малолетний Махмуд, заболевший оспой. В Багдаде, куда прибыл Баркиярук, ничтожный по своей власти халиф, к смеху присутствующих эмиров, провозгласил того повелителем сельджуков. Эмиры, не стесняясь, издевались над малолетством и беспомощностью своего владыки, а тот обреченно вздыхал, не смея спросить со своих подданных²⁶⁰.

Слабостью племянника решил воспользоваться Тутуш, втайне мечтавший о султанском титуле. Собрав силы, он отправился в поход на Хорасан, но его попытка оказалась неудачной, поскольку эмир Алеппо АкСонкор решил оказать поддержку Баркияруку – разумеется, не из высоких побуждений: его мало увлекала перспектива распространения власти Тутуша на всю Сирию. Тот вернулся в свои владения, усилил армию и в 1094 г. разгромил объединенные силы Алеппо, АльРухи и Мосула, предал смерти плененного его войсками АкСонкора и вновь направился в Хорасан; на этот раз удачно. В течение нескольких месяцев Тутуш назывался султаном, пока армия Баркиярука не разбила его войско 26 февраля 1095 г. возле города Рей. Сам Тутуш погиб от меча одного из воинов покойного АкСонкора, а его армия рассыпалась²⁶¹.

Однако помимо атабегов, местных арабских князей, султана и эмиров вскоре возникла еще одна мощная сила, заставившая трепетать Сирию – огузы – туркменское племя, представители которого жили исключительно за счет грабежа и разведения лошадей. Из числа их вождей наиболее знаменитыми считались ИльГази и Сукман, сыновья туркменского офицера Ортука, назначенного Тутушем комендантом Иерусалима.

Нельзя, однако, сказать, что такое положение дел оценивалось как благоприятное для Византии. Да, раздоры в стане врага всегда были полезны для Империи. Но, с другой стороны, смесь различных правителей, обладавших сильными армиями, постоянно пополняемыми туркменами и сельджуками изза Каспия, обладавших безграничным тщеславием и жадной наживой, не позволяли определить единый центр политической власти, с которым Комнин мог договориться о мире. Открытой войны с сельджуками вроде бы и не было, но боевые действия велись постоянно.

Впрочем, пока василевс довольно успешно отражал разрозненные атаки сельджуков. Узнав, что Никейский эмир строит большой флот, он направил против него свои боевые корабли и сухопутную армию, командование которой поручил полководцу Татикию, этническому турку, воспитанному в Византии. В результате дерзкой операции византийцы сумели сжечь турецкие суда еще на рейде, а в сухопутном сражении Татикий нанес мусульманам тяжелое поражение. После этого АбульКасим срочно запросил мира²⁶².

Но кроме турок и норманнов, в 1084 г. активизировались печенеги, очень серьезно угрожавшие Балканам. Ситуация осложнялась тем, что в это же время в этом же регионе восстали старые недруги Церкви и императорской власти «павликиане» и «богомилы». Некогда, переселяя павликиан из Сирии на Балканы, Византийское правительство надеялось, что сектанты одумаются и вернутся в лоно Церкви, но этого не произошло. Более того, павликиане чрезвычайно распространились в Болгарии, где приняли наименование «богомилы» – по имени своего вождя попа Богомила. Из Болгарии эта ересь перекинулась в Сербию, а оттуда в Западную Европу, где ее последователи стали известны под именами «катаров», «альбигойцев», «побликан» и «патаренов»²⁶³.

Для полноты картины напомним, что «богомилство» как ересь имело своим источником манихейство, павликианство и мессалианство; а их основное учение излагалось в «Ивановом Евангелии, или Тайной книге». Согласно богомилским «догматам», довольно схематично и наивно излагавшим древнюю историю, мир дуалистичен, т.е. пребывает в постоянной борьбе добра и зла. Они полагали, что тело человека создано дьяволом, а душа – Богом. Святой Дух действует на души людей таким образом, что те никогда не умирают, но переселяются в Царствие Небесное. Однако не все, а лишь избранные. Естественно, к числу этих «избранных» богомилы относили исключительно себя. Они не признавали Церковь, молитв (кроме «Отче наш»), церковный брак и святых, не почитали Креста Христова и святых икон. Моисея богомилы считали слугой дьявола и вообще отрицали Ветхий Завет. В контексте социальнополитической жизни богомилы отвергали любую власть (включая Римского императора) и богатство и считали своим идеалом общество, где все члены имеют равные имущественные права²⁶⁴.

Когда норманны во главе с Гвискарсом прибыли в Иллирик, военачальники Ксанта и Кулеон, тайные богомилы, изменили императору и перешли на службу к Гвискарсу. Естественно, Византийское правительство ответило репрессивными мерами против богомилов, чем, однако, вызвало еще большую реакцию с их стороны. Павликиан возглавил византийский сановник Травл, занимавший видную должность в Константинополе, а затем перебежавший к своим единомышленникам и организовавший настоящую партизанскую войну.

Теперь павликиане договорились с печенегами и, объединив силы, нанесли византийскому войску под командованием доместика Пакуриана и его помощника Врана тяжелейшее поражение. Навстречу им император направил верного Татикия и, надо сказать, тот успешно справился с поставленной задачей. После серии рядовых поражений печенеги были вынуждены вернуться осенью 1086 г. в родные становища²⁶⁵.

Но весной 1087 г., объединившись с половцами и венграми, они вновь напали на Македонию, спустившись через горные проходы к Мраморному морю и разоряя все, что попадалось им по пути. Любопытно, что среди военачальников объединенной орды значился бывший король Венгрии Шоломон, отторгнутый всеми родными и проклятый матерью Анастасией Ярославной. Потеряв шансы вернуть себе корону, он вместе с отрядом венгерских рыцарей стал «джентльменом удачи», надеясь при помощи варваров попытать счастья в Византии. Вскоре 80тысячная орда прокатилась по мирным селеньям и захватила город Хариополь – противостоящие им византийские военачальники могли похвастаться лишь... умелым отступлением²⁶⁶.

По счастью, полководцу Маврокатакалону, которого император Алексей I срочно направил против печенегов, удалось дать им отпор: в завязавшейся в марте 1087 г. битве под Хариополем степняки были разбиты, а их вожди хан Челгу и отступник Шоломон погибли. Варварам пришлось возвратиться обратно. Поняв, что, если не предпринять предупредительных мер, каждую весну ему предстоит тревожно смотреть на Северозапад, Комнин летом 1088 г. собрал значительное войско и выдвинулся к подножиям Балканских гор, став лагерем у Адрианополя. Как всегда, византийцы рассчитывали на то, что им удастся внести сумятицу и раздор в стане врага, перекупив некоторых из них. Но, на удивление, ни один печенег не покусился на византийское золото, ни один перебежчик не явился в лагерь Алексея Комнина.

Царь разделил свою армию на две части, одну оставил при себе, а во главе второй группировки поставил полководца Георгия Евфорвина. Его он и направил вниз по Истру с целью окружить врага. Узнав, какая грозная сила движется на них, печенеги отступили и бросили клич по становам своих соотечественников, призывая тех прийти к ним на помощь. Желая выиграть время, они пошли на хитрость и направили к императору Алексею I посольство из 150 человек с предложением мира и даже союзничества.

Какова на самом деле цель посольства, царь догадался без особого труда. Но дипломатия – тонкая наука, и просто отказать печенегам в их инициативах было нельзя. Кроме того, всегда оставалась надежда на мирный исход кампании – византийская дипломатия нередко творила чудеса. И император пошел на встречную хитрость: зная, когда должно наступить солнечное затмение, Алексей предложил печенегам отдать их дело на «суд Бога». Если, сказал он, в небе случится какое-то знамение, то это будет очевидным знаком того, что василевс обоснованно отвергает условия печенегов. Те, ни о чем не подозревая, легко согласились. Конечно, все произошло по законам физики – 1 августа 1087 г. случилось солнечное затмение. Степняки были поражены, но почему-то мирные инициативы все же отозвали²⁶⁷.

После этого Комнин продолжил наступление и остановился у древней Преславы, на реке Тыге. Здесь его армии пришлось отбиваться от конных разъездов печенегов, но в целом, продолжив путь, она довольно успешно дошла до Дуная, став лагерем у крепости Силистрия. Два месяца византийцы осаждали этот город, но безрезультатно. Ввиду приближающейся зимы, опасаясь, что печенеги обойдут его с флангов и пройдут на Балканы, Комнин дал армии приказ отступить.

Увы, это было ошибочное решение, предопределившее последующее поражение. Случилось худшее, о чем опытные офицеры предупреждали василевса – печенеги внезапно напали, и византийцам, не успевшим встать в боевые порядки, пришлось наспех принимать сражение. Тем не менее баталия длилась почти целый день, и ее результат вовсе не был предопределен. Но в решающий момент печенеги получили помощь своих соотечественников, которые в количестве 38 тысяч всадников подоспели к месту схватки. Это, конечно, решило исход битвы. Сам император проявлял чудеса храбрости, был в очередной раз ранен, едва не попав в плен, но это ничего не могло изменить. Потери византийцев были очень велики, погибло много знатных аристократов, например, сын императора Романа IV Лев Диоген (1069—1087), верный друг и соратник Комнина. Брат царя Адриан Комнин (1060—1105) был тяжело ранен и едва спасся. Кроме того, в плен попал кесарь Никифор Мелиссин и множество знатных сановников.

Император с остатками войска поспешил в Константинополь, чтобы собрать деньги для выкупа пленных, а печенегам еще предстояло пройти через сражение с половцами, вскоре подошедшими к месту боя и потребовавшими свою часть добычи. Разумеется, они получили отказ – степняки ценили богатство выше своей жизни. Но свежие и многочисленные половцы разбили печенегов, захватили добычу и вернулись в степь с твердым желанием в следующем году вновь вернуться на Балканы²⁶⁸.

Византийские дипломаты тут же воспользовались враждой между двумя своими противниками, начав осторожно сталкивать их друг с другом. Император заключил мирный договор с печенегами и, одновременно с этим, втайне от новых «друзей» направил посольство к половцам, которым предложил богатые дары в обмен за отказ от византийских владений, на которые те претендовали²⁶⁹.

Теперь у царя появлялись различные варианты: если агрессию проявят половцы, он мог апеллировать к печенегам. Если войну начнут печенеги, можно было призывать на помощь половцев, ссылаясь на заключенный договор. Единственно, чего следовало опасаться – объединения половцев с печенегами, после чего никто уже не смог бы помочь Византийской империи.

Выпавшую ему передышку император использовал чрезвычайно продуктивно. Он выкупил своих солдат из печенежского плена и сформировал из них новые военные полки. Помимо

этого, царь призвал на военную службу сыновей знатных аристократов, павших на полях сражений, и начал деятельно обучать их. Эта национальная гвардия, «архонтопулы» («сыновья архонтов»), насчитывавшая 2 тысячи человек, стала грозной силой, своего рода «священным отрядом» древних спартанцев. И оказался прав, поскольку для печенегов мирный договор был и оставался простой формальностью, цена которой зависела от их настроений. Вскоре степняки вновь начали свои набеги, без особого труда захватили Филиппополь и угрожали продвинуться дальше.

Император оказался в чрезвычайно тяжелом положении: его армия была значительно меньше по численности печенежской орды, и никакое открытое сражение с ней казалось невозможным. Но, как всегда, неунывающий и быстрый умом Алексей I организовал серию колких нападений на отдельные отряды степняков. Вскоре, не расположенные к затяжной войне, опасаясь подхода большого византийского войска – царь умел распускать грозные слухи – печенеги предложили заключить новый мирный договор. Но и он существовал недолго. Уже зимой 1089—1090 гг. печенеги вновь вошли в область Адрианополя и начали грабить окружающие территории.

В это тяжелое время произошел один примечательный эпизод, вполне раскрывающий характер и образ мыслей нашего героя. Понимая, что без помощи латинян ему едва ли возможно будет решить турецкую и печенежскую угрозы, Алексей I тем не менее занял активную позицию по некоторым богословским вопросам, надеясь, с одной стороны, не вступать в противоречие с традициями Восточной церкви, с другой – навести мостик для мирных переговоров с Западом.

После долгого обсуждения с епископами царь запретил христианам латинского обряда, проживавшим на территории Римской империи, богослужение на опресноках. Но тут же активно вступил в переписку с Римским папой. Урбан II, этнический француз, вовсе не считал раскол Церкви свершившимся фактом и мудро признавал, сколь много ошибок в отношениях с Константинополем было сделано его предшественниками. Отменив отлучение, наложенное на императора, он отправил к византийцам своего кардинала Рожера и аббата грекоитальянского монастыря Николая. В духе икономии и примирения апостолик просил у императора разрешить в Константинополе служить по «латинскому» обряду для западных христиан – всего лишь. Алексей Комнин тут же созвал синод, который уведомил Рим, будто прежнее исключение имен апостоликов из восточных диптихов есть недоразумение и что вообще по канонам такое исключение может иметь место лишь по приговору Собора²⁷⁰.

Затем по поручению царя Константинопольский патриарх Николай III (1084—1111) написал папе ответ, в котором великодушно разрешал латинским церквям не только вновь открыться в византийской столице, но и служить по своему обряду. Он обещал вписать имя понтифика в диптихи своей Церкви, если тот соблюдет старое формальное правило и пришлет в Константинополь собственное исповедание веры, как это повелось с древних времен.

К сожалению, протянутые друг другу руки так и не сомкнулись: скоро новые проблемы овладели и императором, и папой. Урбан II так и не прислал просимого патриархом исповедания веры – впрочем, не лишено основания предположение, что понтифик просто не желал вновь поднимать старый спор о Filioque, неизбежный, как только ему пришлось бы собственноручно писать Символ Веры.

Тем не менее Комнин был решительно настроен разрешить предыдущие недоразумения и соединить обе Церкви. Под его давлением в 1090 г. инициативу проявили уже византийцы. Диакон Константинопольской церкви Николай по тайной просьбе царя обратился с письмом на имя Болгарского архиепископа Феофилакта, выдающегося богослова своего времени и весьма авторитетного лица. Николай просил того описать заблуждения латинян, если таковые, конечно, имели место.

Просьба не осталась неуслышанной: в скором времени архиепископ ответил, что подавляющее большинство богослужбных отклонений латинян носит несущественный характер. Даже об употреблении опресноков Феофилакт отвечал, что хотя квасной хлеб более уместен с символической точки зрения, но здесь дело традиции, а не канонов. Практика поститься по субботам также не может быть признана порочной, хотя, конечно, следы ее в святоотеческой литературе нигде не видны. Более того, отмечал архиепископ, с горечью приходится признать, что византийцы сами начали проявлять несвойственные христианам узколюбость и непримиримость к выдуманным ими же нарушениям латинян, не замечая, что сами зачастую ошибаются. Очевидно, для Феофилакта никакой схизмы не существовало вовсе, дело заключалось лишь во взаимных ошибках и недоразумениях. Он настоятельно рекомендовал латинянам и грекам примириться²⁷¹.

«Мы думаем, – не без иронии констатировал Феофилакт, – что для приобретения в глазах толпы славы первостепенных мудрецов в делах божественных необходимо как можно большее число людей записать в еретики; что только тогда мы докажем, что имеем глаза, когда ясный свет представим глубокой тьмой. Быть может, ктонибудь из верных и более горячих ревнителей Православия восстанет и обличит меня в невежестве, в непонимании вещей божественных, пожалуй, в холодности или даже в предательской измене своей Церкви. Конечно, сам он насчитал бы латинских заблуждений много больше того, что я привел. Но я даже из числа перечисленных заблуждений одни считаю не заслуживающими внимания, другие – заслуживающими умеренного исправления, т.е. такого, что если кто его совершит, то окажет некоторую услугу Церкви, а если нет, то тоже не будет большого вреда»²⁷².

Только *Filioque* не может быть принято Восточной церковью, заявил богослов. Правда, и по этому вопросу Феофилакт снисходительно заметил, что латиняне могут использовать свои редакции текста в беседах и церковных поучениях, но не вправе менять Символ Веры, доставшийся Кафолической Церкви от Святых Отцов. Таким образом, как выяснилось, практически не оставалось вопросов, способных разъединить обе стороны христианского мира. Сам собой вставал вопрос о новом Вселенском Соборе, созвать который, к сожалению, не удалось. Самому папе Урбану II в ту пору серьезно угрожал конкурент – «антипапа» Климент III, а Алексей I Комнин только успевал отражать турецкие и печенежские угрозы²⁷³.

Между тем военные действия шли с переменным успехом, хотя, безусловно, военная инициатива принадлежала печенегам – римлянам оставалось только обороняться. Однажды весной 1090 г. отряд архонтопулов попытался дать печенегам сражение при Хариополе (видимо, в надежде на то, что это поле битвы опять принесет удачу византийцам), но потерпел поражение, потеряв до 300 человек убитыми. В ответ Татикий, которому василевс передал свою личную гвардию, нанес печенегам «удар мести» – степняки оставили на поле боя несколько сотен своих павших товарищей. Но, как и ранее, Алексею Комнину не удавалось консолидировать все свои силы на одном направлении – турки попрежнему угрожали границам Византии, не переставая свои грабительские набеги. Это обстоятельство серьезно стесняло его в выборе стратегии.

Стремительно перемещаясь с западного фронта на восточный, Римский царь тщетно пытался выбрать самый оптимальный вариант расстановки своих сил – армия была настолько мала, что ее просто физически не хватало для того, чтобы закрыть все опасные направления. В этот момент настоящим подарком стало прибытие 500 рыцарей, присланных другом Комнина графом Робертом Фландрским (1071—1093). Год назад тот возвращался из паломничества в Иерусалим, остановился в Константинополе, был принят василевсом и, лицезрев упадок Византийской империи, обещал скорую помощь. Рыцари пришлось очень кстати, поскольку в это время пришло сообщение о том, что Иконийский султан АбульКасим собирается захватить Никомидию. Поэтому их тотчас отправили на Восток²⁷⁴.

Сам император защищал от печенегов дорогу от Адрианополя до Константинополя. Около города Русия, в долине Марицы, начались очередные боевые действия. Обстановка там была очень тревожной: печенеги заметно превосходили византийцев числом, да и, конные, они имели более широкие возможности для маневров, чем их противники. Нет ничего удивительного в том, что в один из дней возле Чорлу печенеги окружили римскую армию. Однако василевсу какимто чудом удалось опрокинуть их, и поле боя осталось за его армией. Весь 1090 г. он оставался там, отбивая атаки степняков на столицу.

В это же время внезапно возникла угроза комбинированного наступления турок Румского султаната и печенегов, решивших напасть на византийскую столицу с Востока и Запада одновременно. Автором идеи и ее главным исполнителем стал полутурокполугрузин Чаха (или Чауш), в юности проживавший в Константинополе, получивший хорошее образование и знание византийской жизни. Ранее он был офицером императорской армии, но при Никифоре III Вотаниате перебежал к туркам. Чаха втайне мечтал о венце Византийского императора и, поскольку печенеги являлись его соплеменниками по крови, сумел быстро договориться с ними о начале взаимных действий, целью которых являлось овладение Константинополем и всей Римской державой.

Тонкими дипломатическими ходами он усыпил бдительность Алексея I Комнина, а тем временем построил и снарядил громадный флот, организовав стоянку в Смирне. Вскоре турки совершенно вытеснили с моря корабли Кивириотской фемы и овладели островами Лесбос, Хиос, Митиленой, а также городами Клазоменами и Фокеей. Затем Чаха во главе своего флота нанес поражение византийскому флотоводцу Никите Кастамониту и завладел его кораблями.

Осенью 1090 г. император Алексей I Комнин снарядил новый флот, придав ему наемников из числа западных христианских народов. Флотоводцем был назначен родственник царя по материнской линии Константин Далассин – человек весьма воинственный и храбрый. Высадившись у города Хиоса, Далассин попытался до прихода турок овладеть им, но это ему не удалось. Чаха с большой армией уже подходил к осажденному городу и первые столкновения не дали перевеса ни одной из сторон. Все же, опасаясь, что на помощь Далассину должен подойти с армией Иоанн Дука, брат императрицы Ирины, Чаха инициировал мирные переговоры. Встретившись, оба полководца констатировали, что сил для генерального сражения нет ни у одной стороны, и разошлись. Чаха отплыл в Смирну, дабы набрать дополнительные отряды, а Далассин сумелтаки взять Хиос штурмом²⁷⁵.

Зиму 1090—1091 г. император решил провести в столице, оставив войско опытному полководцу Николаю Маврокатакалону. Однако печенеги направили сильный отряд в Хироваки, едва не погубив Римского царя с горсткой воинов, когда тот направлялся в Константинополь. Но тут Алексей I Комнин показал, что он не случайно слыл талантливым полководцем еще в юношеские годы. Умелым маневром он заставил печенегов разделить свои силы, а затем по очереди разгромил каждый из их отрядов. Царь с триумфом явился в столицу, но, к сожалению, этой локальной победой далеко не устранив опасности ее захвата варварами. Уже через 2 недели, весной 1091 г., печенеги стояли в предместьях Константинополя. Пожалуй, это был самый опасный момент в истории Византии – ее существование висело на волоске²⁷⁶.

Положение было столь плачевным, что царь написал открытое обращение ко всем государям европейских христианских держав, передав его через своего друга графа Роберта Фландрского. Живописав в послании все беды и ужасы, свалившиеся на Византию, Алексей I констатировал: «Я сам, облеченный саном императора, не вижу никакого исхода, не нахожу никакого спасения. Итак, именем Бога умоляем вас, воины Христа, спешите на помощь мне и греческим христианам. Мы отдаемся в ваши руки, мы предпочитаем быть под властью латинян, чем под игом язычников. Пусть Константинополь лучше достанется вам, чем туркам и печенегам. Итак, действуйте, пока есть время, дабы христианское царство и – что еще важнее – Гроб Господень не были для вас потеряны. Дабы вы могли получить не осуждение, но вечную награду

на Небеси»²⁷⁷. Едва ли эта редакция письма является подлинным посланием царя – об этом мы будем говорить ниже, но, безусловно, верно передает отчаяние византийцев и их василевса.

В этот момент Комнин вновь проявил все свои лучшие качества. Он организовал военный лагерь возле города Энос, имевшего удобный морской порт и хорошее сообщение с другими территориями, и направил сюда последние остатки флота и новые отряды воинов, укомплектованные из новобранцев периферийных фем. Сам царь 16 февраля 1091 г. во главе отряда из 500 всадников отправился к Хировакхаму, куда уже устремились турки и печенеги. И он успел в город ранее неприятеля, который расположился на соседнем холме, что в значительной степени предрешило следующий успех, которого не пришлось ждать долго.

Печенеги несколько легкомысленно разделили свои силы, и, несмотря на очевидное численное превосходство врагов, Комнин решил бить их поодиночке. Рано утром его армия зашла в тыл одному из печенежских отрядов и напала на них, одержав быструю победу. Затем император приказал своим воинам переодеться во вражеское платье и поднять захваченные флаги. Когда воины второго отряда появились на горизонте, они приняли переодетых византийцев за своих товарищей и мирно двинулись к ним навстречу. Но тут ромеи напали на них и нанесли печенегам тяжелый урон, захватив также много пленных.

19 февраля 1091 г. император с войском вышел из города, чтобы дать печенегам новое сражение. В это время к нему подошли подкрепления под командованием Георгия Палеолога и других византийских аристократов. Однако, опасаясь нового поражения, печенеги уклонились от сражения, и в Константинополе началось ликование по поводу удивительного спасения города и самой Римской империи²⁷⁸.

Но, конечно, до спокойствия было еще далеко. Вскоре выяснилось, что к Эносу направилась еще одна печенежская орда. В ответ император приказал кесарю Никифору Мелиссине пополнить свою армию добровольцами и наемниками из славян и двинуться на защиту города. В направлении Эноса выдвинулась и половецкая орда под главенством ханов Боняка (1070—1167) и Тугоркана (1028—1096). Настроения среди степняков были таковы, что они с легкостью могли объединиться и с печенегами, и с такой же легкостью напасть на них – все зависело от конкретной ситуации. По всему выходило, что в сражении у Эноса должна была решиться судьба Византийской империи: Комнин уже знал о параллельных переговорах половцев с печенегами. Без всякого промедления император отправил послов к половецким ханам с предложением посетить его лагерь. Они прибыли и, растаявшие от уважения, проявленного к их персонам и богатых даров, объявили, что завтра дадут печенегам сражение. Единственное, что их волновало – доли при разделе будущей добычи.

Вечером накануне сражения весь византийский лагерь погрузился в глубокую и трепетную молитву Богу. «Алексей не возлагал надежд ни на воинов, ни на коней, ни на свои военные хитрости, но всецело полагался на Высший Суд. Солнце опускалось за горизонт, а воздух, казалось, озаряли не только лучи солнца, но и яркий свет других многочисленных звезд. Каждый воин укрепил на своем копье и зажег как можно большее число светильников и свечей. Голоса воинов достигали небесных сфер и даже, можно с уверенностью полагать, возносились к самому Господу Богу».

Примечательно, что в день битвы, 29 апреля 1091 г., от печенежской орды отделился 5тысячный отряд русских воинов под командованием Теробовольского князя Василька Ростиславовича (1085—1124) и перешел на сторону Византийского царя. Повидимому, это и решило исход сражения: в ходе упорнейшей битвы, где сам император бился в первых рядах, победа досталась византийцам, русским и половцам. Следствием этой победы было полное физическое уничтожение всей печенежской орды. Пленных оказалось так много, что на одного римского воина приходилось по 30 пленных печенегов.

Но и те не избежали быстрой смерти. Опасаясь, что ночью, когда усталые византийцы заснут, печенеги сумеют освободиться, военачальник Синесий приказал их всех умертвить

(!). Утром император узнал об этом событии и едва не приказал казнить своевольца – только горячее заступничество остальных полководцев спасло Синесия. Но сама эта акция настолько поразила даже выдавших виды варваров, что испуганные половцы снялись с лагеря, полного трупов, и поспешили в родные степи, опасаясь, как бы византийцы не перебили и их. Комнину пришлось даже высылать за ними погоню, чтобы передать ханам дары и половину добычи – как он обещал им накануне сражения²⁷⁹. И справедливо – наряду с самим Комнином и русской дружиной половецкие ханы Боняк и Тугоркан должны быть названы спасителями Византии.

В начале мая 1091 г. император триумфально вошел в Константинополь, половцы вернулись в степи, а остатки печенежской орды перешли в подданство Римского царя и поселились в Могленской области. Теперь настал черед Чаха. Конечно же, упустив момент для консолидации с печенегами, он был обречен. Для нового похода василевс собрал все наличные силы и даже ухитрился поссорить Чаха с его тестем, Румским султаном, от руки которого несостоявшийся «турецкий император» вскоре и погиб²⁸⁰. Так, эффективно используя самые незначительные возможности, проявляя одновременно чудеса дипломатии и храбрости, Алексей Комнин без помощи Запада (или почти без нее, если считать рыцарей Фландрии) разгромил самых грозных противников.

Но едва покончили с внешними врагами, как проснулись внутренние. Уже через несколько дней после триумфального возвращения Алексея I Комнина в Константинополь открылся заговор с целью убийства царя, составленный армянином Ариевом и кельтом Умбертопулом – знатными военачальниками. Заговорщиков, к числу которых принадлежали и многие другие видные сановники, судили, отправили в ссылку, их имущество конфисковали, но никого не предали казни.

Затем – новая беда: летом 1091 г. от архиепископа Болгарии император узнал, что сын его брата Исаака Иоанн Комнин, назначенный дукой Диррахия, задумал присвоить себе царскую власть: видимо, юноша был честолюбив, но не очень умен и совсем не благодарен. Взволнованный царь подготовил два письма – одно племяннику, в котором просил того прибыть в столицу с докладом о состоянии дел, второе – властям и жителям Диррахия, в котором василевс пояснил, будто в военных целях пригласил Иоанна к себе, а им поставляет нового правителя. Иоанн прибыл в Константинополь и был доставлен в палатку царя, куда поспешил и Исаак Комнин, узнавший об обвинениях, предъявляемых его сыну. Ему удалось уговорить царственного брата не назначать судебного расследования, и император из милости вернул Иоанна Комнина обратно в Диррахий²⁸¹.

Глава 3. Византия возрождается. «Тринадцатый апостол»

В военных трудах, волнениях, победах и заговорах прошел роковой 1091 г. Не смущаясь тем, что его меры могут быть признаны непопулярными, Алексей I Комнин деятельно восстанавливал централизацию в Византийском государстве – практически повторял то же, что и представители славной Македонской династии в сходных ситуациях, хотя и действовал более умеренными способами. Его шаги без особого энтузиазма были встречены в аристократических кругах, где, как мы видим, созрела целая вереница заговоров против царя, не прекращавшихся вплоть до смерти Комнина. Народ хотя и был утомлен налогами, но оценил стабильность и надежность власти. Заботы царя о восстановлении правосудия и его горячая деятельность по укреплению Византии не остались незамеченными, и Комнин стал самой популярной в обществе фигурой²⁸².

Действительно, в короткое время, ценой невиданных усилий, император создал новую армию, восстановил флот и заставил понастоящему работать систему государственного фиска. Помимо национальных солдатских кадров, поставляемых фемами и семьями, служившими за земельный надел, в византийской армии уже служило множество наемников из числа самых

разных народов: русские, англичане, турки, аланы, франки, немцы, болгары. Кроме этого, существовала придворная гвардия «бессмертных», формируемая из варягов, и, как указывалось выше, корпус архонтопулов – сыновей павших знатных воинов. Особой заслугой Комнина следует считать возрождение кавалерии, которая к началу его царствования практически отсутствовала как род войск.

Император придавал огромное значение флоту, а потому в короткие сроки, несмотря на скудность финансов, сумел построить множество кораблей. Тем самым он ослабил зависимость Константинополя от Венеции, и кроме того обеспечил свободное торговое мореплавание близ своих границ. Новый византийский флот блистательно показал себя в войне с печенегами и в последующем Крестовом походе. Разумеется, эти мероприятия обошлись очень недешево, а потому император был вынужден кардинально решить, в первую очередь, вопрос налогообложения и упразднения иммунитетов на земельные наделы аристократии, а, во-вторых, монастырских земель. Чтобы пополнить государственную казну, Алексей I с неумолимой суровостью конфисковал имущество провинившихся лиц вне зависимости от того, принадлежали они к числу священноначалия или светских особ. На пример своего дяди императора Исаака Комнина и св. Никифора Фоки он отбирал в казну пустующие монастырские земли, а также категорически запретил дарения обителям.

Справедливости ради следует сказать, что монашество XI в. вовсе не являло собой пример христианских добродетелей. Так, на Святой горе Афон поселились влахи, которым обители поручили поставку в монастыри продуктов скотоводства. Те не нашли ничего лучшего, как подключить к этой деятельности своих женщин, которых передевали в мужское платье – представителям слабого пола на Афоне категорически нельзя появляться. А те разносили в монастыри продукты, вследствие чего, как пишет современник, «стали желанными для монахов».

Помимо них, на острове появилось множество мальчиков и безбородых молодых людей, не оставляющих сомнений в роде своих занятий. Группа ревнителей благочестия попыталась бороться с этими постыдными явлениями, и тогда множество недовольных иноков, привыкших жить собственной волей, отказались подчиняться монастырскому уставу и перебрались в Константинополь, где вели вполне мирской образ жизни. Дошло до того, что император приказал патриарху принять срочные меры, а афонитам, проживавшим в столице, грозил отрезанием носа, если те не вернутся в обители. Было очень сложно не замечать, что рост благосостояния монастырей самым негативным образом сказывался на уровне благочестия. Поэтому меры императора следует, конечно, приветствовать²⁸³.

Начало 1092 г. Алексей I Комнин встретил, по обыкновению, подготовкой к новым походам. Константин Далассин добивал Чаху, и уже готовил поход против двух узурпаторов – дуки острова Крит Карикома и Рапсоматоама – правителя Кипра, решивших отложиться от Византийской империи. Василевс направил на подавление мятежа Иоанна Дуку, который без особого труда разгромил мятежников и привел острова в повиновение императору²⁸⁴.

Но вслед за этим в 1093 г. пришли известия о грабительских нападениях на западные земли Вукана, жупана Рашки – сербского государства, располагавшегося на ЮгоЗападе нынешней Сербии. Его тайно поддерживал Константин Бодин (1081—1101), король Дуклии – другого Сербского государства, правнука Болгарского царя Самуила, с которым некогда боролся император Василий Болгаробоец. Этого человека трудно было отнести к друзьям Византии. Впервые он предал императора еще под стенами Диррахия, когда оставил поле сражения и предрешил его исход. Затем, находясь в плену в Константинополе, а потом в Антиохии, где некоторое время проживал, Сербский князь укоренился в ненависти к ромеям. Женитьба на итальянке окончательно сформировала образ его мыслей. С 1081 г. Константин систематически использовал трудности Византии себе на пользу, стремясь обеспечить

свое верховенство на побережье Далмации и отобрать у византийцев западные сербские области²⁸⁵.

Алексей I тут же собрал большое войско и направил его против сербов. Заняв город Скопье, он принял их посольство, прибывшее с предложением мира, и был готов заключить мирный договор. Но жупан вовсе не собирался выполнять предложенные им же самим условия и в 1094 г. повторил набег на западные границы Византии. Предоставляя шанс своему мятежному племяннику восстановить доброе имя, василевс поставил Иоанна Комнина, сына севастократора, во главе нового войска и направил его против сербов.

Но юноша был слишком горяч, неопытен и вспыльчив, чтобы выполнить столь ответственную миссию. Проигнорировав сообщения одного монаха о готовящемся нападении на него врагов, Иоанн беспечно разбил лагерь в неудобном месте, и ночью сербы без большого труда вырезали почти половину византийской армии, внезапно напав на нее. Несолоно хлебавши Иоанн возвратился в Константинополь.

Тогда император сам взялся за дело: он собрал новую армию и повел ее в поход, сделав «дневку» в городе Дафнутия, располагавшемся в 40 км от Константинополя. Сербь, наслышанные о мужестве и полководческом таланте Алексея I Комнина, поспешили заключить новый мирный договор. Но, наученный горьким опытом, василевс потребовал, чтобы жупан лично прибыл в его лагерь с повинной, и Вукан не посмел противиться. В подтверждение своих слов о мире жупан отдал в качестве заложников двух своих племянников – Уроша и Стефана Вукана²⁸⁶.

Казалось бы, все складывалось хорошо, но Византийского царя ожидало уже новое испытание. Очередной претендент на царский титул, на этот раз сын покойного императора Романа IV Никифор Диоген (1070—1094), решил испытать свою судьбу. Поставив свою палатку рядом с шатром василевса, он ночью спрятал меч под одежду и вошел в царскую опочивальню, где служанка веером отгоняла комаров от лица спящих императора и императрицы.

Казалось бы, все способствовало тому, чтобы завершить начатое, но внезапно судорога сковала члены Никифора, и он поспешно покинул шатер, решив на следующую ночь привести свой замысел в исполнение. Наутро заговорщик подготовил другой план. Он узнал, что Константин Дука, сын Марии Аланской, которого царь взял в первый раз на войну, чтобы приобщить к воинскому искусству, пригласил Комнина в баню. Поэтому Диоген решил сделать засаду на дороге, но попался на глаза верному Татикию, который без труда разоблачил его.

Никифор Диоген бросился бежать, надеясь найти спасение в имении Марии Аланской, но по дороге 17 февраля 1094 г. был задержан братом царя. На следствии Диоген дал показания против многих знатных сановников и самой Марии Аланской, которая, как он утверждал, знала о готовящемся заговоре против Алексея I. Император был потрясен – открылось, что множество самых близких царю людей, включая бывшую возлюбленную Марию Аланскую, готовили ему погибель. Но внешне он не подал виду, что ему все известно, и предал наказанию только Никифора Диогена и его ближайшего помощника, некогда блистательного полководца Кекавкамена Катакалона. Они были ослеплены и отправлены в ссылку.

Затем последовала интересная сцена, в равной степени демонстрирующая и снисходительность царя, и его ум. На следующий день император созвал всех вельмож, имена которых значились в показаниях Никифора Диогена, и кратко поведал им о планах узурпатора. Вокруг раздались грозные крики в адрес Диогена и славословия Алексею I Комнину, которого все сановники желали иметь своим василевсом. Царь остановил их: «Не надо шуметь и запутывать дело, ведь, как уже сказано, я даровал всем прощение и буду к вам относиться как прежде». Тем самым он показал, что ему известно о заговоре гораздо больше, чем он озвучил при встрече с аристократами. Потрясенные сановники разошлись по домам, славя милость и доброту Алексея I Комнина²⁸⁷.

Осенью 1094 г. вновь зашевелились степняки – на этот раз половцы, одна из орд которых пригрела у себя самозванца, называвшего себя очередным сыном царя Романа IV Диогена. Половцы легко признали его «императором» и решили «защитить» права самозванца, выступив в поход на Константинополь. В ответ настоящий царь собрал войско и решил лично возглавить его. Многие близкие сановники горячо отговаривали императора, уже давно вышедшего из поры молодости и много раз раненного на полях сражений. Но Алексей, который, по словам дочери, в это время «не доверял даже самому себе, не хотел руководствоваться соображениями своих близких; он возложил все решения на Бога и просил Его решения». Все решил жребий, который бросил патриарх Николай Грамматик (1084—1111). Две записки легли на алтарь, и одна, на которой было начертано решение идти в поход, оказалась в руках архиерея. Для царя этого было достаточно, чтобы укрепиться в первоначальной мысли.

Выступив против половцев, Комнин разделил армию на несколько самостоятельных отрядов, командование которыми доверил самым известным и талантливым полководцам – Георгию Палеологу, Никифору Мелиссину, Иоанну Тарониту, Георгию Ефворвину, Константину Умбертопулу. Сам он занял Айтосский перевал, где и получил известие о переправе половцев через Дунай – они напрямую рвались к Адрианополю. Началась тяжелая война, где успех долго не давался в руки византийцев. Наконец, в одном из сражений император нанес степнякам сильное поражение – их погибло не менее 7 тысяч человек и еще 3 тысячи попали в плен. Сам самозванец был схвачен, отвезен в Константинополь и там ослеплен. Но основная борьба была все еще впереди, и только летом 1095 г. императору удалось окончательно отбросить половцев обратно. Затем, получив известия о новых турецких набегах на Востоке, царь вернулся в Никомидию, где предпринял успешные меры по укреплению границы²⁸⁸.

Может показаться просто невероятным, но всего за несколько лет император, не имевший изначально ни армии, ни денег, сумел разгромить основных врагов и замирился с малозначительными противниками. Печенеги были истреблены почти поголовно, восточные турки, если решались напасть на Римскую империю, тут же оказывались в аналогичной ситуации, норманны даром отдали все свои владения на Балканах, половцы просили мира. Границы Византии значительно расширились, армия восстановила свое доброе имя и старую славу. За годы войны выросли и возмужали многие замечательные полководцы, государственная казна пополнилась, мятежники заканчивали свой жизненный путь в ссылке.

Удивительно подвижный и деятельный, царь никогда не тратил время попусту. Едва выдавалась свободная минута между походами, он со всей своей неукротимой энергией обращался к вопросам обеспечения законности, принимая к своему производству жалобы, особенно вдов и сирот. Но большую часть свободного времени он посвящал изучению Священного Писания – дочь писала впоследствии о нем, что «и досуг для Алексея тоже был трудом». Царь редко позволял себе такие развлечения, как охота и излюбленная византийцами игра в мяч – он предпочитал гимнастику, верховую езду и воинские тренировки. Даже в старости, когда болезнь ног, подагра, серьезно мучила его и он оставил в стороне былые увлечения, василевс все еще ездил верхом на лошадях²⁸⁹.

Не только воинские дела занимали императора, кардинально меня недавние традиции, Алексей I Комнин действовал как настоящий глава церковного управления. Как и при прежних выдающихся императорах, все, в буквальном смысле слова, вопросы церковной жизни попали в круг его ведения. В первую очередь царь решил вопрос о церковном имуществе, ранее изъятом для государственных нужд. А после того как исполнил ранее данное обещание, опубликовал новеллу «О неупотреблении священных сосудов на общественные потребности»²⁹⁰.

Попутно василевс предпринимал систематические меры по восстановлению церковного благочестия и обеспечения целостности Православного вероучения. Еще весной 1082 г. императору поступил донос на Иоанна Итала (1025—1082) – известного и популярного византийского философа, ученика Михаила Пселла. Ученого обвинили в распространении еретических

мыслей, а также идей, уже осужденных Вселенскими Соборами – иконоборчество, отказ от признания Пресвятой Марии Богородицы и т.п. На удивление, патриарх Евстратий Гариды, вместо того чтобы осудить Итала за ересь, стал главным распространителем его учения (!). В ответ само духовенство восстало против столичного архиерея и вместе с народом направилось к его резиденции, угрожая выбросить Евстратия в окно, если тот не угомонится²⁹¹.

Конечно же, император не имел права игнорировать такую ситуацию и потому приказал провести дознание. По его распоряжению из сановников и клириков был составлен суд, и Италу предъявили 11 обвинений. Тот вначале согласился признать свои ошибки, но затем отрекся от прежних покаяний. Тогда на Константинопольском соборе 1084 г. философа признали виновным по всем пунктам, постригли в монахи и сослали в отдаленную обитель²⁹². А попутно низвергли и Евстратия, место которого на патриаршем престоле «Нового Рима» занял Николай III Грамматик.

В 1094 г. императору вновь пришлось принять деятельное участие в борьбе с двумя другими ересями. Ересиархом первой из них был некто Нил, ложно учивший о природе Спасителя. Комнин неоднократно приглашал к себе этого человека, пытаясь отговорить его, но тот был упрям и ни при каких условиях не соглашался признать Халкидонский орос. Сам Нил был отшельником из Египта, и его образование представлялось весьма сомнительным. Однако ересиарх обладал личной смелостью и умением упрямо стоять на своем, ничего не опасаясь – своего рода вариант религиозного фанатизма, бездуховного и бездушного. Занятый в своей келье чтением Священного Писания, игнорируя Святоотеческое Предание, Нил считал себя новым мессией, избранным Богом для просвещения других.

Выполняя свое «предназначение», он оставил Египет и перебрался в Константинополь, где вскоре прослыл человеком благочестивым. Тем паче, что он действительно был истинным аскетом. Его строгая и суровая речь привлекала к себе многих византийцев, и женщины яростно спорили между собою, желая пригласить к себе «пророка», который был способен посвятить своих слушателей в «тайны» Православия. «Темнота его речи казалась глубиной, грубый язык – Евангельской простотой. Цитирование из апокрифов для многих из его слушателей казалось верхом учености»²⁹³.

Видя, что ересь собирает широкую аудиторию, василевс срочно созвал Синод во главе с патриархом Николаем III Грамматиком, где ересиарх и его учение были анафематствованы. В этом же году пришлось созывать Собор и по вопросу другой ереси, которую распространял по столице некий иерей Влахернит, выходец из секты «энтузиастов» – религиозной группы, полагавшей, что свои тайны, заключенные в Священном Писании, Господь открывает избранным людям в моменты их экстаза. И на этот раз инициатива рассмотрения этого вопроса принадлежала царю. Влахернита осудили и анафематствовали вместе с его учением²⁹⁴.

В 1115 г. царь начал системно бороться на богословском поприще уже с павликианами. При помощи своего зятя, кесаря Никифора Вриенния, епископа Филиппопольского и митрополита Никейского, он организовал серию диспутов у себя во дворце. Еретикам было позволено открыто высказаться и дебатировать с самим царем. Император, забыв о пище и отдыхе, целыми днями дискутировал с ними. Деятельность царя по отношению к павликианам оказалась очень эффективной. Эта грозная ересь почти полностью исчезла, поскольку ее «богословы» были переубеждены василевсом, а сами павликиане получили большие дары, должности на государственной службе и землю. Многих павликиан император поселил в специально построенном городе Алексиполе, близ Филиппополя, выделил им пахотные земли и виноградники. Только трое павликиан продолжали упорствовать. Тогда Комнин приказал поселить их возле своего дворца и в свободное время продолжал убеждать еретиков. Наконец, один из них смирился и отрекся от старых взглядов, но двое так и сохранили свою веру, за что были заточены в тюрьму, где позднее скончались²⁹⁵.

Прекрасное знание Православного вероучения, отточенный богословский язык и общая эрудиция императора, его постоянная готовность вступить за Православие в диспуте с еретиками – все это привело к тому, что Алексея I Комнина современники называли «тринадцатым апостолом»²⁹⁶.

Впрочем, борьба с другой ересью, богомилством, была не столь успешной. Первоначально василевс обеспечил богословскую линию нападения, поручив знаменитому монаху Евфимию Зигавину написать сочинение, в котором подробно излагались все известные ереси. Вскоре это произведение под названием «Догматическая Паноплия (“Всеоружие”»)» вышло в свет и активно использовалось в борьбе с богомилами²⁹⁷.

Алексей I узнал, что идеологом этой ереси является некий монах Василий. Император тайно пригласил его к себе во дворец, оказал почести и завел разговор. Василий не знал, что за гардиной находится скорописец, стенографирующий все речи монаха. Каково же было его изумление, когда император отдернул завесу, а за ней перед главой богомилов предстал Константинопольский патриарх Николай III и члены синклита. За отказ отречься от своего учения Василий был брошен в тюрьму, арестовали и множество его последователей. На следующий день император вместе с синклитом рассмотрел их дело. Сложность проведения следствия заключалась в том, что, за исключением отдельных вождей, остальные богомилы отрицали свою принадлежность к ереси.

Тогда царь пошел на хитрую уловку, чтобы узнать, кто из подсудимых в действительности является богомилом, а кого обвинили ложно. Каждого из обвиняемых царь предупредил: все они преданы смерти за ересь, но раскаявшиеся примут смерть как правоверные христиане, а упорствующие – как богомилы. И когда разожгли на площади костры, почти все обвиняемые столпились возле «своего», предназначенного для еретиков. Так василевс отделил «козлиц от овец». Ложно обвиненных христиан, естественно, отпустили по домам, а богомилов отправили в тюрьму²⁹⁸.

Как человек, искренне и глубоко верующий в Бога, Комнин был настоящим филантропом и много жертвовал на благотворительные цели. Имея в качестве примера для подражания свою мать, он просто не мог быть иным, а согласно сохранившимся свидетельствам современников, Анна Далассина имела завидную привычку большую часть ночи проводить в молитве и пении псалмов²⁹⁹.

По приказу царя был значительно расширен дом призрения бедных, располагавшийся в столице. Сироты вообще составляли предмет особой заботы василевса, и для них он открывал школы и дома, где одновременно проживало до 10 тысяч детей (!). Император лично написал устав (типикон) такой богадельни, который, по словам исследователей, составляет пример «самого трогательного, что история сохранила на счет гуманитарных понятий в византийском обществе». Обслуживало заведение несколько тысяч педагогов, врачей и слуг – и все за государственный счет.

Как и всякий благочестивый император, Комнин слыл «другом монахов». При его поддержке св. Христодул основал в 1088 г. образцовый монастырь в Патмосе³⁰⁰. А Святая гора Афон, известная уже несколько столетий как духовный центр Православия, получила при Алексее I Комнине новые льготы. Император освободил все Афонские монастыри от каких-либо налогов и сборов, установив своей новеллой, что «гражданские чиновники не должны иметь со Святой Горой никаких сношений». Игумен, возглавлявший специальный орган управления Афоном – совет старейшин, рукополагался самим василевсом, вследствие чего Гора оказалась под покровительством и непосредственной защитой Византийского царя³⁰¹.

Перу императора принадлежит множество новелл по вопросам догматики и каноники. В 1086 г. Алексей I издал новеллу, в которой определил размер вознаграждения, получаемого епископами со своей паствы. В 1107 г. им была издана новелла, регулирующая вопросы избрания епископов и прочих клириков. Констатировав, что «христианская Церковь доведена до

опасного положения, поскольку иерархический чин ежедневно приходит все к худшему и худшему состоянию», император назвал себя высшим блюстителем церковных порядков. И такой порядок вещей в очередной раз стал спасительным для Византийской империи и самой Восточной церкви. Уровень образования и высота духа многих клириков в то время находились на крайне низком уровне, благочестие было забыто, а вследствие смещения понятий о том, чем должна заниматься Церковь и священноначалие, были забыты священные каноны.

Об этом ярко свидетельствует письмо патриарха Николая III Грамматика императору: «Есть Апостольское правило (33е), которое гласит: «Ежели который епископ или пресвитер, или диакон не постятся во Св. Четыредесятницу или в среду и пяток, да будет низложен, а мирянин отлучится». А теперь найдешь ли ты постящихся иереев? Все извиняются немощью – даже сами законники и церковные проповедники. Кто теперь постится? Разве где какой затворник или пустынный, да и то редко. Как же налагать прещения на легкомысленный и необразованный народ просто и когда случится, и притом, когда никто не соблюдает их? Я не налагаю продолжительных епитимий или прещений, потому что никто не соблюдает их. Я давно знал, что давно ничего не соблюдает человеческое естество. Безумно налагать епитимии на этих людей!»³⁰²

Казалось, что св. Юстиниан Великий вернулся на царский престол вечной Римской империи. Желая искоренить зло, царь подробно изложил свои претензии в адрес архиереев и прочих клириков, а затем определил условия улучшения их положения – как финансового, так и нравственного. Никакие «мелочи» не ускользали от его взора. Так, Комнин законодательно защитил патриаршего хартофилакса, о котором некоторые провинциальные епископы думали, будто ему не по чину сидеть рядом с ними на заседаниях синода. От взора императора не укрылась и ситуация с Константинопольским патриархом, права которого он решил особо закрепить в своих эдиктах³⁰³.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.